

Льюис Спенс

Атлантида. История исчезнувшей цивилизации

«Центрполиграф»
2004

Книга Льюиса Спенса — это исследование тайн цивилизации, которая, как полагают, погрузилась в пучину океана более 11 тысяч лет назад. Ученый выдвигает основные версии и гипотезы существования Атлантиды как высокоразвитого государства с самобытной религией, традициями и культурой, простиравшего господство на все Средиземноморье.

Оригинал: "The History of Atlantis"
Перевод: А. Н. Зотина
ISBN 5-9524-0090-6

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЛАТОНА

Глава 2

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ АТЛАНТИДЫ С IV СТОЛЕТИЯ ДО Н. Э. И ДАЛЕЕ

Глава 3

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ОБ АТЛАНТИДЕ

Глава 4

ГЕОГРАФИЯ АТЛАНТИДЫ

Глава 5

РАСЫ АТЛАНТИДЫ

Глава 6

КАМЕННЫЙ ВЕК В АТЛАНТИДЕ

Глава 7

ЦАРИ АТЛАНТИДЫ

Глава 8

БРИТАНСКАЯ АТЛАНТИДА

Глава 9

ЛЕГЕНДЫ АТЛАНТИДЫ

Глава 10

ЖИЗНЬ В АТЛАНТИДЕ

Глава 11

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА АТЛАНТИДЫ

Глава 12

РЕЛИГИЯ В АТЛАНТИДЕ

Глава 13

ЖИВОТНЫЕ АТЛАНТИДЫ

Глава 14

КОЛОНИИ АТЛАНТИДЫ

Глава 15

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС АТЛАНТИДЫ

ВВЕДЕНИЕ

История Атлантиды должна отличаться от всех других историй по следующей фундаментальной причине: она стремится восстановить прошлое страны, земля которой недоступна для археологии. Если бы в результате какого-нибудь природного катаклизма Итальянский полуостров погрузился бы в лазурные воды Средиземноморья вскоре после падения Рима, мы все же располагали бы объемными документальными свидетельствами роста и возвышения Римской империи. В то же самое время для нас была бы навсегда потеряна земля, на которой эта империя процветала и на которой остались руины ее культуры и архитектуры, и нам оставалось бы только судить о ней по ее колониальным проявлениям. Мы по большей мере волей-неволей основывали бы наши представления о латинском наследии на изучении институтов, созданных империей в других землях, и традиций, сохранившихся после ее исчезновения среди окружающих Рим варварских народов.

Сколь бы ни были велики трудности, сопровождающие подобное предприятие, в действительности они не идут ни в какое сравнение с попытками разглядеть сквозь мглу времен очертания хроник и событий, хранящих память о цивилизации, которая погрузилась в пучину океана почти за девять тысяч лет до основания Вечного города. Столь сложная для историка задача могла бы смутить кого угодно. Затонувший Рим, разрушенные землетрясением Афины завещали бы грядущим поколениям тысячи подтверждающих их существование документов. Потонул бы за тысячу лет до Рождества Христова Вавилон или вся египетская долина — они все же оставили бы после себя свидетельства своей торговли со Средиземноморьем, их глиняная посуда и другие артефакты были бы найдены на Крите и на Кипре. Более того, позвольте напомнить, что сам район Ниневии был забыт и что еще столетие назад нам были известны только наиболее общие основы вавилонской и египетской истории, и их письменные иероглифы были тогда еще не расшифрованы. И тем не менее было бы правильно полагать, что археология, которая берется за детальное восстановление цивилизаций, ушедших в глубь времен, как в бездну океана, не в силах подступиться к решению куда более запутанной проблемы — к реконструкции истории континента, погрузившегося на дно задолго до Древнего Египта.

Именно здесь необходимо сказать кое-что относительно собственных представлений автора о предмете исторической науки. Всем должно быть очевидно, сколь большую роль играло вдохновение в распутывании археологических проблем в течение прошлого столетия. Именно благодаря вдохновению, ровно настолько, насколько и элементарной учености, были разгаданы иероглифы Египта и клинопись Вавилона. Не вдохновение ли указало Шлиману точное расположение Трои прежде, чем он раскопал ее? Вдохновение — воистину метод археологии будущего. Унылая школа измерений, исполненная как легковерия, так и скептицизма, обречена.

Аналогия — инструмент вдохновения, способный дать потрясающие результаты, если его верно применять. Уже сейчас результаты археологии и фольклора почти полностью зависят от аналогий. Только благодаря сравнению мы можем пролить свет на природу необъясненных обычаев и предметов, и в этой работе будет в значительной степени использоваться метод аналогий, потому что именно с помощью этого исследовательского зонда мы можем проникнуть сквозь твердый панцирь забвения, скрывающий факты из истории Атлантиды.

Факты! Есть ли у нас вообще какие-нибудь факты, касающиеся Атлантиды? И само название, «История Атлантиды», не оскорбляет ли интеллект большинства читателей? Если читатель, добравшийся до конца этой книги по прочтении последней страницы не согласится, что описанный Платоном остров-континент действительно существовал, то он по крайней мере будет заинтересован самим предметом обсуждения и признает, что гипотеза об Атлантиде имеет право на существование. Но автор твердо убежден, что предание об Атлантиде основано на бесспорных фактах, и считает, что перед лицом такого множества доказательств, соединенных в этом исследовании, было бы просто несерьезным ребячеством не верить в основные детали истории, рассказанной Платоном.

В подтверждение этому можно сказать, что данное исследование базируется на материале исторических свидетельств или преданий, почерпнутых из древнейших источников; оно

предоставляет возможности для сравнения географии, обычаев и религии Атлантиды с географией, обычаями и религиями соседних регионов. Можно, например, взять рассказ Платона об Атлантиде и по пунктам сравнить приведенные там свидетельства с соответствующими данными истории и археологии, что в результате приведет к полному подтверждению этого рассказа.

И позвольте сразу же заметить, что Платон не вкладывал в свой рассказ ни аллегорического, ни мифологического смысла. Есть все основания считать его рассказ в большей степени опирающимся на факты, чем, например, «*Historia Britonum*» Джеффри Монмота, в которой чистая руда истории содержит изрядную примесь легенд. Платон, бесспорно, позаимствовал эту историю из египетских источников, и причин ставить под сомнение честность его рассказа не больше, чем сомневаться в правдивости любого другого античного источника, в котором история окутана дымкой мифологии.

Предание, как это теперь признается, если использовать его с достаточной осторожностью, может предоставить историку данные, столь же заслуживающие доверия, как и лучшие документально заверенные исторические свидетельства. Еще недавно мы могли наблюдать, как фигура нашего британского Артура, некогда тусклая и таинственная, постепенно сбросила с себя покровы легенд и приобрела человеческие качества и черты. Были времена, когда Менес, первый царь I династии Египта, считался мифической личностью, в то время как сейчас известно, что он действительно существовал и имел довольно многочисленных предшественников. Не далее как в этом месяце, когда в Сирии писались эти строчки, поступили удивительные свидетельства о находке скульптурной головы Христа, датируемой II столетием, которые полностью разбивают аргументы тех, кто стремился доказать мифическую природу нашего Спасителя. В этом месяце также было окончательно доказано, что останки Петра и Павла в действительности покоятся под фундаментом собора Святого Петра в Риме. Все мы вспоминаем, как смеялись над «мифическим» окапи сэра Гарри Джонстона, прежде чем он был найден, убит и выставлен на всеобщее обозрение. А как мы иронизировали по поводу гигантского ленивца Хескета Притчарда до тех пор, пока этот знаменитый путешественник не обнаружил большой кусок его хорошо сохранившейся кожи в Патагонии. Все это было «мифом» для одних и правдой для других.

Сама идея Атлантиды, описанной Платоном, подвергалась насмешкам многих поколений археологов просто потому, что не было никакого прямого документального подтверждения ее существования. Но разумно ли ожидать прямого документального свидетельства, касающегося цивилизации, которая полностью исчезла более одиннадцати тысяч лет назад? Совершенно очевидно, что доказывать существование такой культуры нужно другими средствами. Находим ли мы в странах, которые, судя по всему, граничили с Атлантидой, следы этой цивилизации, как кратко замечает об этом Платон? Цель этой книги как раз и состоит в том, чтобы попробовать доказать это. В заключительной главе будет показано то, что автор назвал «комплексом Атлантиды», — специфический набор традиций, обрядов и обычаев, которых в сочетании с местными условиями мы не найдем ни в какой другой части земного шара, кроме пространства, простирающегося между берегами Западной Европы и Восточной Америки. В прибрежных областях этих регионов и в их изолированных отдаленных поселениях обнаруживается культурный комплекс, самостоятельное существование которого ясно показывает, что корни его тянутся в ныне не существующие области Атлантики.

Именно таким методом следует изучать цивилизацию Атлантиды, и только так может быть в конечном счете доказано ее существование. Теория Атлантиды претерпела значительный ущерб от грубого напора энтузиастов и, возможно, подчас слишком восторженных заявлений самого автора. Но приближаться к этой предыстории, используя археологический подход, представляется тщетным и бесполезным делом, поскольку, как я уже сказал, проблема такой тонкости и экстраординарной сложности может быть когда-либо распутана с помощью воображения и вдохновения. Большие археологические открытия на земле часто делались случайно, как, например, в случае эпохальной находки в Кроманьоне и Мас-д'Азиль. Но ждать от океана, чтобы он извергнул свои тайны, можно целую вечность. Пожелайте же, чтобы археолог, будь он профессионал или же любитель, не смотрел слишком недружественно на исследования, все еще ищущие свои методы, разрушающие многие

предрассудки и грешащие недостатком эмпирицизма, до тех пор, пока не найдутся подходящие для этой особенной задачи инструменты. Ни один ученый не иронизирует теперь над невообразимыми методами, благодаря которым поколения алхимиков создавали химическую науку и привели ее на священный пьедестал точных наук. По аналогии вполне можно допустить, что история Атлантиды все еще находится в «алхимической» стадии. Профессиональный археолог в этой истории может сталкиваться с сотней вещей, которые он не любит и презирает. Возможно, он будет отрицать и само название исследования. Если он это сделает, я не буду испытывать сильного смущения, поскольку я убежден, что самое дикое предположение часто бывает столь же близко к цели, как и наиболее осторожное утверждение, когда мы имеем дело с такими глубокими проблемами. Я не стал бы утверждать, что желаю умножить или поощрить метод случайности в специфической сфере археологии Атлантиды, но я весьма симпатизирую другу Эдисона, который, когда изобретатель ему сказал, что не существует никакого растворителя для мочевой кислоты, вернулся в свою лабораторию, смешал все препараты, содержащие яды, и обнаружил, что одиннадцать из них все-таки растворяют ее!

Это все, что касается метода. Теперь мы должны рассмотреть сам рассказ Платона об Атлантиде и затем сравнить его с другими более поздними классическими аллюзиями о таинственном острове-континенте в Атлантике.

Глава 1

ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЛАТОНА

Диалоги Платона «Тимей» и «Критий» составляют не только самые полные, но и наиболее важные исторические свидетельства об Атлантиде, которыми мы обладаем. Поскольку доступные переводы тех мест в работах Платона, которые имеют ссылку на Атлантиду, как мне кажется, оставляют желать много лучшего, я тщательно скомпилировал их новую версию, базируясь в «Тимее» на переводах Джоветта («Диалоги Платона») и Р. Д. Арчера Хинда и в «Критии» на переводе Эбби Жолибо («Dissertation sur l'Atlantide») и превосходном французском переводе П. Негри («La question de l'Atlantis de Platon»). Благодаря осторожному сопоставлению этих переводов, я полагаю, составил текст, который будет полезен исследователям проблемы Атлантиды больше, чем любой из существующих ныне переводов на английский. Этот текст следует расценивать не как перевод, а скорее как компиляцию переводов Платона, касающихся Атлантиды. В то же самое время я соблюдал всю должную осторожность, чтобы избежать любого искажения оригинала, который в последующих страницах не предоставлен во всей его полноте, хотя и ни один важный факт мной не опущен.

Работа Платона «Тимей» написана в форме диалога. Сократ, Гермократ, Критий и Тимей собрались для философской беседы, и Сократ напоминает Критию, что он обещал им рассказать историю, которая могла бы быть подходящей «для праздника богини».

Гермократ. Конечно же, Сократ, как сказал наш Тимей, у нас не будет недостатка в усердии, да мы и не нашли бы никакого себе извинения, если бы отказались. Ведь и вчера, едва только мы вошли к Критию, в тот покой для гостей, где и сейчас проводим время, и даже на пути туда, мы рассуждали об этом самом предмете. Критий тогда еще сообщил нам одно сказание, слышанное им в давнее время. Расскажи-ка его теперь и Сократу, чтобы он помог нам решить, соответствует ли оно возложенной на нас задаче или не соответствует.

Критий. Так и надо будет сделать, если согласится Тимей.

Тимей. Конечно, я согласен.

Критий. Послушай же, Сократ, сказание хоть и весьма странное, но, безусловно, правдивое, как засвидетельствовал некогда Солон, мудрейший из семи мудрецов. Он был родственником и большим другом моего прапрадеда Дропида, о чем сам неоднократно упоминает в своих стихотворениях; а Дропид передал это моему деду, Критию, который в свою очередь повторял это нам, — что в Афинах в древности совершались великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты по причине бега времени и смены поколений; величайшее из них то, которое сейчас нам будет кстати припомнить, чтобы сразу и отблагодарить тебя, и почтить богиню в ее праздник достойным и правдивым хвалебным гимном.

Сократ. Прекрасно. Однако что же это за подвиг, о котором Критий со слов Солона рассказывал как о замалчиваемом, но действительно совершенном нашим городом?

Критий. Я расскажу то, что слышал как древнее сказание из уст человека, который сам был далеко не молод. Да, в те времена моему деду Критию было около девяноста лет, а мне — около десяти. Мы тогда как раз отмечали «день детей» на празднике Апатурии¹, и по установленному обряду для нас, мальчиков, наши отцы раздавали награды за чтение стихов. Много звучало творений разных поэтов, в том числе многие мальчики исполняли стихи Солона, которые в то время были еще новинкой. И вот один из членов фратрии, то ли впрямь по убеждению, то ли думая сделать приятное Критию, заявил, что считает Солона не только мудрейшим из людей, но еще и величайшим поэтом. Старик очень обрадовался и сказал, улыбнувшись: «Да, Аминандр, если бы он еще занимался поэзией не урывками, а всерьез, как другие, и если бы он довершил сказанное, привезенное им сюда из Египта, и не забросил бы по причине неурядиц, с которыми столкнулся по возвращении на родину, то я полагаю, что тогда

¹ Апатурия — праздник в честь Дионисия, отмечаемый в октябре, на котором происходила инициация юношества.

ни Гесиод, ни Гомер, ни какой-либо иной поэт не мог бы превзойти его своей славой». «А что это было за сказание, Критий?» — спросил Аминандр. «Оно касалось, — ответил дед, — величайшего из деяний, когда-либо совершенных нашим городом, которое заслуживало бы стать и самым известным из всех, но по причине времени и смерти, совершивших его, рассказ о нем до нас не дошел». «Расскажи с самого начала, — попросил Аминандр, — при каких обстоятельствах и от кого слышал Солон то, что рассказывал как истинную правду?» «Есть в Египте, — начал Критий, — у вершины Дельты, где Нил расходится на отдельные потоки, ном, именуемый Саисским; главный город этого нома — Саис, откуда, между прочим, был родом царь Амасис. Покровительница города — некая богиня, которая по-египетски зовется Нейт, а по-эллински, как утверждают местные жители, это Афина: саисяне весьма дружелюбно расположены к афинянам и притязают на некое родство с ними».

Солон рассказывал, что, когда он в своих странствиях прибыл туда, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов почти ничего об этом не знают. Однажды, вознамерившись перевести разговор на старые предания, он попробовал рассказать им наши мифы о древнейших событиях — о Форонсе, почитаемом за первого человека, о Ниобе и о том, как Девкалион и Пирра пережили потоп; при этом он пытался вывести родословную их потомков, а также исчислить по количеству поколений сроки, истекшие с тех времен. И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» — спросил Солон. «Все вы юны умом, — ответил жрец, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот такая: уже были и еще будут многократные случаи гибели людей, самые страшные из них — из-за огня и воды, но есть среди них и другие, менее значительные. Отсюда и распространенное также у вас сказание о Фаэтоне, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить ее по отцовскому пути, а потому спалил все на Земле и сам погиб, испепеленный молнией.

Положим, это сказание похоже на миф, но в нем содержится и правда: и в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому время от времени все на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест подвержены более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а потому постоянный наш благодетель Нил избавляет нас и от этой беды, разливаясь, но когда же боги, творя над Землей очищение, затопляют ее водами, уцелеть могут волопасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесенными потоками в море, но в нашей стране вода ни в такое время, ни в какое-либо иное не падает на поля сверху, а, напротив, по природе своей поднимается снизу. По этой причине сохраняющиеся у нас предания древнее всех, хотя и верно, что во всех землях, где тому не препятствует чрезмерный холод или жар, род человеческий неизменно существует в большем или меньшем числе. Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в Афинах, в Египте или в любой другой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и других прочих народов всякий раз, как только успеет сложиться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих².

Взять хотя бы эти ваши родословные, Солон, которые ты только что излагал, ведь они почти ничем не отличаются от детских сказок, так вы прежде всего храните память только об одном потопе, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что

² Говоря о разрушении древних записей, жрец имеет в виду землетрясения и потопа. Египтяне были защищены от обеих катастроф Нилом и отсутствием дождей — их население постоянно, и их памятники и сочинения не подвержены гибели. Ничего такого, конечно, нельзя сказать о Греции.

прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходите от тех немногих, кто остался из этого рода, но вы ничего о нем не ведаете, ибо их потомки на протяжении многих поколений умирали, не оставляя никаких записей и потому как бы безмолвствуя. Между тем, Солон, там, где ныне стоят Афины, задолго до самого большого и разрушительного наводнения существовало государство, было оно первым в военной доблести, и совершенство его законов стояло выше всякого сравнения; предание приписывает ему такие деяния и установления, которые прекраснее всего, что мы когда-либо слышали». Узнав это, Солон, по собственному его признанию, был поражен и горячо упрашивал жрецов со всей обстоятельностью и по порядку рассказать об этих древних афинских гражданах.

И жрец ответил ему: «О, Солон, я все расскажу ради тебя и вашего государства, но прежде всего ради той богини, что получила в удел, взрастила и воспитала как ваш, так и наш город. Однако Афины она основала на целое тысячелетие раньше, восприняв ваше семя от Геи и Гефеста, а наш — позднее. И дата основания нашего отражена в священных записях, сделанных восемь тысячелетий назад, а для афинян эта исчисляется девятью тысячами лет. Я вкратце расскажу тебе об их законах и величайших подвигах. Позднее, на досуге, мы по порядку рассмотрим, насколько они правдивы. Законы своих предков ты можешь представить себе, сравнивая со здешними: ты найдешь ныне в Египте множество установлений, принятых в те времена у вас, и прежде всего обособленное от всех прочих сословие жрецов, затем сословие ремесленников, где каждый занимается своим ремеслом, ни с кем больше не общаясь, а также сословия пастухов, охотников и земледельцев; и еще воинское сословие, как ты, должно быть, сам заметил, тоже отделенное от прочих, и его членам закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны.

Добавь к этому, что снаряжены воины щитами и копьями, этим оружием одарила людей богиня, и мы ввели его у себя первыми в Азии³, как вы — первыми в ваших землях.

Что касается умственных занятий, ты и сам видишь, как тщательно наш закон вырабатывал основополагающие принципы — от законов природы до божественных наук и медицины, этого искусства врачевания, добавляя полезное и всем другим наукам. Такой порядок богиня еще раньше ввела и у вас, устроив ваше государство, а начала она с того, что отыскала для вашего рождения такое место, где под действием мягкого климата вы рождались бы разумнейшими на Земле людьми. Будучи покровительницей войны и мудрости, богиня избрала такой край, который обещал порождать людей, похожих на нее саму, и там она вас и расселила. И вы стали жить там по тем законам, о которых я говорил, и даже еще лучше, и превосходили всех людей добродетелью. Из великих деяний вашего государства немало таких, которые известны по нашим записям и служат предметом восхищения; однако среди них есть одно, которое превышает величию и доблестью все остальные. Ведь согласно нашим записям государство ваше положило предел дерзости несметных воинов, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, державших путь от Атлантического океана.

Ведь в те времена через это море можно было переправиться, ибо за проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами, еще находился остров. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию⁴, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противолежащий материк, замыкающий то море, что и впрямь заслуживает такое название. Ведь море по эту сторону упомянутого пролива — всего лишь залив с узким входом, тогда как по ту сторону пролива простирается море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком. На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, и возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась не только на весь этот остров, но и на многие

³ Во времена Платона Египет считался частью Азии. В действительности обо всей Африке говорили как о части Азии.

⁴ Платон имеет в виду, конечно, Северную Африку и Малую Азию.

другие острова, а также на часть материка, а сверх того восточнее пролива они правили Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Этрурии. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: превосходя всех твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, потом, когда союзники отошли, боролось в одиночестве и, терпя страшные неудачи, все же одолело завоевателей и торжествовало над ними.

Тех, кто еще не был поработен, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, обитавших по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными. Но позднее, когда пришел срок невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров». Ну вот я и пересказал тебе, Сократ, как возможно короче то, что передавал со слов Солона старик Критий. Когда ты вчера говорил о твоём государстве и его гражданах, мне вспомнился этот рассказ, и я с удивлением заметил, как многие твои слова по какой-то поразительной случайности совпадают со словами Солона.

Но тогда мне не хотелось ничего говорить, ибо по прошествии столь долгого времени я недостаточно помнил содержание рассказа; поэтому я решил, что мне не следует говорить до тех пор, пока я не припомню всего с должной обстоятельностью. И вот почему я так охотно принял на себя те обязанности, которые ты вчера мне предложил: мне представилось, что если в таком деле важнее всего положить в основу речи согласный с нашим замыслом предмет, то нам беспокоиться не о чем. Как уже заметил Гермократ, вчера, едва уйдя отсюда, я в беседе с ним сразу же начал припоминать суть дела, а потом, оставшись один, восстанавливал в памяти подробности всю ночь напролет и вспомнил почти все.

Справедливо изречение, что заученное в детстве куда как хорошо держится в памяти. Я совсем не уверен, что мне удалось бы полностью вспомнить то, что я слышал вчера; но вот если из этого рассказа, слышанного мною давным-давно, от меня хоть что-то ускользнет, я буду удивлен. Ведь в свое время я выслушивал все это с таким истинно мальчишеским удовольствием, а старик так охотно отвечал на мои всегдашние расспросы и все разъяснял, что рассказ неизгладимо запечатлелся в моей памяти, словно выжженная огнем по воску картина, которую нельзя стереть. А сегодня рано поутру я поделился рассказом вот с ними, чтобы им тоже, как и мне, было о чем поговорить. Итак, чтобы наконец-то дойти до сути дела, я согласен, Сократ, повторить мое повествование уже не в сокращенном виде, но со всеми подробностями, с которыми я сам его слышал. Граждан и государство, что были тобою вчера нам представлены как в некоем мифе, мы перенесем в действительность и будем исходить из того, что твое государство и есть вот эта наша родина, а граждане, о которых ты размышлял, суть вправду жившие наши предки из рассказов жреца.

Соответствие будет полное, и мы не погрешим против истины, утверждая, что в те-то времена они и жили. И, поделив между собой обязанности, мы попытаемся сообща должным образом справиться с той задачей, что ты нам поставил. Остается только решить, Сократ, по сердцу ли тебе такой предмет, или вместо него нужно искать какой-либо иной.

Сократ. Да что ты, Критий, какой же предмет мы могли бы предпочесть этому? Ведь он как нельзя лучше подходит к священнодействиям в честь богини, ибо сродни ей самой; притом важно, что мы имеем дело не с вымышленным мифом, но с правдивым сказанием. Если мы его отвергнем, где и как найдем мы что-нибудь лучше? Это невозможно. Так в добрый час! Начинайте, а я в отплату за мои вчерашние речи буду молча вас слушать⁵.

⁵ Критий хочет сказать, что он был поражен, насколько описание идеального государства у Сократа походит на Афины, изображенные в истории Солона. Таким образом он попытался вспомнить все обстоятельства этой истории в надежде, что это поможет Сократу в его примере воображаемого Содружества наций. После этого Критий переходит к изложению устройства Вселенной в сравнении с созданиями человечества.

На этом мы распрощаемся с Тимеем.

Следующая работа Платона, в которой упоминается Атлантида, — его диалог «Критий», представляющий собой рассказ этого самого Крития об условиях жизни в Атлантиде, пересказанный его прапрадеду Дропиду Солоном⁶. За девять тысяч лет до времен Солона, или приблизительно в 9600 году до н. э., произошла война между народами в пределах Геракловых столпов и вне них. Афины возглавили восточные народы, цари острова Атлантида повели за собой западные. Атлантида была островом по площади больше, чем Азия (Малая Азия) и Ливия (Северная Африка), вместе взятые, но она была поглощена сотрясением земли, и ее расположение отмечено ныне опасными пливунами, которые делают море в этой области несудоходным.

В эту древнюю пору Афины владели бескрайними землями, их поля были плодородны, а жители многочисленны. Что же касается жителей Атлантиды, Критий объясняет своим слушателям, что он должен перевести имена их героев на греческий язык. Солон, который написал их историю в стихах, обнаружил, что жрецы Саиса уже придали этим именам египетское звучание. Так что он мог позволить себе подобную же свободу, при сохранении значения их имен. У его предка этот рассказ был записан в письменной форме, но ему, Критию, приходилось полагаться на собственную память, повествуя о том, что он слышал в детстве и что произвело на него глубокое впечатление.

Боги разделили всю землю на владения — одни побольше, другие поменьше. Так и Посейдон, или Нептун, получил в удел остров Атлантида и населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины. На острове этом не было гористых берегов, от моря и до середины его простиралась равнина — по преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла невысокая гора. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа, от которой у него была дочь по имени Клейто. После смерти родителей Посейдон совратил эту девушку и укрепил холм, на котором она обитала, огородив его попеременно насыпями и рвами. Насыпей было две, рвов — три, они были заполнены морской водой и расположены на равном расстоянии друг от друга, что делало гору неприступной, ибо кораблей и судоходства тогда еще не было. Посейдон также сотворил на острове два родника — один горячий, другой холодный, — отчего земля стала плодороднее. Там бог произвел на свет пять пар близнецов мужского пола. Он взрастил их и поделил весь остров Атлантида на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения, как наибольшую и наилучшую долю, а остальным сыновьям дал землю в других частях Атлантиды и наделил властью над разными народами. Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю он дал то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлас. Близнецу, родившемуся сразу после него и получившему в удел крайние земли острова со стороны Геракловых столпов вплоть до нынешней страны гадиритов, называемой по тому уделу, было дано имя, которое можно было бы передать по-эллински как Эвмел, а на туземном наречии — как Гадир. Из второй пары близнецов он одного назвал Амфиром, а другого Эвемоном, из третьей пары — старшего Мнесеем, а младшего Автохтоном, далее — Эласипп и Местор, Азаэс и Диапреп. Все они в течение многих столетий благополучно правили на острове, создав посреди океана сильную державу и распространив свою власть на многие другие земли вплоть до Египта и Тиррении.

Род Атласа долгие века бессменно господствовал на острове. Старейший всегда был царем и передавал корону старшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду. Они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все необходимое, приготовляемое как в городе, так и по всей стране. Многое ввозили они из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров — прежде всего

⁶ На самом деле это является расширенным вариантом рассказа Крития об Атлантиде в «Тимее».

любые виды камня и минералов, и в их числе так называемый орихалк (горная медь), минерал по ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес, имевшийся на острове в изобилии, поставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных и даже слонов, которых на острове водилось великое множество, — всем вдоволь хватало корму на болотах, озерах и реках, на горах или равнинах. Земля одаривала богатством: кореньями, травами, древесиной, смолами, цветами, плодами, сладким виноградом, зерном и овощами. Кроны деревьев укрывали от палящих лучей солнца счастливый народ; фрукты утоляли голод и жажду, а один особенный фрукт с твердой кожурой давал и мякоть, и сок, и масло. Одним словом, на этом острове, которому суждено было так несчастливо исчезнуть, имелось все, чтобы насытить и тело, и дух да еще и умаслить своими приношениями богов. Пользуясь этими дарами земли, жители Атлантиды отстроили святилища и дворцы, перебросили мосты через водные кольца, трижды опоясавшие древнюю столицу, а еще они построили мост от дворца к морю. Принимая дворец в наследство, каждый царь все более расширял и украшал его, силясь превзойти предшественника, пока в конце концов не было создано поразительное по величине и красоте сооружение. От моря они провели канал в 300 футов шириной и 100 футов глубиной и около 60 миль в длину. Этот канал был судоходен, и на нем выстроили гавань для больших судов. Вблизи мостов они прорыли каналы такой ширины, чтобы от одного водного кольца к другому могла пройти одна триера или трехпалубная галера: высота мостов над поверхностью моря была достаточной для этих простых судов. Самое большое по окружности водное кольцо, непосредственно соединявшееся морем, было 1800 шириной, следующее за ним — 1200 футов, а третье, вплотную окружавшее остров, — 600 футов. Этот остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев, или 1000 ярдов в диаметре; остров, а также окружающие его земляные кольца были окружены каменными стенами, и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Ширина моста у главных ворот составляла около 100 футов. Черный и красный камень для колонн они добывали в каменоломнях острова. На стенах, охватывающих внешнюю зону, было легкое медное покрытие, а внутреннюю стену покрывали пластины олова, стены же самой цитадели были покрыты орихалком. Внутри обиталище царей было устроено следующим образом. В самом средоточии сверкало золотом недоступное святилище Клейто и Посейдона — здесь потомки первых жителей Атлантиды каждый год приносили свои жертвы богам. Храм Посейдона имел 600 футов в длину, пропорциональную этой длине высоту и площадь в три акра. Вся внешняя поверхность храма была выложена серебром, акротерии же сверкали золотом; внутри приковывал взгляд потолок из слоновой кости, изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены и полы сплошь были выложены орихалком. Стояли там и изваяния из чистого золота: сам Посейдон на колеснице, запряженной шестью крылатыми конями, вокруг него 100 nereид на дельфинах, а также и много других статуй, изображивших принцев и принцесс царского рода и жертвенные подарки царей и населения империи. Жертвенный алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности, как с величием державы, так и с убранством святилищ. В различных частях города били горячие источники и фонтаны, которые давали воду в изобилии. Были построены большие купальни, открытые и под крышей, а еще горячие купальни на зиму, причем отдельно для царей, отдельно для женщин и даже для коней и прочих домашних животных. Каждая купальня соответствовала положению тех, для кого она была сооружена. В каждой городской зоне были множество святилищ различных богов, бесчисленные сады и гимназии. Посредине центрального острова был устроен ипподром диаметром 600 футов. По обе стороны его располагались помещения для многочисленных царских сановников и стражников. Царские стражники размещались ближе к дворцу, вокруг горы, на которой он стоял, а самым надежным были поручены помещения внутри дворца, рядом с покоями царевичей. Верфи были заполнены триерами и всеми необходимыми для плавания снастями.

За воротами внешней зоны от самого моря начиналась стена, которая опоясывала остров с его зонами на протяжении 9000 футов и смыкалась около канала. Пространство внутри нее было возделано, а со стороны, обращенной к морю, располагались виллы и склады. Гавань была заполнена кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук. С берега остров представлял гористую

местность, особенно со стороны, открытой морю. Равнина, окружавшая город царей, и сама, за исключением побережья, окруженная горами, которые тянулись до самого моря, являла собой ровную гладь. Только возвышенности на этой равнине подвергались разрушительному действию ветра. Весь остров был обращен к югу⁷. Предание воспевает эти горы за то, что они по своему обилию, величине и красоте превосходили все нынешние: там было немало многолюдных селений, были реки, озера и луга, доставлявшие пропитание всем домашним и диким животным, а равно и огромные леса, богатые разнообразными породами деревьев, в изобилии доставлявшие древесину для любого дела. Остров имел продолговатую форму, хотя после прорытия канала она несколько изменилась. Если указать глубину, ширину и длину этого канала, никто не поверит, что такое могли сотворить руки человеческие. Протянувшийся более, чем на 1000 миль, он принимал в себя все горные потоки, что перечеркивали весь город каналами поменьше, и нес свои воды дальше в море. Его притоки служили водными путями, по ним сплавляли лес и собранный урожай. Земля давала в год по два урожая — и всевозможных фруктов, и зерновых. Зимой боги защищали землю от дождей и наводнений.

Равнинная часть острова поставляла государству 60000 воинов; страна была поделена на округа площадью примерно по 12 квадратных миль, и каждый из них снаряжал свое войско и назначал командующего. Горные части страны поставляли неисчислимое количество ратников. По закону глава каждого округа в случае необходимости должен был поставить десять колесниц, запряженных двумя лошадьми, с двумя воинами и возницей, который в случае необходимости позволил бы им участвовать в пешем бою. Глава округа также был обязан обеспечить десять тяжело вооруженных пеших воинов, двух лучников, двух пращников, трех камнеметателей и четырех моряков — последних для укрепления боевой мощи флота, насчитывающего 20000 судов. Все это относилось к царским вооруженным силам Атлантиды. Остальные девять частей империи имели собственные военные структуры.

Каждый из десяти царей был абсолютным монархом в своей части острова, отношения же между ними строились согласно предписаниям древних правителей Атлантиды, выгравированным на колонне из орихалка, что стояла в самом сердце острова в храме Посейдона. Один раз в шесть лет они собирались там, чтобы обсудить общественные проблемы и решить насущные вопросы, рассудить споры и наказать виновных. Прежде чем начать судебное разбирательство, в святилище вводили десять быков, и каждый из царей обещал пожертвовать Посейдону быка, которого следовало убить, не применяя железного оружия. Захватив животных, они подводили их к колонне и приносили в жертву. По окончании этой церемонии цари бросали останки быков в огонь, отведав попутно их крови, и пропитывали этой же кровью колонну. Позже они наполняли остатками крови маленькие чаши из золота и выплескивали ее в костер; при этом они клялись вершить суд согласно законам, выгравированным на колонне, и наказывать преступников в соответствии с заветами их прародителя Посейдона.

Затем они выпивали остатки крови и жертвовали золотую чашу Посейдону. Наступала ночь. Облаченные в богатые синие одежды, они возвращались в храм, садились и держали совет, который прекращался только на рассвете. Затем они записывали принятые решения на золотой табличке, которую оставляли в храме вместе со своим облачением на память будущим поколениям.

Им запрещалось воевать друг с другом, а детям Атласа всегда предоставлялось главенство во всех военных делах. Выносить смертный приговор кому-нибудь из членов своей семьи можно было, только заручившись преимуществом в шесть голосов совета. Столь великую и необычайную мощь, пребывавшую некогда в тех странах, бог устроил там и, согласно преданию, направил против наших земель по следующей причине.

На протяжении многих столетий они помнили о своем августейшем происхождении, соблюдали все законы и почитали богов — своих предков. В их сердцах царила искренность. Умеренность и благоразумие руководили их поведением и отношением к другим народам, и

⁷ Видимо, речь идет о том, что с юга была выходящая к морю равнина, а с севера ее окружали горы. (Примеч. ред.).

пока они так жили, все шло хорошо. Но с течением времени превратности жизни мало-помалу извратили их благородные помыслы, и они стали вести себя как все остальные дети человеческие. В них заговорило тщеславие, и править они стали, опираясь на силу.

И тогда Зевс, бог всех богов, решил наказать эту столь благородную расу с тем, чтобы печальный опыт помог им умерить непомерное честолюбие. Он собрал совет на Олимпе и обратился к ним, сказав...

Здесь рассказ Платона обрывается. Считается, что причиной тому была его смерть.

Глава 2

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ АТЛАНТИДЫ С IV СТОЛЕТИЯ ДО Н. Э. И ДАЛЕЕ

Диодор Сикул, историк из города Агириум в Сицилии, творивший во времена императоров Юлия Цезаря и Августа, подарил нам почти столько же ценной информации относительно Атлантиды и ее истории, сколько и сам Платон. Его «Историческая библиотека» — всеобщая история, как ее представляли себе в то время, с самых ранних эпох и до завоевания Цезарем Галлии. Будучи по существу компилятором, Диодор также был и великим путешественником и пересек большую часть Европы и Азии, собирая материалы для своей работы. Описывая географию восточной области Атлантики в четвертой главе своей третьей книги, Диодор утверждает, что амазонки Африки были гораздо древнее и известнее амазонок Понта из Малой Азии. Но они не были единственной расой воинственных женщин, населяющих африканскую землю, другими были горгоны, почти столь же известные своей храбростью и доблестью. Амазонки населяли остров Гесперия (Геспериды, или остров Геспера, вечерней звезды, сына Атласа, где под охраной дракона росли прославленные золотые яблоки или апельсины) на западе, близ болота Тритониды, названного так потому, что его пересекала река Тритон. Это болото граничит с Эфиопией, у подножия горы Атлас, которая простирается вплоть до океана. Употребляя настоящее время, я следую за Диодором.

Остров Гесперия, говорит он, очень большой, изобилующий всеми видами деревьев и плодов, стадами рогатого скота, овцами и козами. Но зерно, однако, неизвестно его жителям. Обуреваемые жаждой воинских почестей амазонки подчинили себе все города этого острова, за исключением одного — Мены, считавшегося священным и теперь населенного эфиопами-ихтиофагами, или пожирателями рыбы. Он часто опалается огнем, извергающимся из недр земли, и богат драгоценными камнями. Завоевав множество соседних африканских и нумидийских племен, амазонки основали большой город на месте болота Тритон, который за его очертания они называли Херсонес, или «город полуострова». Но, не остановившись на своих многочисленных завоеваниях, они вторглись в богатые земли горы Атлас, изобилующие великими городами, откуда сами боги вели свой род. Под командованием королевы Мерины армия, состоящая из 30-тысячной пехоты и 2000 всадниц, одетых в змеиные шкуры и вооруженных мечами, копьями и луками, с которыми они лучше всего умели обращаться, вторглась в Атлантиду и разбила жителей города Керкенеса. Они преследовали их буквально по пятам, вступили в город, взяв его штурмом, перебили всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен. Оставшиеся общины Атлантиды, пораженные паническим страхом, немедленно подчинились. Затем Мерина заключила с ними союз, построила новый город вместо Керкенеса, назвав его собственным именем, и населила пленниками и другими жителями Атлантиды.

Жители Атлантиды, которых, видимо, сначала ужаснула королева-воительница, ублажили ее богатыми подарками и почестями, что, кажется, смягчило ее сердце. Некоторое время спустя жители Атлантиды подверглись нападению горгон. Тогда Мерина по их просьбе вторглась в страну горгон, множество их истребила и 3000 взяла в плен. Уцелевшие сбежали в леса, которые Мерина пыталась поджечь. Но, оставив свое намерение, она вернулась в свои владения.

И амазонки, и горгоны были впоследствии побеждены Персеем и Геркулесом. «Также имеются сведения, что в результате землетрясения океан поглотил все болото Тритон». Мерина же, однако, за время своего правления расширила свои завоевания на Малой Азии и островах Средиземноморья и заключила союз с Гором, царем Египта.

Диодор далее рассказывает об особенностях жителей Атлантиды и непостижимых утверждениях относительно генеалогии богов, которые, как он отмечает, мало чем отличаются от подобных сказаний греков.

Жители Атлантиды, как он сообщает, населяли богатую страну, граничащую с океаном, и были знамениты своим гостеприимством. Они хвастались, что боги были рождены среди них и что самый знаменитый из греческих поэтов подтвердил это, вложив в уста Геры слова: «На самой далекой окраине земли, что доступна моему взору, Тетис и старый Океан похваляются, что они родители богов».

Они утверждают⁸, что Уран был их первым царем и что он дал людям цивилизацию, заставив их жить в городах и возделывать землю. Он властвовал над большей частью мира, в особенности простирающуюся на запад и на север. Увлеченный астрологией, он предсказал много грядущих событий, ввел солнечный год и лунный месяц в качестве меры времени. Люди удивлялись и восхищались его мудростью, воздав ему божественные почести после смерти и назвав звездные небеса его именем.

Уран имел 45 детей от разных жен, и 18 из них от Титеи или Терры, которые стали известны как титаны, или люди Земли. Самыми известными из его дочерей были Базилия и Рея, или Пандора. Базилия была старшей из них, она так заботилась о своих братьях, что, прославившись как Великая Мать, и после ухода Урана всеобщей волей народа была избрана царицей. Она вышла замуж за своего брата Гипериона и родила ему Гелиоса и Селену, позднее ставших богами Солнца и Луны соответственно. Но прочие ее братья, боясь, что Гиперион может узурпировать трон, убили его и утопили младенца Гелиоса в реке Эридан, или По в Италии. Сестра его, Селена, страстно любившая брата, прыгнула с крыши своего дома и погибла. Базилия, узнав о гибели своих детей, потеряла рассудок. С растрепанными волосами, обвешанная украшениями, она бродила повсюду с тамбурином и кимвалом⁹, исторгая из них дикие звуки. Когда люди попытались утешить и успокоить ее, разразилась ужасная гроза с громом и молнией, и с тех пор ее больше никто не видел. Базилее и ее детям воздавались божеские почести на специально установленных церемониях, которые включали в себя игру на инструментах, на которых играла она уже в безумии, а также возведение алтарей и жертвоприношения. После смерти Гипериона дети Урана разделили царство между собой. Наиболее известными из них были Атлас и Сатурн. Атлас приобрел власть над страной, граничащей с океаном, и назвал людей, населяющих ее, атлантами, а самые большие горы Атласом, в свою честь. Подобно своему отцу Урану, он был мудрым астрологом и первым постиг строение небесной сферы, откуда и возникла легенда, будто он держал мир на своих плечах.

Наиболее знаменитым из его сыновей был Геспер, который пропал во время бури, когда наблюдал за движениями звезд с горы Атлас. Люди, оплакивая его судьбу, называли утреннюю звезду его именем.

Атлас имел также семь дочерей, которые были названы в честь своего отца атлантидами. Их имена были Майя, Электра, Тайгета, Астеропа, Халкилона и Келаено¹⁰. Их потомки были прародителями нескольких народов, как варварских, так и греческих. Атлантиды стали впоследствии созвездием Плеяд, и почитались как богини. Нимфы также часто назывались атлантидами, поскольку этим словом называли всех женщин в этой стране.

Сатурн, брат Атласа, был нечестивым и жадным. Женившись на своей сестре Рее, он взрастил сына Юпитера, которого не следует путать с Юпитером, братом Козла, или Неба. Этот Юпитер или принял власть от своего отца Сатурна, царя атлантов, или же сверг его. Сатурн, как сообщают, развязал войну против своего сына при помощи титанов, но Юпитер поборол его в сражении и захватил целый мир. Таков полный перечень богов, упомянутых в записях атлантов.

Во второй главе своей четвертой книги Диодор возвращается к Атласу и к происхождению гесперид. В стране по имени Гесперия, говорит он, проживало два известных брата, Геспер и Атлас. Они владели стадом чрезвычайно красивых овец, медно-красного и

⁸ Диодор в этом фрагменте, кажется, говорит об Атлантиде как о реально существующем в его время государстве. Возможно, он подразумевает жителей района Атласских гор в Африке — на это как будто указывают некоторые места его рассказа; но что касается древнейших времен, то тут он повествует именно об Атлантиде, о южном континенте, а не об остатках его населения в Африке — это не подлежит никакому сомнению.

⁹ Кимвал — музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических чаш, издающих при ударе друг о друга резкий звенящий звук. (Примеч. пер.).

¹⁰ Здесь дается только шесть имен.

золотистого цвета, из-за которого поэты говорят о них как о «золотых яблоках»¹¹.

Гесперис, дочь Геспера, вышла замуж за своего брата, Атласа, и вырастила семь дочерей, атлантис, называемых также в честь матери гесперидами. Бусирис, царь Египта, влюбился в девушек и послал множество пиратов, чтобы захватить их. Но Геркулес перехватил морских разбойников и спас молодых женщин, вернув их отцу. В благодарность Атлас обучил его искусству астрологии. Эту историю греки превратили в легенду о том, как Геркулес на время освободил Атласа от его бремени, взвалив на небесный свод собственные плечи.

В другом месте, в четвертой главе пятой книги, Диодор сдержанно подтверждает слова Платона относительно погружения под воду части Греческого полуострова. Он заявляет, что греческое побережье напротив островов Родос и Кос пострадало от Девкалионова потопа, который произошел в седьмом поколении. Этот потоп принес «тягостные и печальные бедствия: долго гнили плоды земли, свирепствовал голод, эпидемии заражали воздух, разоряя и опустошая города».

Диодор в своей пятой книге также сообщает об острове в Атлантике, обнаруженном некими финикийскими мореплавателями, которые плыли вдоль западного побережья Африки и были отнесены сильным ветром в океан. Возвратившись, они поведали о такой красоте и богатстве острова, что тирренцы, добившиеся господства на море, вознамерились захватить новые земли, но им помешало сопротивление карфагенян. Диодор не упоминает названия острова, и в отличие от повествования Платона речь у него идет о все еще существующем острове. По свидетельству Павсания, Эвфемус поведал ему, как во время плавания был брошен сильным ветром в открытое море, «где люди больше не плавают; что он попал на пустынные острова, населенные хвостатыми дикарями. Моряки, побывавшие в тех краях, называли их сатирами, а острова Сатиридами». Некоторые считают, что это были обезьяны. Возможно, и весь этот рассказ был всего лишь розыгрышем, шуткой над почтенным путешественником.

Страбон (род. в 54 г. до н. э.), ссылаясь на авторитет Теопомпа и Аполлодора, упоминает в своей седьмой книге ту же самую легенду, называя остров Меропом, а его жителей меропами. Он также ссылается во второй книге на Посидония (предположительно 151 — 135 гг. до н. э.), полагавшего, что, поскольку земля, как известно, меняет высоту, рассказ Платона нельзя считать чистой выдумкой и что такой континент, как Атлантида, мог бы в действительности существовать, а потом исчезнуть. Этот фрагмент звучит следующим образом: «Посейдоний в своем труде правильно отмечает, что земля иногда повышается и оседает, изменяет свой облик из-за землетрясений и тому подобных явлений, которые я уже перечислил. И в этом месте он считает нужным процитировать утверждение Платона, что, возможно, история об острове Атлантида — не выдумка. По словам Платона, Солон расспросил египетских жрецов и узнал, что Атлантида действительно существовала, но исчезла — это был остров, размером не уступающий континенту. Посейдоний склонен решать этот вопрос именно так, а не говорить, будто Атлантиду заставил исчезнуть тот, кто ее выдумал, как это сделал поэт, воспевавший страну ахейцев».

Помпоний Мела (род. в 80 г. н. э.) явно подтверждает в своей первой книге существование такого острова, как Атлантида, но располагает его в южной умеренной зоне.

Теопомп из Хиоса, греческий историк IV столетия до н. э, ни одна из работ которого не дошла до нашего времени, за исключением фрагментов, представленных в «*Varia Historia*» Аэлиана, компилятора III столетия нашей эры, ссылается на повествование об области Атлантики, рассказанное сатиром Силеном, слугой Дионисия, Мидасу, царю Фригии, захватившему его врасплох, когда он был пьян, и выудившему из него много древней мудрости. «Силен, — говорит Теопомп, — рассказал Мидасу о неких островах, именуемых Европа, Азия и Ливия, омываемых океаном. Выболтав этот секрет, он поведал, что за пределами этого мира простирается целый континент или обширный участок суши, в величии своем бесконечный и неизмеримый, и что земля эта вскармливает на своих зеленых лугах и пастбищах множество больших, могучих животных. Люди, населяющие эту страну, более чем вдвое выше человеческого роста, и даже продолжительность их жизни не равна нашей».

¹¹ По-гречески яблоко и овца называются одним словом «мелон».

О большом континенте Сатурния упоминается и в приписанном Плутарху диалоге «О лице, являющемся на Лунном шаре», опубликованном вместе с его «Моралью». В нем сообщается, что «есть такой остров Огигия, лежащий в пределах Океана, приблизительно в пяти днях плавания на запад от Британии, а прежде него расположены три других острова на равном расстоянии друг от друга, а также и далее от него на северо-запад, там, где садится летнее солнце. На одном из них варвары придумывают небылицы о Сатурне, заключенном в тюрьму Зевсом». Соседнее море было известно как Сатурния, и континент, который замыкал кольцо земель вокруг этого великого моря, был отдален от Огигии приблизительно на пять тысяч стадиев, но от других островов не столь далеко. Примерно на широте Каспийского моря у этого континента была бухта, заселенная греками, которые раз в тридцать лет посылали людей в услужение заключенному в тюрьму Сатурну. Один из них посетил большой остров, как они называли Европу, и от него рассказчик узнал много интересного и таинственного, особенно о состоянии души после смерти.

Прокл сообщает, что Марселл — автор, о котором почти ничего неизвестно, — в труде под названием «История Эфиопии» говорит о десяти островах, расположенных в Атлантическом океане, недалеко от Европы. Он рассказывает, что жители этих островов сохранили память о гораздо большем острове, Атлантида, который долгое время господствовал над ними. Семь островов, по его словам, были посвящены Прозерпине, а один их трех оставшихся — Плутону, другой — Аммону и третий, длиной в тысячу стадиев, — Посейдону.

Арнобий, христианский апологет из города Сикки в Африке, живший в IV столетии н. э., в своей первой книге говорит: «...поройтесь в исторических свидетельствах, записанных на разных языках, и вы узнаете, что нет такой страны, которая время от времени не опустошала бы и не теряла своих жителей. Нет такого урожая, который не пожирала бы саранча и мыши; посмотрите ваши собственные хроники, и вы узнаете, как часто в прежние времена случались эпидемии и как часто люди изнемогали от ужасающей бедности. Мощные землетрясения разрушали города. Ну и что?! Разве прошлые времена не оставили свидетельств того, как целые города с их населением проваливались в подземную бездну? Или они наслаждались жизнью, свободной от таких бедствий?

А когда человечество было буквально смыто наводнением? Не было ли этого до нас? А когда мир был сожжен и от него остались угли и пепел? Не было ли этого до нас? Когда самые большие города были поглощены морской пучиной? Не было ли этого до нас? Когда затевались настоящие войны с дикими животными, сражения со львами? Не было ли этого до нас? Когда целые племена вымирали из-за ядовитых змей? Не было ли этого до нас? Раз уж вы привыкли видеть в нас причину частых войн, опустошений городов, нашествия германцев и скифов, то я позволю себе, с вашего разрешения, сказать следующее: в своем рвении оклеветать нас (христиан) вы не видите реальной причины того, о чем говорите.

Разве мы виноваты в том, что десять тысяч лет назад неисчислимые орды вырвались с острова, именуемого Атлантидой Нептуна, как сообщает нам об этом Платон, и до основания разрушили и стерли с лица земли множество племен?»

Ко всему этому можно добавить краткое резюме оставшихся классических данных об Атлантиде. Плиний Старший во второй книге своего «Естествознания» выражает сомнение в подлинности предания о ней, но Филон Иудей¹², придерживающийся философии платонизма, в своей работе «Неразрушимость мира» передал повествование во всей его полноте, основываясь на словах своего великого учителя. Лонгин полагал, что эпизод в «Тимее», посвященный Атлантиде, был просто литературной завитушкой, не несущей ни исторической правды, ни философского значения. Сириан, учитель Прокла, считал этот рассказ исторически точным и символическим для догматической философии. Амелий видел в нем противостояние неподвижных звезд и планет, Нумений — противоборство добра и зла. Ориген, один из отцов Церкви, тоже увидел в рассказе аллегорию постоянной войны между духами добра и зла. Порфирий углядел в нем борьбу между плотью и духом. Ямвлих находил в его обстоятельствах поразительное сходство с войной между греками и персами, борьбой богов и титанов, битвой

¹² Имеется в виду Филон Александрийский. (Примеч. пер.).

Осириса с Тифоном или Сетом, иными словами, с непрерывным противостоянием хаоса и порядка, дуальности и единства.

Позиция Александрийской школы в отношении рассказа Платона отражена в восемнадцатой книге Аммиана Марцеллина, который упоминает о разрушении Атлантиды как об историческом факте. Византийский географ Косьма Индикоплов в своей «Христианской топографии» включает Атлантиду в составленную им космографическую систему, но изменяет некоторые частности в соответствии со Священным Писанием. Он полагал, что земля — плоская и что обширный материк окружен океаном. На этом континенте впервые появился человек, и, утверждая существование этого континента, Косьма Индикоплов ссылается на авторитет «Тимея». Рассказ Платона, как он думал, был наследием древней Моисеевой традиции, но Атлантиду нужно искать на востоке — это была земля десяти поколений Ноя. Что же касается более поздних времен, то Серран в 1578 году объявил, что он обнаружил в Моисеевых писаниях «сезам» к камню, который блокировал вход в лабиринт Атлантиды. Намек страстно воодушевил Хьюэта, Бошара и Воссия, и нетерпеливая троица своим остроумным, но ошибочным толкованием Пятикнижия смутила доверчивых современников, приняв остров Платона за землю библейских патриархов.

Но какую бы популярность ни завоевали их заключения, Мэтью Оливье, влиятельному марсельскому адвокату, казалось, что они упустили самую суть главного аргумента Серрана. Подробнее останавливаясь на теории своего учителя, Оливье поместил Атлантиду непосредственно в саму Палестину, достаточно логично предположив, что если библейские патриархи были в действительности жителями Атлантиды, а исторически они, как известно, населяли Святую землю, то эта самая область и должна быть, вне всякого сомнения, Атлантидой! Четверть столетия спустя, в 1754 году, Эвмений, ученый-швед, развивая представления Оливье, довел теорию до ее логического конца, полностью объяснив мифологию Атлантиды посредством древнееврейской истории. Ему, однако, предшествовал другой скандинав, даже более поразительной учености, — в 1692 году Олаус Рудбек издал свою удивительную «Atlantica», в невероятном приступе патриотизма заявив, что скорее уж норвежская «Эдда», чем Пятикнижие Моисея, содержит в себе истинную интерпретацию тайны Атлантиды. Для него Швеция и была Атлантидой, а Упсала столицей потаенной Утопии Платона. В четырех томах фолианта он пытался доказать, что Скандинавский полуостров был не только центром, от которого произошла вся европейская цивилизация, но и источником, началом всемирной мифологии, а «Эдда» — лишь дошедший до нас ее фрагмент.

Теория северного местоположения Атлантиды умирает медленно. В действительности она все еще жива, например для М. Гаттефосса из Лиона, торжествующе утверждавшего ее в своем труде «La Verite sur l'Atlantide», изданном аж в 1923 году. Но у него был достойный предшественник в лице Бэйлли, современника Вольтера, который, подобно Рудбеку, стремился обнаружить Атлантиду на заледенелом севере. Незадолго до Бюффона он обнародовал идею, согласно которой «серединный огонь», который поддерживал температуру земли, просто охладился по прошествии веков. Ухватившись за это предложение, Бэйлли смело утверждал, что морозный ныне север прежде наслаждался почти тропическим климатом. По его мнению, северяне тех жарких времен и были атлантами Платона, которые после постепенного охлаждения этой области нашли прибежище в Азии, распространив среди ее народов свои научные знания и религию. В своей «Истории древней астрономии» и «Письмах об Атлантиде» Бэйлли использовал всю свою ученость, чтобы доказать, что Шпицберген, некогда плодородная и густонаселенная страна, и был в действительности истинной Атлантидой Платона. Его идея, как ни странно, стала своего рода легендой, и в некоторых частях Северной Европы все еще процветает предание о том, что где-то в окрестностях Северного полюса и вправду существуют плодородные долины. В действительности вера эта получила в последнее время новый импульс и вновь обрела надежду на жизнь благодаря утверждениям недавних исследователей американского Крайнего Севера, которые, не жалея красок, описали полные цветов и порхающих бабочек низменные долины в полярной области.

Бэйлли был прилежным учеником Эвфемера из Фессалии, он полагал, что весь этот миф имел историческое основание. Для него Атлас являлся реальным выдающимся астрономом, исследователем звездного неба и действительно существовавшим правителем — царем

Шпицбергена-Атлантиды. Его гиперборейские атланты в конце концов после длительных миграций обосновались на равнинах Тартары. Наукообразной чепухи Бэйлли оказалось чересчур даже для тогдашнего несколько доверчивого Парижа, который сам в то время находился на грани человеческой катастрофы, даже более громадной, чем бедствие Атлантиды. В своих «Lettre Americain» граф де Корли ловко развил нелепости Бэйлли, выдав готовой на все публике теорию, согласно которой Атлантида была не чем иным, как непосредственно самим Американским континентом.

Даже невозмутимый Вольтер, не без иронии выражавший сомнение в существовании большого Атлантического континента, был несколько ошеломлен смелостью арктической гипотезы, которую хватющийся за соломинку Бэйлли весьма экстравагантно посвятил ему.

А еще в 1779 году Делисье де Салье в своей «Истории атлантов» предпринял научно обоснованную и целенаправленную попытку определить местоположение Атлантиды в другом месте. При помощи геологических данных де Салье попытался доказать, что в действительности Атлантида была расположена в обширном древнем море, которое прежде занимало участок Греции и большую часть Итальянского полуострова. Земной шар, как он считал, в древние времена был почти полностью покрыт водой, но со временем она испарилась, оставив после себя, однако, огромное море, объединившее Каспий с Персидским заливом и Индийский океан со Средиземноморьем. Посреди этих древних океанских просторов лежал Кавказ, и именно его де Салье идентифицировал с ранней Атлантидой. Отсюда мигрировали ее цивилизованные жители, один поток нашел свое прибежище непосредственно у гор Атласа, который тогда также был замкнутым субконтинентом, а другой направился в Среднюю Азию. В Атлантиде Платона де Салье опознал также Огигию Гомера, волшебный остров чаровницы Калипсо, расположенный «между Италией и Карфагеном» и, как он утверждал, разрушенный землетрясением, после которого от него уцелел лишь один фрагмент — Сардиния. Атлантов он называл «благодетелями человечества», а свою теорию «ключом к древней истории».

Немного позже Бартолли в своем труде «Essai sur l'explication», предложил гипотезу, на первый взгляд более скромную, но в действительности столь же причудливую. Солон, как он утверждал, сочинил басню об Атлантиде и сделал ее объектом аллегорической и политической поэмы, в которой атланты представляли афинскую партию паралийцев. Платон, ухватившись за эту выдержку, адаптировал ее к более поздним событиям, таким, как пелопонесская война. Атланты Платона, осадившие Афины, были, согласно Бартолли, на самом деле персами, и вся история была не чем иным, как мифическим представлением их борьбы с Элладой и их заключительным ниспровержением.

Одинаково любопытными были попытки идентифицировать потерянную Атлантиду с Америкой. Трактаты на эту тему стали появляться вскоре после открытия Америки, и начиная с этого момента предпринимались удивительные попытки приложить название острова Платона к новому континенту. В 1553 году Гомара в своей «Historia de las Indias» решительно идентифицировал Америку с Атлантидой, а восемью годами позже Гильом де Постэль обратил внимание на сходство туземного названия Мексики — Ацтлан с именем Атлантиды, которой он отводил место в Новом Свете. Бэкон в своей «Новой Атлантиде» также отождествлял Америку с островом Платона, хотя, конечно, больше в духе вымысла, как и сэр Дж. М. Барри. Во всяком случае, он помещает Атлантиду в Тихий океан. И кажется не столь уж невероятным, что Шекспир, помещая действие своей «Бури» на фантастический остров в Атлантике, кое-что помнил об истории Атлантиды.

Но французские географы, Никола и Гильом Сосоны, ни в коем случае не прибегали к умышленно фантастическим методам. В 1689 году они издали атлас, представляющий примитивные географические очертания Америки, с разделением ее между десятью королевскими семействами, произошедшими от Посейдона, отца Атласа, и показывающий те части Старого Света, которые, согласно истории Платона, колонизировали атланты. Позже, в 1762 году, Робер де Вогуди издал подобный атлас в подтверждение теории Сосонов, чем навлек на себя грубые и безудержные насмешки Вольтера. Даже Штальбаум, серьезный критик платоновского «Тимея» и «Крития», поддержал идентификацию Америки с Атлантидой и считал вполне вероятным, что древние египтяне знали Западный континент.

Харль в своей «Bibliotheca Græca» выступал против американской теории, и Гумбольдт в

своем «Examen Critique» расценил этот вариант как невероятный, хотя и полагал, что Солон в действительности перенял эту историю из Египта. Среди других современных авторов Бюффон, Гингуен, Ментел и Рейналь не выступали против самой идеи существования Атлантиды, а Атанасиус Кирхер Бекман, Женебро и Фортия д'Урбан полностью с ней соглашались. Бодело, Турн-форт, д'Энжель, Кади, де ла Борде и Бори де Сен-Венсан были ее яркими защитниками.

Многие из этих более поздних авторов соглашались с тем, что Атлантида в действительности когда-то существовала, как указывал Платон, но расходились в понимании связанных с ней конкретных обстоятельств и событий, а также чудес, описанных Платоном. Некоторые из них стремились объяснять имена упомянутых им божеств чисто символически или же как персонификацию элементов космогонии. Некоторые из них считали десять царей Атлантиды представителями десяти великих предшествующих потопу эпох и утверждали, что история Атлантиды была на самом деле аллегорическим рассказом о ранней истории человечества. Кирхер, Гингуен, Ментел и другие полагали, что Атлантические острова были остатком затонувшего континента, и Бюффон считал, что Ирландия, Азорские острова и Америка когда-то были частью платоновского большого материка. Де ла Бордэ включил Молуккские острова, Новую Зеландию и другие отдаленные архипелаги в изначальные границы Атлантического континента, а Энжел и граф де Корли со знанием дела упорно утверждали, что Атлантида с одной стороны граничила с Европой и Африкой, с другой — с Америкой. Согласно им, человек прошел от Старого Света до Нового через своеобразный «атлантический мост», погружение которого разрушило древнюю связь между двумя континентами.

Глава 3

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ОБ АТЛАНТИДЕ

Перед тем как нам продвинуться дальше, необходимо подвергнуть тщательному изучению находящиеся в нашем распоряжении источники об Атлантиде, учитывая при этом как их историческую достоверность, так и содержащиеся в них конкретные факты. Что касается рассказа Платона, то многие из его комментаторов, от Прокла до Джоветта, высказали мнение, что это была всего лишь басня, «благородная ложь», изобретенная Платоном. «Мне кажется, — говорит Арчер Хинт, — что невозможно определить, выдумал ли Платон всю эту историю с начала до конца, или же она действительно представляет в большей или меньшей степени некую египетскую легенду, принесенную на родину Солоном». В другом месте он отмечает невероятность этой истории. Еще он упрекает Штальбаума, разделившего неверное, по его мнению, истолкование платоновского повествования Проклом, который утверждал, что этот рассказ — «не простой плод воображения, а изложение фактов, которые в действительности произошли». Платон же чрезвычайно ясен в этом моменте. В «Тимее» он делает акцент на историческую достоверность своего рассказа сразу в нескольких местах. Повествование, — как он говорит, — удивительно, но все же совершенно правдиво». Солон и вправду намеревался сделать его сюжетом эпической поэмы, Критий помнил историю очень ясно, слышав ее еще ребенком, и она неизгладимо запечатлелась в его памяти «подобно выжженным картинкам» на глиняных плитках. Он заставил Сократа в «Тимее» сказать следующее: «Дело в том, что это не выдуманный рассказ, но истинная история, что очень важно». В «Критий» Платон далее заставляет своего героя говорить, что у его прапрадеда рассказ об Атлантиде был записан. Таким образом, Платон особенно подчеркивал историческую достоверность этого рассказа.

Факт посещения Солоном Египта также кажется несомненным. Плутарх в своей «Жизни Солона» и «De Iside et Osiride» утверждает, что Солон посетил Египет и говорил со жрецом Сончисом в Саисе. Именно таково, согласно Клементу Александрийскому, было имя жреца, обучавшего Пифагора египетской науке. Прокл в своем трактате, посвященном Тимею, сообщает, что Платон также посетил Египет и беседовал в Саисе со жрецом Патенеитом, а в Гелиополе со жрецом Очлапи и в Себенните со жрецом Этимоном. Он упоминает также, что Патенеит, несомненно, тот самый жрец, на которого ссылался Платон в «Тимее».

В «Критии» говорится, что Солон написал большую эпическую поэму об Атлантиде и что его высказывания об этой истории дошли до молодого Крития. Он узнал их от своего дедушки, Крития, сын Дропида. Этот второй Критий, согласно генеалогии, сохраненной Проклом, был кузеном матери Платона. Аст и Кляйн в своих критических анализах работ Платона считают, что именно он впервые принес рассказы об Атлантиде из Египта. Плутарх явно поддерживает утверждение Платона, что Солон намеревался написать поэму об Атлантиде, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за своего преклонного возраста. В «Тимее» Платон красноречиво выражает свое сожаление по поводу того, что он так и не осуществил свой замысел. Мартин в своей «Dissertation sur l'Atlantide» высказал обоснованное предположение, что Платон, осознавая свое родство с Солоном, благородно попытался выполнить намерение родственника и для этой цели использовал дошедший до него материал, положив его в основу своего рассказа.

Крантор, который умер тридцатью тремя годами позже Платона и был одним из наиболее известных его комментаторов, заявляет, что в его время египетские жрецы показывали грекам некие колонны или столбы, на которых, как они уверяли, была записана история Атлантиды. И разумеется, хорошо известно, что Саис, где Солон услышал историю об Атлантиде, был тесно связан с Грецией. На самом деле это был центр греческой культуры. В период своего наибольшего расцвета, где-то между 697 — 524 годом до н. э., один из его властителей, Псамметик, удерживался на троне при помощи греческих наемников. Он дал своим сыновьям греческое образование и поощрял греков приезжать в его город. Сближению Саиса и Афин особенно способствовало их поклонение одному и тому же божеству — Нейт-Афине. Отсюда

возникло предположение, что Кекроп¹³ был главой колонии саитов в Афинах. Жрецы Саиса, кажется, действительно заискивали перед афинянами, обнаруживая похожие черты между аттическими и египетскими социальными учреждениями. В Саисе даже существовал отдельный греческий квартал. Эллинский элемент в Саисе был настолько силен, что ходили даже споры о том, кто кого колонизировал — саиты Аттику или афиняне Саис.

Если жрецы Саиса и вправду передали историю Атлантиды Солону, они почти наверняка должны были рассказать ее многим другим грекам, с которыми поддерживали постоянный контакт. Отсутствие какого-либо другого подтверждения этой предполагаемой передачи информации неудивительно, если мы примем во внимание то, что контактировали они в основном с эллинскими торговцами. Но если рассказ Платона не был унаследован от Солона и имел египетское, но не саисское происхождение, то его могли бы опровергнуть тысячи греков, и это опровержение обязательно достигло бы Афин, принимая во внимание чрезвычайный интерес, вызванный повествованием Платона в античном мире.

Рассматривая совершенно иной аспект платоновской истории, можно только удивляться, насколько точно обстоятельства его повествования совпадают с данными археологии, сообщающей нам о происхождении цивилизации ранней Европы. Это обстоятельство будет рассмотрено в деталях позже. Здесь достаточно сказать, что приблизительная дата вторжения с Атлантиды, указанная Платоном, согласуется со временем переселения азийско-тарденозианских народов — предков иберийской расы — в Европу и в те европейские и африканские области, которые он считал подвластными Атлантиде. «Ливия до Египта и Европа до границ Этрурии» точно являются теми регионами, в которых протоиберийцы обрели родину.

В «Тимее» утверждается, что Афины освободили Европу от тирании Атлантиды. Совершенно очевидно, что в то время (9600 г. до н. э.) не было никаких Афин, на которые ссылается Платон. Эта дата отстоит на тысячи лет от первой египетской династии, и все относящиеся к этому периоду находки на месте Афин — всего лишь немного глиняных черепков времен неолита или нового каменного века. Тем не менее, как мы видим, Европа и Африка вовсе не находились тогда в состоянии презренного варварства, и вполне возможно, что смутные воспоминания о сопротивлении, оказанном местными жителями надвигающимся ордам протоиберийцев, сохранялись в веках.

«Но позднее, — заметил египетский собеседник Солона, — когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом исчезла и Атлантида, погрузившись в пучину». Здесь необходимо отметить, что греки подверглись разрушительному действию подземной стихии, а жители Атлантиды — морской, и этот фрагмент дает нам ключ к пониманию действительно исторического характера повествования Платона. Афина Паллада, богиня-покровительница Афин, была заклятым врагом Посейдона, основателя Атлантиды и ее божества-эпонима. Борьба между Афиной и Посейдоном за владение Аттикой широко освещена в греческой мифологии. Один из древних комментаторов Платона утверждает, что победа афинян над атлантами была изображена на символическом пеплуме — одеянии, которое подносили богине на Малых Панафинеях, празднике в ее честь. Отсюда можно сделать вывод, что битва между афинянами, людьми Афины, и атлантами, народом Посейдона, или Нептуна, бога моря, имела для первых реальный исторический характер, сохраненный в народной памяти. Попутно заметим, что Панафинеи были основаны по крайней мере за 125 лет до Платона. Таким образом, если мы принимаем на веру утверждение комментатора о войне между афинянами и атлантами, мифологической или же исторической, должно было быть хорошо известно афинянам более чем за столетие до Платона; и это сразу опровергает расхожее предположение, будто он сам сочинил эту историю.

«В то, что рассказ был *полностью* выдержкой Платона, — отмечает проницательный Филипп Смит в своей статье «Атлантида» в «Словаре греческой и римской географии» Уильяма Смита, — верится с трудом. Эта легенда найдена и в других формах, и непохоже,

¹³ Кекроп — мифологический основатель Афин. (Примеч. ред.).

чтобы они были скопированы с Платона». Все это напоминает нам о цитате Страбона из Посидония, согласно которой разумнее верить, что Атлантида некогда существовала и затонула, чем говорить, будто «ее создатель заставил ее исчезнуть».

Если утверждение относительно пеплума истинно, то можно предположить, что Платон просто положил местный миф в основу своего рассказа. Почему же тогда он акцентировал внимание на истинности этого повествования и почему ссылаясь на египетский источник? Совершенно очевидно, что Платон должен был знать об афинской версии предания, изображенной на пеплуме. Он мало говорит о ее местном признании, хотя он, должно быть, хорошо знал, что история имела непосредственное отношение к празднику Панафиней, и возможно поэтому он расценивал знание афинян об этих событиях как общеизвестное и бесполезное для упоминания. В диалоге «Тимей» Сократ говорит, что этот рассказ особенно подходит для праздника богини и что Платон знал об его связи с праздником Панафиней.

Возможно, он сделал акцент на египетскую версию, чтобы придать рассказу более древний колорит. Для подтверждения того, что неосведомленному человеку могло показаться обычным местным преданием, не имеющим никакого исторического свидетельства, которое без сопоставления с египетскими сведениями могло бы быть принято за сказку. Действительно, вполне возможно, что Платон именно намеревался проиллюстрировать таким образом свои политические идеи.

Помятуя о борьбе между Афиной Палладой и Посейдоном, которая, судя по всему, имела определенное отношение к греческой легенде об Атлантиде, мы вряд ли удивимся заметке в «Оккультном обзоре» за сентябрь 1923 года, где сообщается об обнаруженных в «Одиссее» Гомера дополнительных свидетельствах причастности Атлантиды к этой мифологической вражде. Возвращаясь из-под Трои, Одиссей высаживается на острове Циклопов, и только отчаянными усилиями ему удастся избежать опасности. Действительно, как пишет автор статьи: «В „Одиссее“ Гомер рассказывает о герое, чьи скитания и приключения на самом деле были одной длительной борьбой с Посейдоном, то есть с божеством Атлантиды». На острове Огигия, где он оказался пленником чаровницы Калипсо, дочери волшебника Атласа, ему помогает Афина, взявшая его под свою защиту. Здесь мы снова еще раз обнаруживаем противостояние афинской богини с божеством Атлантиды, и на сей раз это обстоятельство, более чем что-либо иное, проливает свет на ссору с Атлантидой. Таким образом, мы видим, что Афина Паллада находится в двойной связи с персонажами, представляющими Атлантиду. Тот факт, что она встает на сторону Одиссея против Посейдона — бога Атлантиды — и против его внучки, Калипсо, дочери Атласа, усиливает предположение о ее связи с переданным выше мифом об Атлантиде.

А фраза — «с тех пор и по сей день море в этих местах несудоходно и недоступно из-за обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров», — многократно подтверждается многими античными авторами. Скилакс из Карианды, писавший еще до Александра Великого, приблизительно в одно время с Платоном, утверждает в своем «Periplus», что Керн, остров близ Атлантического побережья Африки, «находится в двенадцати днях плавания за Геракловыми столпами, в месте уже не судоходном из-за мелководья, грязи и морских водорослей. Морская водоросль там шириной с ладонь, и к тому же она острая и колючая».

Приблизительно в 500 году до н. э., выйдя из Карфагена на поиски неведомых стран, Гимилко отделился от Ганно и, согласно поэту Фесту Авиену, столкнулся «с водорослями, мелководьем, штилем и прочими опасностями в Атлантике». Авиен писал об этом примерно в IV столетии н. э., но уверял при этом, что всего лишь повторил рассказ Гимилко. Он писал: «Даже слабое дуновение не подгоняет корабль вперед, настолько слаб ветер этого спокойного моря. Он (Гимилко) также добавляет, что среди волн там очень много морских водорослей, часто тормозящих судно. Он говорит, что море неглубоко и что поверхность земли лишь слегка покрыта водой. Вокруг них снуют морские чудовища, и дикие звери плавают среди вялых, медленно движущихся судов». В другом месте Авиен добавляет: «Дальше на запад от этих столпов расположено бескрайнее море». Гимилко упоминает здесь, что... «ни один корабль не плавает в этих водах, потому что нет ветра, подгоняющего корабли... а еще потому, что завеса тьмы скрывает дневной свет и туман всегда прячет море от взора».

Аристотель в своей «Meteorologica», также отмечает, что море за Геракловыми столпами было грязно, мелко и почти не возмущаемо ветрами. Аристотель был в свое время учеником Платона, и это, кажется, служит лучшим доказательством того, что утверждение последнего основано на хорошо доступной информации, скорее всего представленной финикийскими или греческими моряками.

Помимо этого классического свидетельства о несудоходности Атлантики, мы имеем данные, датируемые значительно более поздним периодом. По свидетельству арабского автора Эдриси, некие мавританские моряки из Лисабона, отправившиеся в плавание через Атлантику в поисках земли где-то между VIII и XII столетиями, столкнулись с несудоходностью океана и были вынуждены изменить свой маршрут, достигнув в итоге одного из Канарских островов. Карта Пизигани 1367 года также имела пометки, настоятельно не рекомендуя попытаться переплыть несудоходный участок океана за Азорскими островами, вблизи Саргассова моря.

Теперь мы переходим к разбору «Крития». Прежде всего удивляет утверждение Крития, что жрецы Саиса уже придали именам атлантов египетское звучание и что он (Критий) был вынужден перевести их на греческий. Если бы эта история была выдумана, он вряд ли бы взял на себя труд прояснять эту деталь. Однако сложно себе представить, как такие имена, Посейдон или Атлас, могли бы быть переведены на египетский. У египтян не было божества, соответствующего Посейдону, а также никого, кого можно было бы сравнить с Атласом, держателем Земли.

Однако божества, упомянутые в рассказе Диодора, вполне могли бы иметь и египетское воплощение, и вполне могло бы оказаться, что Критий или даже сам Платон просто вернулись к именам, известным им по местной, афинской версии истории Атлантиды, связанной с Панафинеями. Это вполне объясняет появление в рассказе Посейдона, который, согласно мифу, был близко связан с Афиной Палладой, покровительницей города. Единственное из имен сынов Посейдона, дошедшее до нас в атлантической версии, — это Гадир, который имел в своем владении часть острова возле Геракловых столпов, и эта его часть с тех пор носила имя Гадирической. Это имя соответствует классическому названию района Кадис в Испании, что указывает на близость соседства берегов Испании и Атлантиды.

Топографические детали я намереваюсь обсудить в главе, посвященной географии Атлантиды. Здесь же уместно будет отметить мелкие, но от этого не менее удивительные штрихи. Климат Атлантиды, как явствует из рассказа Платона, представляется очень похожим на климат Канарских островов, но два обстоятельства придают ему отчетливо африканский характер: большие стада слонов, что бродили по болотам, и произрастающий там «плод с твердой коркой», дающий и мякоть, и питье, и масло. Это может относиться только к кокосу. Немало суждений высказано как за, так и против этих фактов. Обитание слонов — современников человека в Южной Европе — археологи обычно считают «недоказанным», но тем не менее нет веских причин сомневаться в недавнем существовании слонов в климатически подходящей для них местности, возможно — африканского типа.

Поскольку правительство и религия Атлантиды будут также рассмотрены отдельно, здесь мы не будем анализировать относящиеся к ним фрагменты рассказа Платона. Но все же вскользь отметим, что наблюдения Платона и о том и о другом не противоречат тому, что мы знаем о ранней азийской цивилизации в Испании и в Южной Франции. В этих областях поклонялись быку, и описанная Платоном церемония, сопровождающая жертвоприношение, могла бы быть хорошей иллюстрацией к некоторым гуманным фольклорным преданиям о варварских обрядах азийской эпохи. Кое-какие детали этого обряда сохранились до «классических» времен в бое быков. Бычья травля даже в Англии длительное время, вплоть до начала XVIII столетия, имела полурелигиозное значение и была связана с ритуалом, несомненно, языческого происхождения. То, что она выжила в другой части Европы, может быть также легко показано.

Рассказ Платона об Атлантиде обрывается на полуслове — он остался незаконченным, вероятно из-за смерти автора. Вне всякого сомнения, он ставил себе цель проиллюстрировать свою модель идеального государства. Но было бы неправильно считать, что он написал этот рассказ только для этого. Совершенно естественно, что его второстепенные детали имеют греческий или персидский вид, но совсем не обязательно на этом основании считать, что он

задумал этот рассказ только как аллегорию персидской войны, как это многократно утверждалось. В действительности многие из его деталей — например островное и морское положение Атлантиды — делают эту теорию довольно-таки неправдоподобной. Но рассматриваемый в целом рассказ Платона является сам по себе лучшим опровержением такого предположения.

Рассказ Диодора поднимает совершенно иной пласт проблем. Например, он побуждает нас задумываться о том, какое отношение к истории Атлантиды имеет греческий миф о гесперидах. Диодор размещает Атлантиду на западном побережье Африки, в любом случае он «граничит с океаном», но не определяется именно как остров. На самом деле остров Гесперия, населенный амазонками, географически в большей степени соответствует деталям рассказа Платона, за исключением того, что на острове не растет хлеб. Вулканический по природе и подверженный землетрясениям, он богат плодовыми деревьями, стадами овец и коз, так же как и Канарские острова в наши дни.

Но мне думается, что в описании амазонок можно разглядеть сходство с людьми азилийской расы, которые вторглись в Европу приблизительно десять тысяч лет назад, если судить по до сих пор сохранившимся наскальным росписям в пещерах. Эти люди — прародители иберийцев и изобретатели лука. Их женоподобная внешность, манера укладывать волосы в прическу в форме короны, возможно, воспринималась их врагами как проявление женственности. История Атлантиды, как излагает Диодор, может быть понята только в сравнении с элементами греческой мифологии. Сообщение Диодора, что Атлантический остров был поглощен морем, — ценное подтверждение того факта, что спустя почти четыре столетия после Платона вера в затопление определенного региона Атлантики была все еще широко распространена. Мы не должны также игнорировать мнение такого сравнительно раннего автора, как Посидоний, согласно которому рассказ Платона не следует считать беллетристикой, поскольку земля, как известно, подвергалась изменениям. Его точку зрения разделял Страбон, и это показывает, что уже в позднюю дохристианскую эру зародился геологический аргумент в поддержку теории Атлантиды.

И действительно, Филипп Смит в цитированном исследовании пишет: «Те, кто расценивает ее (историю Атлантиды) как чистый вымысел, приписывают ее происхождение очень древнему преданию, имеющемуся еще у Гомера и Гесиода, — оно повествует, что духи умерших героев жили на крайнем западе за рекой Океан, за пределами населенной земли. Весьма вероятно, что невообразимое процветание и счастье Атлантиды было до некоторой степени связано с их поэтическими представлениями о этом крае, — острова, фактически обнаруженные за побережьем Африки, были названы островами Блаженных. Но тем не менее важные фрагменты легенды так и остались необъясненными: ее мифологический характер, ее происхождение от египетских жрецов или из других восточных источников, а также наиболее значительная часть рассказа Платона: предполагаемый конфликт народов Атлантиды с народами Старого Света». Этот проницательный писатель в своих замечаниях зрит в корень проблемы. Он говорит, что, если вера в Атлантиду и в самом деле была мифологической, каким-то образом связанной с религией или просто вымышленной историей греков, сторонники этой теории не могут так просто заявлять это, а должны представить доказательства, *объясняющие ее мифологическое происхождение*. Нельзя, конечно, со стопроцентной уверенностью утверждать, что все предания основаны на достоверных фактах.

Народы полудивилизованные или варварские не пускались на сознательные выдумки и не утверждали, что острова Блаженных на западе были местом упокоения павших героев. Можно провести сотни мифов в доказательство того, что такие идеи на самом деле проистекают из западных регионов, откуда и шли ранние миграционные потоки. В связи со стоящей перед нами проблемой весьма любопытно заметить, что в некоторых захоронениях, уже упомянутых, черепа азилийских людей расположены так, что их лица смотрят на запад — знак того, что этому региону придавался особый сакральный смысл. Миф о войне между богами и титанами, как нам кажется, отвечает требованию Смита *предоставить доказательство, объясняющее мифологическое происхождение истории Атлантиды*.

Что же касается хронологии Платона, то можно доказать абсолютную ее неправдоподобность, если принять во внимание все обстоятельства азилийского вторжения в

Европу. Вопрос об ошибочности датировки Платона недавно затронул М. Ф. Бутаван в работе «La véritable Histoire de L'Atlantide», где говорится: «Эта дата, конечно, ошибочна, поскольку в упомянутый период Греческая республика не существовала; цивилизация Египта не существовала; а утверждения жреца Саиса — неправдоподобны. Математический, и прежде всего хронологический аспект, затрагиваемый античными авторами, часто содержит ошибки, и мы в состоянии исправить их на примере с двумя известными ошибочными вычислениями. Народы Средиземноморья и многие другие одно время считали с помощью восьмеричной счетной системы (до начала использования десятичной системы). Авторы, передававшие древние предания, часто забывали адаптировать их к десятичной системе... Например, число девять выпадало, поскольку его просто не существовало в восьмеричной системе».

Насколько я могу судить, для этого утверждения вообще нет никакого фактического основания. Восьмеричная система, возможно, и впрямь использовалась в древней Европе, равно как и система, столь же несходная с десятичной, — в древней Америке, но я не вижу, какое это имеет отношение к хронологии Платона. Представляется более разумным утверждение Бутавана, что, по мнению Евдокса Книдского, который изучал астрономию в Египте и мог достаточно квалифицированно проверить рассказ жреца Саиса, Критий говорил о периоде, равном не девяти тысячам лет, а девяти тысячам месяцев. Это сместило бы дату основания Атлантиды приблизительно к 1400 годам до н. э. или к временам XIX династии в Египте. Но египетская система хронологии, именно на которой, судя по всему, должен быть основан рассказ Платона, была совершенно точно десятичной, а замена лет на месяцы в истории Атлантиды — это, несомненно, новый подход.

Глава 4

ГЕОГРАФИЯ АТЛАНТИДЫ

Сейчас мы будем рассматривать географию Атлантиды, ее местоположение и топографию. Они тесно связаны с вопросом: существовала она вообще или нет? Здесь мы имеем дело не с Грецией или Римом, Египтом или Ассирией, а с затонувшим континентом, само существование которого яростно отрицается в некоторых кругах. Таким образом, прежде чем делать выводы о географическом положении и природных особенностях Атлантиды на основе имеющихся в нашем распоряжении литературных источников, мы вынуждены изучить геологические доказательства ее существования. Чтобы мы могли обоснованно считать остров Атлантида подходящим объектом для исторического исследования, эти доказательства должны быть надлежащим образом продемонстрированы.

Геологические свидетельства существования Атлантиды обширны, и здесь мы лишь вкратце перечислим основные положения. Полностью об этом можно прочитать в моих прежних работах «Проблема Атлантиды» и «Атлантида в Америке». Здесь же я предполагаю рассмотреть только одну геологическую эпоху, имеющую строго определенное отношение к проблеме, это — четвертичный период, который охватывает плейстоцен, или ледниковый период, и отправная точка которого в практических целях, может быть отнесена приблизительно на пятьсот тысяч лет назад. Четвертичный период подразделяется на четыре ледниковые и одну постледниковую эпохи.

И только в этой постледниковой эпохе, которая началась приблизительно двадцать пять тысяч лет назад, в Европе могут быть обнаружены какие-либо биологические виды, приближающиеся к современному человеку. Таким образом, если мы собираемся найти Атлантиду, заселенную людьми, которых можно было бы считать современным нам типом, то нас должен интересовать период, ограниченный последними тысячами лет европейской истории. Может ли современная геология доказать вероятность существования Атлантиды в этот период?

М. Пьер Термье, директор по науке геологической хартии Франции, является одним из представителей растущей группы геологов, которые искренне верят, что большой Атлантический континент существовал в указанное время¹⁴. Вместе с постепенным накоплением новых свидетельств геологии и биологии Атлантического региона теория существования этого континента приобрела совершенно новую форму. Это свидетельство опирается не на туманные предположения провидцев и не на догматические утверждения любителей древности, которые сплетают слова предания в некое подобие доказательств, а на соображения абсолютно рациональные и правдоподобные. То, что Атлантический континент в определенное время занимал океанский залив между Европой и Америкой, — научная истина, признанная сегодня всеми геологическими школами. Спорным до сих пор остается только вопрос о точном времени расцвета этого континента в геологической истории.

Дно Атлантики представляет собой наиболее нестабильный участок земной поверхности, сообщает М. Термье. Его восточная область — не что иное, как огромная вулканическая зона. В Евро-Африканской впадине Атлантики масса морских и островных вулканов. Острова здесь по большей части образованы лавой, и подобная же картина наблюдается в Американском и западном регионах. Крайняя западная зона Атлантики, охватывающая Исландию, Азорские острова, Канарские острова, Мадейру и острова Зеленого Мыса и достигающая в ширину приблизительно 1875 миль, как уверяют нас специалисты, все еще находится в движении. В любой точке этой области в любое время могут происходить незафиксированные подводные катаклизмы.

М. Термье верит, что некогда существовал Северный Атлантический континент, включавший в себя часть России, Скандинавию, Великобританию, остров Гренландия и Канаду, а позже к нему присоединилась южная полоса, состоявшая из большей части

¹⁴ См. перевод его эссе в годичном отчете Смитсоновского института за 1915 год.

Центральной и Западной Европы и огромной части Соединенных Штатов. «Имелся также, — говорит он, — Южно-Атлантический, или Афро-Бразильский континент, тянувшийся на север до южной границы Атлантики и на восток до Персидского залива и Мозамбикского пролива, а на запад до восточной границы Анд и до горных цепей Колумбии и Венесуэлы. Между этими двумя континентами пролегла Средиземноморская впадина, которая сформировала своеобразную складку в земной коре еще в начале геологического периода, — ее глубокие отметины можно наблюдать в сегодняшнем Средиземноморье, Карибском море и в море Санда, или Флорес. Цепь гор, более широкая, чем Альпийская гряда и, возможно, местами столь же высокая, как величественные Гималаи, когда-то возвышалась на побережье Северного Атлантического континента, охватывая Вогезские горы, Центральное плато Франции, Бретань, юг Англии и Ирландии, а также Ньюфаундленд, Новую Шотландию и весь Аппалачский регион в Соединенных Штатах».

Конец этой континентальной эры, по мнению М. Термье, пришел во время третичного периода или в начале четвертичного, когда вся эта масса суши, окруженная на юге цепью гор, погрузилась под воду задолго до разрушения вулканической гряды, от которой ныне не осталось ничего, кроме Азорских островов. Южная часть Атлантического океана в течение сотен тысяч лет была занята великим континентом, теперь поглощенным морскими волнами. Вероятно, произошло несколько смещений впадины, более или менее удаленных друг от друга во времени. В Европе в третичном периоде это движение создало Альпийскую горную гряду. Насколько далеко простиралась эта горная гряда в Атлантический регион? Поднимались ли некоторые ее фрагменты достаточно высоко, чтобы на каком-то этапе выступать из воды? На этот вопрос М. Термье отвечает утвердительно.

Он верит, что геологическая конфигурация всего Атлантического региона поменялась в поздний период земной истории. Вторичный период характеризовался образованием многочисленных впадин, третичный стал свидетелем уничтожения континентальных областей, вследствие чего появилась новая геологическая формация, общее направление которой не пролегалось с востока на запад, как прежде, а с севера на юг. Около африканского побережья, утверждает Термье, определенно происходили важные геологические движения в течение четвертичного периода, в то время, когда другие изменения, несомненно, имели место в океанской области. «С точки зрения геологии, — говорит он, — вероятность существования Атлантиды Платона очень высока... Резонно предположить, что много позже открытия Гибралтарского пролива некоторые из этих вышедших из воды земель все еще существовали, и среди них — изумительный остров, отделенный от Африканского континента цепью других меньших островов. Одну вещь все еще необходимо доказать — что катаклизм, уничтоживший этот остров, последовал уже после появления человека в Западной Европе. Катаклизм же бесспорен. Жили ли тогда люди, которые могли противостоять стихии и сохранить память о ней? Это самый главный вопрос. Я не верю в его неразрешимость, хотя мне кажется, что ни геология, ни зоология не решат его. Эти две науки, похоже, уже сказали все, что могли, и теперь я ожидаю окончательного ответа от антропологии, от этнографии и, наконец, от океанографии».

Критикуя эту точку зрения, профессор Шучерт пишет следующее: «Азорские острова — истинные вулканические и океанские острова, и почти наверняка можно сказать, что они никогда не имели связи с континентами по обе стороны Атлантического океана. Если есть какая-либо правда в волнующем рассказе Платона, то в поисках Атлантиды мы должны двигаться от западного побережья Африки. На пяти из островов Зеленого Мыса и на трех из Канарских островов мы обнаружим скалы, явно подобные тем, что часто встречаются на континентах. Учитывая также распространение на этих островах растений и животных, многие из которых обладают свойствами, характерными для флоры и фауны позднего Европейско-Средиземноморского третичного периода, мы получим ясное указание на то, что Зеленый Мыс и Канарские острова — фрагменты великой Африки... Как доказать, что этот катаклизм и разрушение Западной Африки произошли так внезапно, как это описывает Платон, или что это произошло приблизительно десять тысяч лет назад, геологам пока еще неизвестно».

Профессор П. Ф. Шарфф из Дублина, который внес наиболее ценный вклад в исследования Атлантиды — больше, чем любой другой ныне живущий ученый, — заключает,

что Мадейра и Азорские острова были связаны с Португалией в период миоцена или в более поздние времена третичного периода, когда человек уже оказался в Европе, и что от Марокко до Канарских островов и от них к Южной Америке протягивалась обширная полоса земли, которая простиралась на юг вплоть до острова Святой Елены. Этот большой континент, верит он, начал опускаться еще до миоцена. Но он считает, что его северные части сохранились до тех пор, пока Азорские острова и Мадейра не отделились от Европы. «Я верю, — говорит он, — что они все еще были соединены с континентами Европы и Африки в раннем плейстоцене (ледниковый период), в то время, когда человек уже появился в Западной Европе и был способен достигнуть островов посуху».

Среди современных геологов, поддерживающих теорию Атлантиды, — профессор Эдвард Халл, исследования которого позволили прийти к выводу, что Азорские острова — вершины затонувшего континента, который процветал в периоде плейстоцена. «Флора и фауна обоих полушарий, — говорит профессор Халл, — поддерживают геологическую гипотезу общего центра в Атлантике, где и зародились эти жизненные формы, и что в ледниковую эпоху и даже раньше большие сухопутные мосты, северный и южный, соединяли берега Атлантического океана». Он добавляет: «Я провел это исследование, основываясь на тщательном изучении данных зондирования, зарегистрированных на картах Адмиралтейства». Халл также придерживается мнения, что одновременно с этим Атлантическим континентом существовал еще большой Антильский континент, или горный хребет, отсекающий Карибское море и Мексиканский залив от того, что принято называть Гольфстримом.

Эти соображения, судя по всему, подтверждают мнение современных геологов, что дно Атлантики подвергалось постоянному изменению и что в действительности со времен последнего ледникового периода оно, возможно, повышалось и погружалось много раз, как заявил однажды сэр Уильям Доусон.

Исходя из подобного свидетельства, мы можем с полным основанием заключить, что гипотеза о некогда существовавшем в Атлантическом океане континенте ни в коем случае не основана на простом предположении. Тот факт, что высокопрофессиональные геологи рисковали своей репутацией, свидетельствуя в категорической форме о существовании древнего Атлантического континента, конечно, должно охладить пыл тех, кто нетерпимо отказывается даже обдумать столь квалифицированно подобранные аргументы.

Но наиболее существенный вывод, который из всего этого следует, состоит в том, что современная наука почти безоговорочно свидетельствует в пользу *сравнительно недавнего* существования обширной суши в Атлантике. Учитывая это свидетельство и характер его источников, отнюдь не покажется безумным предположение, что в упомянутый Платоном в его «Критии» период, а именно в 9600 году до н. э., эта древняя земля все еще частично существовала, хотя разрушение ее уже началось. Возможно, довольно большой остров, вероятно остаток африканского «шельфа», все еще закрывал вход в Средиземноморье, а острова поменьше соединяли его с Европой, Африкой и, возможно, с Америкой.

Стремясь опровергнуть существование такого острова, как Атлантида, В. Х. Бэбкок заявляет: «Сторонники реальности Атлантиды стараются накопить доказательства существования в Атлантическом океане большой массы земли, — до некоторой степени разумный подход, но далеко не достигающий цели, поскольку земля могла подниматься и снова опускаться задолго до предполагаемого периода существования Атлантиды. Не имеет никакого смысла доказывать ее наличие в миоцене, плиоцене, плейстоцене или же в любое другое время до развития хорошо организованной человеческой цивилизации, или, как рассуждает Платон, между одиннадцатую — двенадцатую тысячами лет назад. Нам требуется свидетельство о существовании большого острова, Атлантиды, а не о продолжении какого-то существующего континента в сторону моря и не о полоске земли, пересекающей океан. Действительно, такими могли бы быть отдаленные предварительные условия формирования острова путем распада и последующего погружения неустойчивых земельных пластов, но все это лишь умножает катаклизмы, реальность которых еще нужно подтвердить, и не имеет никакого смысла в отсутствии непосредственных доказательств существования самого острова.

Геологические и географические феномены дочеловеческого периода можно исключить из рассматриваемого вопроса. Рассказ, который должен быть исследован, имеет отношение к

большому процветающему замкнутому человеческому обществу, отстоящему от нас на несколько тысяч лет, которое не знало предания о потопе и которое посылало свои победоносные армии на захват новых земель вплоть до окончательного поражения и рокового катаклизма».

Читатель видит, что я не «старался накопить доказательства существования в Атлантическом океане» большой массы земли. Чтобы строго следовать общей логике, я ограничил большинство геологических свидетельств периодом, соотносимым с возможным существованием Атлантиды в срок, *обозначенный в мифе Платона*. Теперь относительно заявления Бэбкока в части, касающейся условий существования «большого процветающего замкнутого человеческого общества», которое необходимо найти в Атлантике. Я никогда бы под этим не подписался и в моих прежних работах указывал, что, по-моему, общество, которым могла бы похвастаться Атлантида, должно было бы быть довольно примитивным¹⁵. Защитники теории Атлантиды не должны полагаться исключительно на свидетельство Платона, как, кажется, думает Бэбкок. Это означало бы неоправданное и чрезмерное ограничение как самого исследования, так и доказательств.

Глубинное зондирование Атлантики, предпринимавшееся различными специалистами Адмиралтейства, выявило наличие большой отмели или возвышения, начинающегося около побережья Ирландии, пересекающего пятьдесят третью параллель и расширяющегося к югу, охватывающего Азорские острова вплоть до окрестности Французской Гвианы и устьев рек Пара и Амазонки. Уровень этого большого хребта — около 9000 футов над дном Атлантики. Зондирование, проведенное различными экспедициями «Hydra», «Porcupine» и «Challenger» в течение XIX столетия, несомненно, свидетельствует в пользу гипотезы о существовании земли в Атлантической области.

Учитывая связь подводных отмелей Северной Атлантики с обсуждаемой проблемой, В. Х. Бэбкок пишет: «Все эти подводные горные хребты или скрытые морем плато, расположенные заметно ближе к поверхности океана, чем обычное морское дно, находятся в действительности настолько близко, что неизбежно возбуждают подозрение о том, что они, возможно, были выше водной поверхности в пределах времени человеческого знания и памяти об этом. Хорошо известно, что побережья во всем мире повышаются и спадают, и это может быть нормальным не сейсмическим движением пластов. Иногда движение в одном, восходящем или нисходящем направлении может упорствовать на протяжении многих столетий. Предположим, что Геттисбергская отмель непрерывно опускалась на не столь уж неправдоподобные два фута в столетие. В этом случае она была *значительным островом, возвышающимся над водой в период, который имели в виду жрецы Сауса*. Очевидно, что повышение островов Лабрадор и Ньюфаундленд со времен последней рецессии и таяния большой ледяной корки было даже еще более значительным. Здесь нам недостает точного сравнения времени и условий этого процесса; однако имеющиеся данные о подъеме более чем на 500 футов в одной области и почти на 600 в другой убедительно показывают, на что способна старушка Земля. *Нужно также хорошо понимать, что в столь сейсмически неустойчивой области внезапное ускорение опускания Геттисбергской отмели вполне могло произойти в любой момент. Принимая во внимание все рассматриваемые нами факторы, отнюдь не кажется невозможным, что некоторые из этих отмелей, возможно, и возвышались над уровнем моря и даже были пригодны для жизни в то время, когда люди достигли уже умеренного уровня цивилизации. Но все же это не было чем-то грандиозным*»¹⁶.

Но есть и более ценные свидетельства из других источников, не только из одной геологии. Биологические исследования предоставляют более чем замечательные свидетельства. Профессор Шарфф в цитированной выше работе выяснил, что крупные млекопитающие Атлантических островов не были завезены туда, он также утверждает, что его попытки

¹⁵ Хотя, далее, я представлю убедительные доказательства, показывающие, что цивилизация Атлантиды в действительности могла достичь сравнительно высокого уровня развития.

¹⁶ Курсив мой. (Примеч. авт.).

проследить «историю их появления на островах показывают, что некоторые из них при любом раскладе должны были достигнуть островов естественным путем, который таким образом связывал эту землю с Европой».

Присутствие на Азорских островах больших ястребов, или канюков, которых еще в 1439 году наблюдали первооткрыватели, собственно, и дало островам имя *Acores*, или острова Ястреба. Эти птицы обычно питаются мышами, крысами и молодыми кроликами, что подразумевает существование всех этих млекопитающих на островах. Кажется обоснованным, что существование Азорских островов было известно и более ранним мореплавателям, поскольку в книге, изданной в 1345 году испанским монахом, Азорские острова уже упомянуты, даны даже названия нескольких из них. На атласе, изданном в Венеции в 1385 году, некоторые острова упомянуты по названиям: Капрария, или Козий остров, теперь Сан-Мигель; Колумбия, или остров Голубей, теперь Пико; Ли-Конги, или остров Кролика, теперь Флорес, и Корви-Марини, или остров Морских Ворон, теперь просто Корво. Эта специфическая терминология, появившаяся еще до открытия — «официального» открытия островов, кажется, оправдывает предположение, что в эту пору там благоденствовали млекопитающие вроде дикого козла и кролика, добравшиеся до этих островов из Европы по суше, а не по воде в более отдаленные времена.

Некоторые зоологи, говорит профессор Шарфф, признают существование некоего ярко выраженного барьера в центре Атлантики, который они называют «Мезатлантика». Два рода млекопитающих характерны для этой области — *Monachus*, или монашеский тюлень, и *Sirenian Manatus*, морская сирена. Ни одно из этих животных не встречается в открытом океане. Несколько их разновидностей населяют Средиземноморье, Вест-Индию, побережья и устья рек в Западной Африке и на востоке Южной Америки. Ареал обитания этих морских животных, по-видимому, подсказывает многим зоологам, что их предки распространились по некой береговой линии, которая объединяла Старый и Новый Свет в какой-то не очень отдаленный период.

Рептилии атлантических островов — почти полностью европейские. Среди ящериц — родственные североафриканская и чилийская формы. Ареал большого семейства живущих в норах амфисбен (*Amphisbaena*) ограничен Америкой, Африкой и Средиземноморской областью. В своей монографии о моллюсках атлантических островов Т. В. Уолластон обратил внимание на то, что средиземноморский элемент гораздо сильнее прослеживается на Канарских островах, чем на любых других. Он верит, что атлантические острова произошли в результате раскола земной поверхности, которая была некогда более или менее непрерывна, а потом раздробилась на горные хребты и ныне поглощенные океанскими водами равнины.

Профессор Симрот, пишущий о сходстве между слизняками Испании, Португалии, Северной Африки и Канарских островов, заключил, что, вероятно, некогда эти четыре участка связывала широкая полоса земли, должно быть сохранявшаяся до сравнительно недавнего времени. Доктор В. Кобельт, который раньше высмеивал теорию Атлантиды, позже изменил свои взгляды. Сравнивая европейскую фауну с вест-индской и центральноамериканской, он указывает, что сходство береговых ракушек на двух противоположных сторонах Атлантики подразумевает древнюю связь между Старым и Новым Светом, которая разорвалась только к концу третичного периода. Доктор фон Ихеринг придает особое значение тому факту, что никакой специалист по моллюскам в настоящее время не может объяснить присутствие континентальных моллюсков на атлантических островах ничем, кроме как их передвижением по земле.

Шестьдесят процентов видов бабочек и моли, найденных на Канарских островах, имеют средиземноморское происхождение, и двадцать процентов из них могут быть найдены в Америке. Некоторые ракообразные также доказывают истинность гипотезы об Атлантиде. Род *Platyarthrus* представлен тремя видами в Западной Европе и Северной Африке, одним на Канарских островах и одним в Венесуэле. «Есть, — говорит Шарфф, — и другая группа, *Crustacea*, которая хранит такие серьезные признаки древней сухопутной связи между Африкой и Южной Америкой, что едва ли необходимо что-нибудь еще для устойчивого научного обоснования этой теории. Под этой группой я подразумеваю живущие по обеим сторонам Атлантики виды пресноводных десятиногих, которые отличаются наиболее

впечатляющим сходством».

Эксперименты показали, что некоторые улитки не выносят длительного погружения в морскую воду. И все же их виды были найдены и в Европе, и в Америке, и на Канарских островах. Таким образом, очевидно, что они должны были перебраться туда посуху. Много подобных параллелей можно было бы показать и на примере растений, если бы это позволял формат издания.

В то же самое время есть биологи, которые яростно опровергают существование сухопутного моста между Новым и Старым Светом и верят, что флора и фауна Старого Света достигла Америки через Берингов пролив. Эта гипотеза, однако, всегда казалась менее вероятной, чем теория Атлантиды. Приведенные свидетельства позволяют сделать следующие заключения.

Обширный континент в прошлом занимал большую часть Северной Атлантики и значительную часть Южной. Начиная с раннего геологического возраста он, должно быть, испытал множество последовательных изменений своего контура и массы, и, возможно, неоднократно погружался в океан и всплывал.

Во времена миоцена (поздний третичный период) он все еще сохранял континентальный характер, но к концу этого периода уже начал распадаться вследствие вулканической деятельности и других причин.

Этот распад закончился формированием крупных и мелких островов. Два из них, значительно превосходящие размерами любые другие, были расположены а) в относительной близости от входа в Средиземноморье; и б) в области ныне существующих островов Вест-Индии. Они могут быть названы соответственно Атлантидой и Антилией. Возможно, между ними была связующая цепочка островов.

Эти два континента-острова и соединяющая их цепь островов сохранились до поздних времен плейстоцена, когда (приблизительно двадцать пять тысяч лет назад, в начале постледниковой эпохи) Атлантида, по-видимому, подверглась дальнейшему разрушению. Окончательная катастрофа, вероятно, постигла Атлантиду приблизительно за десять тысяч лет до н. э. Антилия же, вероятно, просуществовала гораздо дольше, обломки ее все еще сохраняются в виде Антильского архипелага или островов Вест-Индии.

Если все эти данные могут быть признаны насколько это возможно в сложившейся ситуации убедительными доказательствами существования Атлантиды в пределах последних двенадцати тысяч лет, то мы можем теперь перейти к выяснению ее точного местоположения.

Одна из наиболее популярных гипотез связывает местоположение Атлантиды с Саргассовым морем. Хотя Саргассово море — один из самых доступных районов на земле, но оно отличается неясностью природных особенностей, даже больше очевидных, чем в случае с Эверестом или пустыней Гоби. На легенду о большой области Атлантического океана — о целом плавающем континенте из морских водорослей, расположенном от берегов Соединенных Штатов не дальше, чем Бискайский залив от наших собственных, не особенно обращают внимание — в основном из-за массового невежества в области океанографии.

В самые последние годы часто поступали удивительные сообщения о том, что на обширном пространстве Саргассова моря находят целые флотилии покрытых морскими водорослями судов, древних и современных, от трирем¹⁷ из Тира до старых пароходов. Это конечно же преувеличение. В действительности мореплаватели обходили Саргассово море стороной по многим причинам. Можно с уверенностью говорить, что никакой современный океанский лайнер не станет пленником его подводных зарослей, если вдруг и встретит их. Тем не менее, как мы видим, есть вполне достоверные свидетельства того, что в прошлом множество трудностей подстерегало суда в плавании по Саргассову морю, даже если они и не попадали в его сети.

Саргассово море занимает площадь по крайней мере в 3000000 квадратных миль, охватывая пространство, простирающееся от 30-го градуса западной долготы до Антильских

¹⁷ Трирема — боевое гребное судно в Древнем Риме с тремя рядами весел, расположенных один над другим в шахматном порядке. (Примеч. пер.).

островов и между 40-м и 20-м градусами северной широты. И это еще относится только к той части моря, которая содержит не меньше пяти процентов морских водорослей. Но естественный регион Саргассова моря, включающий не только заросли бездны, но также и участки со спокойной водой и относительно высокой температурой на любой глубине, — этот регион охватывает по крайней мере 5400000 квадратных миль, что лишь немного уступает половине Европейского континента.

Характерная для этого почти уникального океанского региона морская растительность принадлежит к роду коричневых водорослей и называется *Sargassum bacciferum*, на разговорном языке — заросли бездны. Ее можно легко узнать по специфическим маленьким пузырькам, похожим на ягоды. Считается, что количество этих водорослей постоянно пополняется растениями, которые волны отрывают от североамериканского побережья и гонят по морю, пока они наконец не накапливаются в большом атлантическом водовороте, который окружает Саргассово море. Считается, что взрослые растения постепенно теряют свою плавучесть и погибают, оседая на глубокое дно. Там они покрываются белыми заплатами полипов, червями, живущими в витых известковых трубках, маленькими рыбками, крабами, креветками и моллюсками — все они обладают замечательной способностью к мимикрии, хотя ни один из этих видов не принадлежит к естественной фауне открытого моря.

Экспедиция «Arcturus», проведенная под руководством доктора Биба, из Нью-Йоркского зоологического общества, которая сейчас исследует эти таинственные области обремененного водорослями океана, некоторое время назад сообщила нью-йоркским газетам по радио, что удалось рассмотреть вулканическую породу и губчатые отложения на дне Саргассова моря. Главная цель экспедиции состоит в том, чтобы определить, сдуваются ли водоросли в Саргассово море с побережий или они размножаются на месте, а также исследовать и сфотографировать его удивительные формы жизни.

Несомненно, в Саргассовом море обитает несметное количество морских рыб и других существ: ракообразных, моллюсков всех размеров — вероятно, от гигантских до микроскопических. Это место кормежки многих разновидностей птиц. Некоторые ученые предполагают, что, поскольку все живое на верхнем ярусе этой морской зоны умирает и опускается далее ко дну, это должно поддерживать разнообразную и удивительную подводную жизнь на различных глубинах. Эти глубины от самого дна будут исследованы при помощи тралов, землечерпалок, крюков, западней и других механизмов. Живые и мертвые экземпляры местной флоры и фауны также представляют интерес. Рыбы с невероятных глубин, которые буквально взрываются при подъеме на поверхность из-за разности давления, будут собраны в специальном аппарате, поддерживающем нужное давление, а после адаптации их будут содержать живыми в особенных резервуарах-аквариумах.

Научный взгляд на проблему Саргассова моря обобщил лейтенант американского флота Дж. К. Соули, который в своей «Циркуляции вод Северной Атлантики» говорит, что юго-восточный рукав Гольфстрима «течет в направлении Азорских островов, где отклоняется холодом, идущим с севера, а затем вливается в центр Атлантического бассейна, где и теряется в мертвых водах Саргассова моря». Комментируя это, гидрографический отдел США отмечает: «Возникающие в результате вращения земли динамические силы заставляют перемещающиеся в Северном полушарии массы отклоняться вправо. Из-за этого водоросли, которые Гольфстрим несет из тропических морей, мчатся к внутреннему краю водоворота, вращающегося по часовой стрелке вокруг центра Северной Атлантики. В этой центральной части поток поверхностных вод не устойчив ни в каком направлении и, следовательно, плывущие водоросли имеют тенденцию скапливаться именно там. Это накопление, очевидно, наиболее заметно в треугольной области между Азорскими и Канарскими островами, а также островами Зеленого Мыса, но много водорослей также найдено к западу оттуда, в районе, растянувшемся до 70-го меридиана. Количество водорослей в Саргассовом море колеблется в зависимости от изменения фактов, объясняющих их присутствие, но гидрографический отдел не располагает достоверными данными о том, что это когда-либо существенно препятствовало судоходству».

Очевидно, это касается современных условий. Гигантская масса похожих на веревки водорослей Саргассова моря едва ли может препятствовать движению современных судов, оборудованных мощными винтами, но она, вполне вероятно, значительно препятствовала

веслам галер, на которые древние и средневековые мореплаватели полагались во время штиля. Да и при обычном ветре маленькие суда вряд ли могли свободно продвигаться сквозь водоросли. Как мы уже видели, очень многое доказывает, что в древние времена Атлантика была несудоходна и что Саргассово море прежде занимало большую область. Если заросли бездны не препятствовали мореплавателям, то нам трудно объяснить предупреждения и жалобы античных географов. Сегодня, когда океанские маршруты и фарватеры устанавливаются с необходимой точностью, когда капитаны кораблей получают сведения о том, какой район лучше обойти стороной, нам вряд ли стоит ожидать сообщений о каких-либо навигационных трудностях. Но все же древняя недобрая слава Саргассова моря до сих пор имеет определенное основание.

Вспомним, что Платон в своем диалоге, говоря о проваливающемся в пучину континенте Атлантида, отмечает, что «море в этом месте по сей день несудоходно и недоступно из-за обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров». «Очевидно, — говорит В. Х. Бэбкок в своих „Легендарных островах Атлантики“, — что Платон не написал бы так, если бы не полагался на общеизвестную репутацию этой части океана как трудной для навигации».

Около 1850 года Моури определил Саргассово море как «столь плотно опутанное зарослями бездны, что проходящие через него суда часто снижают скорость. Глядя на него с небольшого расстояния, кажется, что поверхность достаточно твердая и по ней можно даже ходить. Там всегда можно увидеть лоскутья морских водорослей, плывущие по самой границе Гольфстрима. Если, например, поместить частицы пробки, мякины или любую другую плавучую субстанцию в бассейн и придать воде круговое движение, все легкие частицы соберутся вместе в центре, где движение наименьшее. Именно таким бассейном является Атлантический океан, движением воды — Гольфстрим, а центром водоворота — Саргассово море. Колумб первым нашел это заросшее водорослями море во время своего путешествия; там оно и осталось до сих пор, перемещающееся вверх и вниз и изменяющее свое положение в зависимости от сезона, штормов и ветров. Точный контроль его размеров, проводившийся в течение последних пятидесяти лет, показывает, что его срединное положение с того времени не изменилось».

Древняя легенда связывала Саргассово море с погибшей Атлантидой, и многочисленные авторы верили в это, считая, что именно в этой области следует искать затонувший остров Платона. Как бы то ни было, водоросли Саргассова моря, по всей видимости, сохраняются там уже в течение тысяч лет. Водоросль той же самой разновидности, что и в Саргассовом море, обнаружена и в Тихом океане к западу от Калифорнии, где, как уже точно известно, прежде была земля. То, что земля, некогда возвышавшаяся над водой, теперь погрузилась ниже Саргассова моря, кажется очевидным. Большая отмель, отмеченная несколькими экспедициями, которые занимались исследованием Атлантики во второй половине XIX века на судах «Гидра», «Дитабриз», «Челлинджер», «Дельфин», частично совпадает с областью Саргассова моря. Эта отмель начинается южнее побережья Ирландии, на 53-й параллели, простирается в сторону Азорских островов и идет далее к африканскому побережью. Общая высота этого большого горного хребта, или плато, — около 9000 футов над дном Атлантики. Другие огромные отмели простираются от Исландии почти до южноамериканского побережья, где они примыкают к древней территории затонувшего острова Антилия. Прямо над этой областью, где сходятся большие затонувшие плато — между 40-ми и 60-ми градусами западной долготы и 20-ми и 40-ми градусами северной широты, — наблюдаются самые плотные скопления водорослей в Саргассовом море. Судя по всему, это лучшее свидетельство того, что водоросли размножаются сами по себе, а не дрейфуют от североамериканских берегов или вместе с Гольфстримом, как прежде полагали океанографы. Но по всей вероятности, этот вопрос будет прояснен сообщениями экспедиции «Arcturus», исследования которой, вне всякого сомнения, просветят нас относительно одного из наиболее любопытных явлений морского мира, о глубоких тайнах которого мы знаем так мало.

Вполне можно надеяться, что будет получено надежное свидетельство совпадения области Саргассова моря с областью затонувшей Атлантиды. Также желательно было бы получить доказательство того, что водоросли, из которых во многом состоит Саргассово море,

как-то связаны с осколками затонувшего континента. Эту гипотезу поддерживает не только совпадение Саргассова моря с гипотетическим местоположением Атлантиды. С этим предположением согласуются и античные ссылки на то, что скопление водорослей в Саргассовом море, очевидно, занимало ранее большую территорию.

Конечно, мы должны здесь рассматривать район Атлантиды только на той стадии ее существования, когда там жили люди. Практически все геологи согласны с тем, что в миоцене, или в позднем третичном периоде, она все еще сохраняла континентальный характер, доминируя в Северной Атлантике, но многие также полагают, что она именно тогда и исчезла. Другие, мнение которых мы разделяем, думают, что к концу рассматриваемого периода Атлантида начала распадаться вследствие вулканических и сейсмических процессов. Этот распад, как мы полагаем, закончился формированием островов Атлантида и Антилия. Последний пока можно подробно не рассматривать. Каким же в точности было географическое положение острова, известного как Атлантида, в период, когда его древние жители — кроманьонцы — начали переселяться оттуда в Европу?

Этот остров, говорит Платон, был расположен перед Геракловыми столпами, (современный Гибралтарский пролив); он было больше Ливии (греческое название средиземноморской Африки) и Азии (Малая Азия во времена Платона), вместе взятых. Это равнялось территории приблизительно 2650000 квадратных миль, что на 350000 миль меньше Австралии. Предположим, что остров находился, как пишет Платон, непосредственно перед и недалеко от испано-африканских побережий (исходя из того, что часть этих берегов назывались гадирическими). Тогда мы должны подумать о суше, которая простиралась на запад по крайней мере до 45-го градуса западной долготы и с севера на юг почти от 45-го градуса и до 22-го градуса северной широты. Эта область включает в себя не только Азорские и Канарские острова, но и большую часть Саргассова моря, хотя и не самую плотную, и лежит непосредственно над большими отмелями, окружающими Азорские и Канарские острова. Если мы будем считать Канарские острова юго-восточной оконечностью Атлантиды (которая не могла быть дальше — иначе она задела бы африканское побережье), а Азорские острова — ее северной границей в рассматриваемый период и продлим ее на запад до 45-го градуса, мы не только получим область, соразмерную с той, что упомянул Платон, но и увидим естественные черты, поразительным образом сохранившие следы ее присутствия. Вполне вероятно также, что *исконная* территория Атлантиды могла совпадать со всей областью Саргассова моря.

Как я уже сказал, это относится к последней фазе Атлантиды, от 23000 года до н. э. до приблизительно 9600 года до н. э., когда она, согласно Платону, окончательно затонула. Естественно, за это время она могла претерпеть некоторое сжатие своих границ, как это случалось и ранее, но конечно же Платон должен был располагать информацией, которая позволила бы ему сделать достаточно четкие утверждения, столь явно соответствующие природным свойствам Атлантического бассейна, подводным и надводным. Мне кажется, что В. Скотт-Эллиот в интересной книге «История Атлантиды» или М. Гаттефоссе в «La Verite sur L'Atlantide» уделили недостаточно внимания этим свойствам, когда вычерчивали свои великолепные карты.

Последний обломок Атлантиды — остров Посейдоний, как показано на карте Скотта-Эллиота, — расположен далеко от испано-африканских берегов, но если учитывать прежнее существование африканского «шельфа» и свидетельство Платона, то он, по всей вероятности, не мог быть там, то же самое можно сказать и о гипотетической карте Атлантиды в третичный период Гаттефосса. Если же в действительности континент-остров лежал «перед устами пролива», как говорит Платон, и болота, образованные его погружением, препятствовали навигации в самом устье пролива, как утверждают Аристотель и Скилакс из Карианды, то остров, разрушение которого вызвало все эти последствия, по логике вещей должен был находиться в непосредственной близости от Геракловых столпов.

Реконструированная карта Бори де Сен-Венсана, составленная с учетом не только рассказа Платона, но и Диодора Сикула, в большей степени соотносится с фактами, предоставленными этими авторами, но, по-моему, все же необходимо внести определенные коррективы и показать Атлантиду, простирающуюся дальше к северу, почти сталкивающуюся с Гибралтарским проливом и подбирающуюся ближе «под гору Атлас», как указывает Диодор.

Более того, карта никак не отражает близость с «гадирическим» регионом Испании.

Самая последняя версия местоположения Атлантиды была предложена М. Ф. Бутаваном в его «La verite Histoire de L'Atlantide». Он верит, что Атлантида была расположена *внутри* Гибралтарского пролива и что она в действительности была частью древнего побережья, на котором теперь располагаются Тунис и Триполи. Он думает, что окружающее Атлантиду «море», на которое ссылался Платон, было на самом деле Тирренским морем. Бутаван также сомневается в хронологии Платона, опираясь при этом на гидрологические и океанографические аргументы. Его теория столь же замечательна, сколь и изобретательна, — он идентифицирует несколько островов, оставшихся теперь от затонувшего побережья Триполи с островами, на которые ссылался Прокл в своем комментарии к «Тимею», считавший их смежными с Атлантидой. Он представляет доказательство, что эта часть Средиземноморья была особенно трудна для навигации, и считает, что это, вероятно, и было то особенное место, на которое ссылался жрец Саиса. Далее он пытается подтвердить свою теорию филологическими свидетельствами и даже включает сюда историю пересечения Красного моря древними евреями! Его эссе очень интересное и изобретательное, однако не стоит расценивать его как ценный вклад в изучение истории Атлантиды.

Далее перед нами стоит следующий вопрос: каким образом Атлантический океан приобрел свое название (то есть имя Атласа)? Разве не было это результатом того, что память об Атлантиде, континенте-острове, некогда занимавшем значительную часть этого океана, сохранилась вплоть до исторических времен? «Атлантида» — родительный падеж или притяжательная форма от «Атласа», означающая «принадлежащее Атласу», а слово «Атлантика» — просто прилагательное, образованное от этого слова. Самые распространенные словари определяют значение этого слова как «имеющий отношение к Атласу». Смит считает океан «названным по имени горы Атлас... от более грубой формы Атланти». Само же имя «Атлас» означает «поддерживающий», или «держатель», и происходит от санскритского корня «тал», означающего «переносить». В этих вопросах всегда всплывает некое «но», — например, кажется удивительным, что история острова Аталанта, расположенного около Эвбеи, самого большого острова Эгейского моря, несколько напоминала историю Атлантиды. Страбон в своей первой книге (3, 20) говорит: «И они говорят также об острове Аталанта около Эвбеи, срединные земли которого раскололись на части. В результате разлома получился судоходный канал, а некоторые из равнин были затоплены на целых двадцать стадиев, так что даже трирема была поднята из доков и ударилась о стену». Диодор Сикул говорит, что Аталанта была раньше полуостровом и что она была разрушена землетрясением, произошедшим далеко от материка. В данном случае оба автора, очевидно, обращаются к землетрясению, которое произошло в 426 году до н. э., или за год до рождения Платона. Платон, должно быть, узнал об этом происшествии. Существовала также история соседнего острова Эвбеи, согласно которой он также был отделен от Беотии землетрясением.

«Эпитет „Атлантика“, — говорит доктор Смит в своем „Классическом словаре“, — применялся к этому району в силу мифического местоположения Атласа на его берегах». Следовательно, эта местность называлась так в честь Атласа — титана или бога. Но когда же впервые было дано это название? Гомер ссылается на эту местность как на «океан», сам Платон называет ее уже «Атлантикой», как будто это было хорошо знакомое ему название.

Мы же можем заключить, что остров-континент Атлантида во время своего погружения простирался от входа в Средиземноморье до 45-го градуса долготы, а с севера на юг приблизительно от 45-го до 22-го градуса широты.

Глава 5

РАСЫ АТЛАНТИДЫ

Рассматривая Атлантиду как континент, существовавший в действительности, а не как некую мифическую или вымышленную землю, и считая рассказ Платона свидетельством древней памяти народа о событиях, которые фактически произошли, мы столкнемся с необходимостью доказательств, связанных не только с одной геологией, подтверждающих, что Атлантида и вправду когда-то существовала и была к тому же заселена людьми, создавшими довольно развитую цивилизацию. Ввиду целого ряда обстоятельств, а также в случае, когда достоверные письменные свидетельства нам недоступны, поиск подобных доказательств — задача весьма сложная и трудоемкая. Но я все же надеюсь показать, что рассказ Платона более чем соответствует вполне достоверным данным современной археологии и этнологии и не стоит считать его сомнительным или вообще отвергать его.

Платон сообщает нам, что во времена, которые можно грубо датировать 9640 годом до Рождества Христова, толпа захватчиков «прошла в неслыханной дерзости всю Европу и Азию, выйдя из Атлантического океана». Имело ли в действительности место какое-либо вторжение в упомянутый период и что говорит нам антропологическая наука о подобном массовом исходе или миграции народов?

Два известных немецких геолога Пенк и Брюкнер находят целый ряд свидетельств незначительных изменений климата, последовавшего за четырьмя главными этапами понижения температуры в большом ледниковом периоде, которые постепенно привели нас к современным климатическим условиям. Они назвали их «стадиями» и дали им имена Буль, Гшнитч и Дорн, согласно ими же созданной топографии. Конец стадии Дорн Пенк датировал приблизительно 7000 годом до н. э., стадию Буль он разместил приблизительно в 20000 году до н. э., а Гшнитч между этими двумя, или приблизительно в 10000 году до н. э. Последняя упомянутая здесь стадия — признанная дата появления в Испании и Южной Франции людей, известных под названием азийско-тарденозианской расы. Эти люди, как считает Эбби Бревиль — самый крупный авторитет по древнейшей истории Франции и Испании, — прибыли «из околосредиземноморской прародины» приблизительно десять тысяч лет назад.

Азийская раса получила свое название от пещеры, известной под названием Мас-д'Азиль в Пиренейском районе Арьежа, где Эдуард Пиетте и обнаружил останки этих людей. Он нашел их в отложениях пластов на обоих берегах реки Оризе, текущей через пещеру Мас-д'Азиль. Его выводы, проиллюстрированные собранными там находками, суть следующие: люди, останки которых он обнаружил на этом участке, судя по всему, были вегетарианцами и питались в основном фруктами, поскольку Пиетте обнаружил косточки ягод боярышника и терновника, шелуху и скорлупки желудей дуба, лесных орехов, каштанов, вишен, слив и грецких орехов. Он также нашел горстку семян ячменя и предположил, что эти люди выращивали и этот хлебный злак.

Гарпуны — особенная черта азийской культуры, и она, по-видимому, указывает на морские привычки их пользователей. Это оружие, сделанное из рогов оленя, было плоским. В пещере Мас-д'Азиль нашли более тысячи этих гарпунов. Наряду с ними обнаружили множество ожерелий из морских ракушек, похожих на собранные впоследствии на французских берегах Средиземноморья и Атлантики, что тоже, судя по всему, указывает на морские корни этих людей.

Но самая удивительная особенность азийского искусства — большое количество гальки с некими отметинами красного цвета, нанесенными пероксидом железа, смешанного с каким-то смолистым веществом. Эти отметины представляют собой вертикальные штрихи, круги, пересечения, зигзаги и похожий на лесенку орнамент. Несколько знаков напоминают по форме букву Е, в то время как другие, скорее всего, составлены из случайных пересечений линий.

Первое предположение их первооткрывателя было следующим: эти знаки на гальке — не что иное, как алфавит, остатки древней палеолитической школы. Другие ученые полагали, что это была не более чем искусная игра. Возможно также она имела некое сходство с чурингами австралийских аборигенов — волшебными или священными плитками, с выгравированными на

них фетишистскими или тотемистическими символами. Но в отличие от австралийских чуринг, неизменно сохранявшихся в священных пещерах, азилийская галька, кажется, была объектом вполне бытового использования.

Однако Эбби Бревиль и сеньор Обермейер, известный испанский археолог, выяснили в ходе сравнительного исследования, что знаки на гальке очень похожи на наскальную роспись в некоторых пещерах Испании. В действительности они представляют собой сильно стилизованные человеческие фигуры, которые в ходе длительного использования потеряли все сходство с оригиналом, подобно тому, как буквы нашего современного алфавита несколько не напоминают древние формы, от которых они произошли. Весьма вероятно, если верить профессору Макалистеру, что изображения на гальке — фигуры, представляющие мертвых или место обитания их душ, «жилища для духов погибших членов сообщества, связанные с культом мертвых».

Азилийская культура была обнаружена в Испании, особенно на севере, в Кастелло и Вали, также во Франции, в районе Высоких Пиренеев и Арьежа.

Эта раса проникла и в Англию, и остатки ее культуры были найдены в Йоркшире, Дареме и в Шотландии в известной пещере Обан, исследованной еще в 1894 году, где были обнаружены типичные азилийские гарпуны и другие артефакты. На острове Оронсэй также был раскопан могильный холм, в котором сохранились азилийские гарпуны. То, что азилийский человек в этой области имел некоторый навык в навигации, подтверждается присутствием в почве ракушек и множества глубоководных крабов.

Другая особенность азилийской культуры — предметы, обычно именуемые пигмейскими, или «тарденозианскими» кремнями, которые получили название от местечка Фер-ен-Тарденуа в провинции Эна во Франции. Они представляют собой маленькие осколки кремня, обычно меньше дюйма в длину, и напоминают наконечники стрел. Большинство из них было найдено недалеко от моря, и по всей вероятности, они служили крючками для ловли рыбы. Они не обязательно, хотя и очень часто связаны с азилийской культурой, и название «тарденозианские», таким образом, обычно применяется отдельно именно к ним. Их появление в действительности было связано с культурой, теперь известной под именем «капсийской», обычно приписываемой Северной Африке и называемой так от местечка Капса, или Гапса, в Тунисе, которая процветала там задолго до появления азилийцев в Европе. Ее представители вторглись на Испанский полуостров. «С капсийской культурой, — отмечает Макалистер, — несомненно, должны быть связаны испанские настенные росписи в Альфере, Когуте и в других местах... Из этого следует, что существуют два элемента, связывающих капсийскую культуру с азилийской. Капсийское искусство породило раскрашенную гальку Ле-Мас-д'Азиль, и капсийские кремни имеют азилийско-тарденозианское происхождение». Лук, как он думает, был также принесен в Европу капсийскими людьми.

Откуда же пришли азилийцы и их предшественники капсийцы? «Азилийское искусство костяных гарпунов, — говорит профессор Осборн, — подобно тарденозианской кремневой культуре в значительной степени испытало влияние морских народов». Бревиль верит в то, что азилийцы имели средиземноморское происхождение, и отмечает постепенное вторжение азилийской культуры в эти области и ее медленное смешение с более древними формами. Азилийскую культуру в ее самых ранних фазах находят в Северной Африке и в Юго-Западной Европе.

Здесь важным вопросом для нас является следующее: развивалась ли эта культура в этих областях самостоятельно или была привнесена извне? Азилийские люди были, несомненно, предшественниками неолитической расы, или людей нового каменного века, и принесли с собой в Европу совершенно новый способ выживания, новое искусство и новые религиозные верования. Они вторглись в Европу в период, который, вообще говоря, может быть успешно сопоставлен с датой, указанной Платоном. Они, должно быть, вторглись в Европу тысячами, вытесняя более древних ориньякцев или кроманьонцев и уничтожая их относительно высокую культуру.

И кем же были эти более ранние жители? Были ли они хоть в какой-то степени цивилизованными, обладали ли они искусством, которое хоть как-нибудь позволяло бы идентифицировать их с «афинянами» египетского жреца в рассказе Платона? Они были именно

такими. «Эти люди, — говорит профессор Осборн об ориньяках, — были палеолитическими греками; художественное восприятие и истинный смысл пропорции и красоты были инстинктивно присущи им с самого раннего периода их развития. Их каменное и костяное ремесло может отражать превратности и влияния вторжений, торговли, а также введения новых технологий. Однако их искусство показывает непрерывную эволюцию и развитие, с самого начала одухотворенное единственным мотивом, а именно преклонением перед красотой и формой и реалистическим представлением последних». В другом месте он говорит: «Декоративное искусство теперь стало их страстью (ориньякцев), и инструменты для гравировки приобрели более разнообразную форму: изогнутые, прямые, выпуклые и вогнутые — различные и по размерам и по технике резьбы, для которых они предназначались».

Можно представить себе, как в холода они проводили время за этими занятиями... Мощные и очень острые гравировальные инструменты были также необходимы для резьбы по слоновой кости и стеатиту — например для вырезания человеческих фигур и статуэток, подобных тем, что найдены в Гроттес-де-Грималди и в Виллендорфе. И более внушительные инструменты нужны были для работы над большими каменными барельефами в Лосселе... Поскольку это искусство захватывало все новое пространство, очевидно, что мы имеем дело не с локальной формой развития какого-то одного народа, а скорее сотрудничества многочисленных колоний, более или менее связанных друг с другом и вместе распространяющих свои изобретения и открытия».

Эта одаренная раса, кроманьонцы, искусство которых часто называется «ориньякским» благодаря находкам, обнаруженным в гроте Ориньяк во Франции, была первоначально открыта М. Е. Ларте возле маленькой деревушки Кроманьон недалеко от Лес-Эзье на реке Везере.

Обнаружение останков этой расы, предшественников азилийцев, сразу же пробудило глубокий интерес в научном мире. Их рост и объем головного мозга, судя по сохранившимся скелетам, были настолько поразительными, что привели антропологов к заключению, что в это время в Европе жил человек куда более развитый, чем предполагалось ранее. Средний рост кроманьонского человека равнялся 6 футам 1/2 дюйма, у него были относительно короткие руки — признак более высокого расового развития — и необычно большой череп. Эта раса вторглась в Европу в конце ледникового периода, или приблизительно двадцать пять тысяч лет назад, и кажется, практически полностью смела на своем пути низкий и недоразвитый тип человека, известный под названием «неандертальцы», которых они находили в редких, разбросанных поселениях.

Кроманьонские могилы представляют собой совершенно новое явление в археологии палеолита, или древнего каменного века. Они окружены кремнем, галькой, утыканы раковинами, зубами и другими амулетами и талисманами. Большие покрывала или ожерелья из раковин закрывают либо отдельные органы, либо целиком все тело, и каждый знак здесь свидетельствует, что эти люди искренне верили в будущую загробную жизнь и хоронили имущество умершего вместе с ним, чтобы он смог использовать свои вещи в посмертной жизни. Кроме того, некоторые похоронные ритуалы кроманьонцев свидетельствуют о первых примитивных попытках сохранения тел мертвых, которые позже развились в искусство мумификации. Плоть удалялась от костей скелетов, и они окрашивались в красный цвет, цвет жизни. «Мертвец должен был жить снова в его собственном теле, основой которого были кости, — говорит Макалистер. — Окрашивание скелета в цвет жизни было самой близкой к мумификации практикой, которую только знали палеолитические люди; это была попытка сделать тело снова пригодным для использования его владельцем».

Искусства и ремесла этих замечательных людей, чьей главной родиной были Бискайское побережье, Пиренейская область и Дордонь, были значительно более продвинутыми, чем любые другие артефакты палеолитических цивилизаций, и их образцы все еще можно увидеть в пещерах упомянутых регионов, где они когда-то обитали. Их искусство в основном состояло из замечательных рисунков, картин и скульптур животных, лошадей, оленей, медведей, бизонов и мамонтов, а также редких статуэток, изображающих человеческие фигуры, которые были, вероятно, их идолами или богами. Этой ориньякское искусство процветало в течение пятнадцати тысяч лет или между двадцатью пятью и десятью тысячами лет назад, когда капсийская и азилийская раса ворвались и вытеснили этих древних людей. Их наиболее

значительный период известен как мадленский. Беглый взгляд на любую книгу по ориньякскому искусству, уверяет «Учебник европейской археологии» Макалистера или книга Осборна «Люди древнего каменного века», сразу убедит читателя в его несомненном превосходстве и «современном» характере и докажет ему, что людей, которые произвели все это, никак нельзя считать простыми дикарями. В легкости и оригинальности, по крайней мере, ориньякское искусство действительно весьма превосходит искусство Египта или Вавилона и достигает столь высокого уровня, что оно должно было культивироваться где-то еще, кроме территории, на которой оно процветало в течение многих тысяч лет. Но где? Эта высокоразвитая раса живописцев и скульпторов, которая придумала и воплотила столь удивительные творения такого замечательного гения, которая обладала вкусом, столь зрелым и столь тонким, должна была иметь долгую историю в неких иных землях.

Ни один из ныне живущих археологов, возможно, не позволяет себе высказываться с такой смелостью о проблеме верхнего палеолита, как Эбби Бревиль. По его мнению, последовательные вторжения новой культуры произошли или со стороны Средиземноморья, или от той части Бискайского побережья Франции и Испании, которую он называет «атлантической». «Археологическое доказательство, — говорит Осборн, — всецело поддерживает гипотезу вторжения новой культуры, и она, кажется, усилена изучением человеческих типов». «Мы едва ли можем рассматривать ее восточное происхождение, — пишет Бревиль, — потому что эти более ранние стадии ориньякских ремесел пока еще не были обнаружены в Центральной или Восточной Европе». «Южное происхождение, — говорит Осборн, — кажется более вероятным, потому что ориньякские колонии, по-видимому, окружали все Средиземное море и находились в Северной Африке, Сицилии, на Итальянском и Пиренейском полуостровах, от которых они простирались на большую часть Южной Франции». В Тунисе мы находим очень примитивную ориньякскую культуру, похожую на ту, что в Абри-Оди, в Дордони, с орудиями, несомненно подобными орудиям из Шантельперрона во Франции. Даже далеко на востоке, в пещере Амелиас в Сирии, а также на некоторых археологических площадках в Финикии найдены характерно ориньякские артефакты, но «раннее ориньякское ремесло замечено в районах Дордони и Пиренеев».

«Кроманьонские люди, — говорит Макалистер, — где бы и при каких бы обстоятельствах они ни произошли, развили и установили свои особенные характерные для их культуры черты в некоем внеевропейском центре, прежде чем они вторглись на наш континент».

Таким образом, мы видим, что кроманьонский человек прибыл в Юго-Западную Европу в период, когда большие понижения земной поверхности происходили и в Европе, и в Атлантике. И в действительности существенно, что эти ориньякские участки, обнаруженные и в Испании, и во Франции, все без исключения, расположены в области Бискайского залива, а не на южных побережьях. Также весьма примечательно, как я уже заметил, что культура гуанчей, населения Канарских островов, была, несомненно, ориньякской. Эта гипотеза взаимоотношения культур, поддержанная Осборном, Рене Верно и покойным лордом Аберкромби, доказывает, что раса кроманьонцев была аборигенной на Канарских островах — обломках Атлантиды, а не мигрировала туда из Европы. Подобно многим из животных и растений этих остаточных островов, кроманьонский человек был отрезан и изолирован на них неким значительным естественным катаклизмом. Во времена, когда он жил, морской навигации еще не знали. Он, должно быть, вторгся в Европу в конце ледникового периода, или приблизительно двадцать пять тысяч лет назад, посредством все еще существовавшего тогда сухопутного моста. То, что он не мигрировал из Европы на Канарские острова, очевидно, поскольку он — захватчик Европы, переселенец в тех местах, где был впервые обнаружен.

Исследуется еще и другое свидетельство, показывающее, что кроманьонский человек имел внеевропейское происхождение.

В своих «Расах Европы» доктор Рипли развивает теорию, согласно которой баски Северной Испании и Южной Франции говорят на языке, унаследованном от кроманьонцев. «Эта гипотезу стоит хорошо изучить, — говорит Осборн, — так как нет ничего невообразимого в том, что предки басков победили кроманьонцев и впоследствии переняли их язык». Недостаточная близость баскского языка и других европейских языков хорошо известна, также известно, что он очень похож на некоторые американские языки. «Факт бесспорен, — говорит

доктор Фаррер в своих „Языковых семьях“, — и чрезвычайно примечательно, что, в то время как происхождение баскских корней окончательно не объяснено, никогда не было никакого сомнения в том, что этот изолированный язык, сохранивший свою уникальность в западном уголке Европы между двумя могущественными королевствами, напоминает по своей грамматической структуре исконные языки расположенного напротив континента». Профессор Дж. Л. Майрс в «Кембриджской древней истории» говорит следующее: «Исходя из подобия между ориньякскими черепами в Европе и доисторическими черепами в Лагоа-Санта в Бразилии и других отдаленных окрестностях по берегам Южной Америки, следует, что этот человеческий тип некогда имел почти столь же широкое распространение, как и древние предметы его утвари». Баскский язык может, таким образом, быть единственным уцелевшим остатком языка Атлантиды.

Кроманьонцы были рыбаками и подобно атлантам особо почитали быка, которого они часто изображали на стенах своих пещер.

И все же откуда прибыли эти расы доисторической древности — кроманьонцы, капсийцы и азилийцы? Если мы исследуем археологическую карту, то увидим, что большое число кроманьонских поселений, так же как и азилийских, расположены в Бискайской области и в Дордони. Здесь мы сталкиваемся с полностью развитым искусством, очевидно имеющим за плечами долгую эволюцию и внезапно появляющимся там, где нет никаких признаков его более ранних стадий. Лучшие и наиболее заслуживающие доверия научные авторитеты называют родину этой культуры «Атлантикой», или «около-Средиземноморьем», и уж наверняка ее родиной не является Восток. Я не совсем удовлетворен версией Макалистера, который думает, что родиной этой культуры должна быть Центральная Африка. Никаких признаков этого там не обнаружено, и мне кажется, было бы справедливо исключить эту гипотезу из рассмотрения (в действительности это лишь предварительная гипотеза, как признает сам профессор Макалистер).

Я полагаю, что кроманьонский человек был первым из переселенцев, волнами вторгавшихся в Европу в период, когда Атлантида испытывала один катаклизм за другим, будь то частичные разрушения или сильный вулканический взрыв. Последовательные катастрофы и невозможность сохранения в природной среде обитания вынудили его мигрировать по сухопутному мосту, существовавшему тогда между Атлантидой и Европой, во Францию, Испанию и Северную Африку. То же самое произошло и с азилийским человеком. «Кажется, — предполагает Осборн, говоря об ориньякской культуре, — что это чисто формальное вторжение в Западную Европу и что оно никак не вписывается в тенденции местного культурного развития». Бревиль считает, что «фундаментальные элементы превосходящей ориньякской культуры были, очевидно, утрачены в ходе некоего перемещения по неизвестному маршруту, чтобы по пути составить ядро будущей цивилизации». «Единственно возможное объяснение, — говорит Макалистер, — это то, что верхняя палеолитическая цивилизация была привнесена в Европу новым населением, которое вторглось на континент извне».

Позже азилийцы появляются в той же самой области Европы. Они, вероятно, прибыли морским путем, а не через сухопутный мост, который к этому моменту, по всей вероятности, уже исчез. Мы видели, что они были рыбаками-мореходами, как свидетельствуют находки в пещере Обан. Осборн пишет, что их стоянки обычно находятся вблизи узких океанских заливов или у рек, и называет их «народом рыбаков». Но в таком случае они должны были владеть довольно надежным мореходным ремеслом. А плотная цепь островов между медленно проваливающейся в океан Атлантидой и Европой, возможно, помогла их миграции.

Так как я уже дал расширенное доказательство атлантического происхождения этих рас в моей книге «Проблема Атлантиды», я не считаю необходимым еще раз привлекать к нему внимание на этих страницах, и в моей «Атлантиде в Америке» я приложил все усилия, чтобы доказать проникновение кроманьонской расы также и в Америку. В следующей главе я попытаюсь описать расы, жившие на своей родной земле — на острове Атлантида.

Глава 6 КАМЕННЫЙ ВЕК В АТЛАНТИДЕ

Наиболее надежный метод изучения древней жизни в Атлантиде — исследование тех рас древнего каменного века, которые в разное время мигрировали из Атлантиды в Европу. В последней главе мы рассмотрели эти народы в их европейском аспекте, и теперь следует предпринять некоторую попытку реконструкции условий их жизни непосредственно на Атлантиде.

Мы полагаем, что ориньякцы «появились внезапно и неизвестно откуда», как говорит Макалистер, и что, вступив на земли Франции и Испании, они уже обладали относительно высокой каменной культурой и развитым искусством. Поэтому мы исходим из предположения, что эта раса веками проживала на континенте Атлантида. Весьма вероятно, что она там и зародилась, хотя на этот вопрос, как и на многие другие, связанные с ним, нельзя ответить с уверенностью из-за невозможности проведения на дне Атлантики необходимой археологической экспертизы, практикуемой в других местах. О появлении и развитии ориньякской расы мы не можем сказать ничего. Мы вынуждены выстраивать параллели между условиями существования этих людей в Атлантиде и в тех регионах, куда они эмигрировали.

Если мы так поступим, то должны будем представить Атлантиду в отдаленную эпоху 26000 лет назад как обширную замкнутую область не слишком плотно, но и не слишком редко населенную. Если допустить, что это область по размеру была несколько меньше, чем Австралия, или, иначе говоря, имела площадь в 2650000 квадратных миль, то мы обладаем данными, позволяющими приблизительно определить ее население. Доказано, что населению, выживание которого зависит от охоты, требуется по 40 квадратных миль на каждое семейство. Примитивная семья по различным причинам в среднем едва ли насчитывает больше шести человек, и исходя из этого мы при грубом подсчете получаем приблизительно 350-тысячное население Атлантиды во времена ориньякской цивилизации. Но такая оценка не учитывает того, что ориньякцы были, по существу, людьми, достигшими довольно высокого уровня социальной жизни. Их искусство предполагает ассоциацию людей не столько в маленьких племенных группах семейств, существующих благодаря охоте, сколько в довольно больших деревенских общинах. У них были храмы-пещеры, торговля, правители и социальные слои.

Осборн говорит: «Не приходится сомневаться в том, что такое разнообразие характеров, талантов и способностей, какое мы видим сегодня, также существовало и тогда и что эти люди имели тенденцию дифференцировать общество на вождей, жрецов и медиков, охотников на крупных животных и рыбаков, законодателей кремневой моды и модельеров одежды из кож, портных и сапожников, ювелиров и граверов, скульпторов по дереву, слоновой кости и камню, а также художников по настенным росписям. В творчестве эти люди воодушевлялись неодолимым чувством истины, и мы не можем отрицать их удивительного понимания красоты». Такие люди не могли жить мелкими племенами, затерянными в лесу или в горах, а должно быть, соединялись в общины довольно значительного размера. Жизнь, судя по всему, была налажена и давала свободу для творчества, любовь к которому у них была столь явной.

Очевидно также, что, как и в других местах, природа их религий благоприятно влияла на общественный и жизненный уклады. Места, особенно священные для них, были своего рода средоточиями социальной жизни. Так, пещерный храм был фактически центром жизни этого сообщества.

Доктор Хайнрих Венкель, рассуждая о ориньякской пещере Бичискала, в Моравии, описал ее как «большую пещеру, где когда-то жил „человек северного оленя“, своды которой были свидетелями заупокойных ритуалов, где на похоронах вождя приносились человеческие жертвы... Все это хорошо отражает чувства, которые эти древние пещеры возбуждают даже в тех, кто живет в скептической атмосфере современной науки». Позже доктор Маретт в своем эссе о пещере Нио, не смущаясь, называет ее «святилищем», он и в действительности считает ее таковой. Прекрасны картины в дальних концах этих больших и запутанных пещер; две роскошные статуэтки бизонов в самых отдаленных уголках пещеры Тюк-д'Одубер. Все это наводит на размышления о жилищах звероподобных существ.

Об одежде и украшениях древних атлантов мы можем говорить с некоторой долей уверенности, опираясь на находки в могилах их потомков в Европе. Конечно, у нас нет никаких остатков кож, в которых они, несомненно, были одеты. Но, поскольку мы знаем, что они разводили лошадей и коров и охотились на северного оленя, волка и лису, не может быть никакого сомнения в том, что они использовали кожи этих животных для своих одежд. Микроскопическая экспертиза вещества вокруг останков этих людей и вправду показала следы шерсти животных, и это позволяет предположить, что умершие оборачивались в шкуры. Что касается их украшений, то о них мы информированы значительно лучше. Это были панцири и нагрудники из маленьких морских ракушек (*Nassa neritea*), ободки на голову из них же, ожерелья из просверленных зубов оленя и рыбьих позвонков, покрытые орнаментом яйца, вырезанные из костей или рогов северного оленя. В Барма-Гранде был найден скелет мальчика в причудливой короне из рыбьих позвонков и в воротнике из ракушек *Nassa*, разделенных на группы зубами оленя. Эти «панцири», короны и воротники столь часто встречались в могилах ориньякцев, что могут считаться типичными украшениями этой расы...

Ориньякцы пользовались инструментами отточенной формы и совсем не похожими на те, что применяет более древнее европейское население, вытесненное ими. И мы, вероятно, должны предположить, что эти колонисты с Атлантиды использовали оружие и инструменты, изобретенные ими ранее, в каком-то другом месте. Наиболее интересными из них были кремневый нож, один край которого был сильно обрублен, а противоположный оставался несрезанным, отчего это орудие было прямым и острым; скребок для обработки кож и гравировальный инструмент с краем, заточенным под прямым углом к плоскости лезвия, — для обработки кости, рога и слоновьего бивня, иногда снабженный заостренным кончиком — должно быть, примитивным долотом, с помощью которого ориньякский мастер завершал чистовую отделку своих изделий. Примечательно, что ориньякский человек использовал кость, тогда как его предшественники работали по камню или древесине. Он был действительно мастером по кости *par excellence*, и этот факт подтверждает наше предположение, что Атлантида, очевидно, была богата мамонтовыми бивнями. Слоновая кость, по словам Платона, была одним из основных материалов, из которых был построен большой храм Посейдона, и он также отмечает, что слоны в изобилии водились на острове-континенте.

В арсенале ориньякских умельцев имелись маленькие гравировальные резцы, и некоторые из них были сделаны очень искусно. Тут же впервые в европейской археологии мы находили костяные иглы с ушком. Они конечно же применялись для сшивания шкур. Раса, которая использовала резец и иглу, была, несомненно, на пути к цивилизации.

Более поздняя солутреанская стадия культуры, которая последовала за второй волной иммигрантов с медленно разрушающейся Атлантиды, несколько отличается в своих проявлениях от чисто ориньякской культуры, но она, несомненно, произошла из той же самой области. Она появляется в Испании и во Франции приблизительно шестнадцать тысяч лет назад и по уровню явно превосходит ориньякскую. Это позволяет предположить, что за прошедшие тысячелетия на Атлантиде произошел значительный культурный прогресс. Кремни теперь изготавливались большим числом, кажется даже, что атланты достигли стадии массового производства культурных артефактов — состояния, которое подразумевает не только большой социальный прогресс, но и свидетельствует о становлении системы разделения труда на Атлантиде. Огромные залежи лошадиных костей, найденные на одной из солутреанских археологических площадок, ясно показывают, что эти люди ели мясо лошади. Поскольку люди, как правило, не начинают внезапно есть пищу, к которой прежде не были приучены, мы вполне можем предполагать, что дикие лошади населяли Атлантиду в больших количествах, живя в ее прериях или тундрах в больших стадах.

В этот период мы также сталкиваемся с многочисленными кремационными печами и можем смело предположить, что мертвых хоронили в хижинах, которые они занимали при жизни. Это подразумевает, что люди начали жить в маленьких каменных домах и что пещеры теперь использовались в основном для религиозных целей, как храмы. Но самое поразительное новшество — появление инструмента из кремния, намного превосходящего тот, который использовался прежде. Орудия этого периода действительно отличаются красотой линий и непревзойденной обработкой. Их обычно описывают как «листья ивы» и «листья лавра» —

копья, наконечники стрел, скребки и бурильные молоточки. В Атлантиде, таким образом, в течение столетий возникло новое каменное ремесло. Работа по кости была практически оставлена. Из этого можно сделать вывод, что запасы слоновой кости начали истощаться и что эти люди, вынужденные возвратиться к кремнию, стали совершенствоваться в этой технике. Мы приходим к такому заключению потому, что в Европе не было никакого недостатка в кости, если бы только солутреанцы взяли на себя труд использовать ее.

«Солутреанцы, — говорит Макалистер, верящий в африканское происхождение кроманьонской расы, — переместились на запад и временно потеснили ориньякцев, возможно вынудив их мигрировать в Италию, где они сохранились, и лишь когда господство солутреанцев прошло, появились вновь, но уже под именем мадленцев. Мадленцы, кажется, по существу были подобны ориньякцам, но потеряли высокий рост и чрезмерный объем головного мозга, возможно, в результате ухудшения климата. Представляется весьма допустимым присоединить мадленскую культуру к ориньякской».

С возвращением ледников в мадленской стадии мы должны предположить подобные же климатические условия и на Атлантиде. Нам не кажется бесспорным мнение Макалистера, что мадленцы были ориньякцами, выжившими в Италии. И в действительности в другом месте он отмечает, что никакой мадленской культуры там не наблюдается, и здесь мы, вероятно, сталкиваемся (что кажется гораздо более правдоподобным) с еще одной волной иммигрантов с Атлантиды, чьи обычаи были изменены климатическими условиями, становившимися тогда все более суровыми как на острове-континенте, так и в Европе. Один из замечательных образцов оружия этого периода — гарпун для охоты на тюленей или ловли рыбы, сделанный из рога или кости северного оленя. Другой — *bâton de commandement*, выполненный из рога северного оленя, с просверленным отверстием, или отверстиями. Это, конечно, не скипетры, как их опрометчиво назвали. Скорее они подобны лапландским жезлам, которые привязывают к упряжкам северных оленей и лошадей, а также к ритуальным предметам для колдовства. На них часто вырезали звериный орнамент. Я полагаю, что они считались волшебными орудиями, напоминающими «указующие жезлы» австралийских аборигенов и дикарей острова Борнео, которые они нацеливают на людей или животных, желая «напустить на них порчу». А отверстия в них просверлены просто для удобства — чтобы прикрепить их к поясу колдуна.

Если эта теория верна, мы должны, таким образом, допустить существование ранней формы магии на Атлантиде. Мы также находим, что именно тогда появились кинжал, а также сверлильное копье, родственное тому, что в ходу у древних мексиканцев и у ныне существующих австралийцев и эскимосов, — фактически первый механизм, изобретенный человеком.

Но превыше всего мы должны оценить Атлантиду как родину скульптуры и живописи. Искусство ориньякского человека в Европе появилось внезапно, как будто распустившийся цветок. Несомненно, оно должно было совершенствоваться в каком-то другом месте столетиями упорного труда. Приходится признать: искусство Атлантиды отмечалось неизмеримо более современной техникой, нежели Египта, и было более свободным, если не более благородным, а также более реалистическим, вдохновенным и гуманистическим во всех своих проявлениях. Можно себе представить, что там, на континенте-острове, существовал, должно быть, некий большой центр, где было развито и процветало замечательное искусство. Двадцать или более тысяч лет назад Атлантида, очевидно, была ареной могучих творческих импульсов, которые не уступали в силе другим подобным проявлениям человеческого гения; и это предполагает существование большой цивилизации на острове. Возможно, что искусство ориньякцев было просто последней выродившейся стадией этой островной цивилизации.

То, что культура этих людей основывалась на обработке камня или кости, но пребывала в неведении о существовании металлов, вовсе не доказывает, что она была лишена цивилизации. Веками древние египтяне и вавилоняне, мексиканцы и перуанцы Америки не знали никаких металлических инструментов, и все же в их городах можно было увидеть достижения очень высокого уровня цивилизации, равного во всех отношениях цивилизации Китая несколькими столетиями ранее или же Индии, а в обеих этих культурах металл использовался. Позвольте предположить, что египтяне и мексиканцы, из-за некоего обширного катаклизма природного характера, были бы вынуждены отказаться от своего первоначального места жительства и

колонизировать Центральную Африку или Южную Америку. Не подверглись бы в этом случае их жизненные устои заметному вырождению? Как гласит история, *они все-таки посылали* отряды колонистов в оба этих региона с плачевными результатами. Что же тогда воспрепятствовало подобному вырождению колонизации Европы жителями Атлантиды? Америка и Австралия в течение многих поколений после их заселения европейцами были главным образом медвежьими углами с грубым и почти варварским населением, мало чем напоминавшим цивилизованных граждан своей исторической родины. Вероятно, человек Атлантиды перенес свое искусство на европейскую почву в результате непреодолимых трудностей, которые заставили лучших представителей этой расы мигрировать наряду с простыми людьми.

Очевидно, однако, что целый комплекс атлантической цивилизации был обречен на вырождение обстоятельствами, сопровождавшими его частичное переселение в Европу. Цивилизация ориньякцев наконец погибла и была полностью забыта и похоронена на десять тысяч лет. Ее открытие было просто счастливым случаем.

Подобные же соображения побуждают вернуться к старому спору о существовании протоегипетской и протовавилонской цивилизации, не просто их варварской предыстории, а древней культуры высокого уровня, от которой они произошли. Древний мир переполняли мифы и воспоминания о такой цивилизации. Рассказы о допотопных людях, циклопических сооружениях, великих предках, тысяча намеков и указаний на более древнюю цивилизацию, содержащихся не только в еврейской библейской литературе, но и в хрониках фактически всех цивилизованных народов Европы, Азии и Америки, единодушно указывают на твердую веру в существование предшествующей культуры, бесспорно древней и великой. Священные Писания расценивают это как исторический факт и принимают за очевидное. Вавилонская поэма «Гильгамеш» не только привлекает внимание, но и усиливает веру в библейскую историю Великого Потопа. Греческие мифографы называют это время золотым веком.

Священные книги Индии содержат целый пласт информации о большом доисторическом прошлом. Ирландские и уэльские саги и предания изобилуют этими сведениями. В первой книге «Пополь Вух», легенд центральноамериканских племен, содержатся многочисленные рассказы о доисторических титанах Гватемалы. Фактически все племенные хроники американских индейцев обращаются к этому периоду. В большинстве случаев история этого Древнего мира кончается крушением и катаклизмом, вызванным злобой его правителей, и о нем неизменно говорят как о существовавшем во времена столь незапамятные, что автору оказались доступны лишь основные черты его истории, сохранившиеся в легендах.

Возможно ли, что вся эта масса мифологического материала, появляющегося в священных и светских сказаниях самых древних наций, не имеет под собой никакого фактического основания? Теперь уже хорошо известно, что все предания основываются на действительно произошедших некогда событиях, и этого достаточно, чтобы ответить на поставленный вопрос. «Диффузионистская» школа, вероятно, распознала бы в такой широко распространенной вере просто переход от племени к племени и от страны к стране мифа, имеющего корни в некотором определенном центре, например в Вавилонии; любимому диффузионистами Египту это предание, насколько я понимаю, не должно приписываться, если мы только не будем брать в расчет сообщение жреца Солона о том, что записи этой истории сохранились именно там. Но позвольте мне напомнить, что греки считали богов и титанов порождением Запада, а американские племена говорили о них как о прибывших на их берега с Востока.

Археология до некоторой степени подтверждает эти почтенные легенды. Она доказывает существование высокоразвитого искусства, в действительности находившегося почти что в упадке в верхнем палеолите во Франции и Испании и не имеющего там ни корней, ни каких-либо эволюционных связей. Самые ранние поселения расы, создавшей это искусство, расположены почти исключительно на (или около) западном побережье Франко-Испанского полуострова. Само это искусство часто называется «техническим вторжением в Европу». Очевидно, что корни его где-то в другом месте, и нет практически никаких признаков того, что оно прибыло из Азии. Сопоставив данные легенд о почтенной древней цивилизации, разрушившейся во времена своего расцвета, и археологии, которая настаивает на западном происхождении этой цивилизации, мы приходим к выводу, что ориньякская культура была лишь

осколком более древней культуры, которая достигла своего могущества на Западе в точке, ныне скрытой волнами океана, и которая накануне миграции в Европу являла более высокий уровень развития, чем в новых колониальных условиях.

Вся археология в действительности подсознательно нацелена на объяснение происхождения ориньякской культуры. Общеизвестно, что раса ориньякцев физиологически далеко превосходила любой ныне существующий человеческий тип. Один этот факт требует должного объяснения, равно как и высокий уровень ориньякского искусства. Но человеческие и культурные ресурсы Атлантиды, должно быть, подверглись огромным изменениям после миграции ориньякского человека в Европу. Кажется вполне вероятным, что большая часть жителей покинула ее, и это предположение поддержано особенностями расы, вторгшейся на европейскую почву свежей человеческой волной в азилийские времена, так как азилийская культура иной раз выказывает выраженное подчиненное положение по отношению к ориньякской. Ее художественные формы явно более грубы, и находки, относящиеся к этой культуре, в целом более примитивны.

Судя по дошедшим до нас человеческим останкам азилийского периода, кажется, что будто сама Атлантида, в интервале между ориньякской и азилийской миграциями, подверглась захвату или колонизации, так как остеологические признаки азилийской расы позволяют предположить ее африканское происхождение. Можно было бы представить себе более легкий путь, а именно — прямое перемещение азилийцев из Африки до Испании и Франции, но нет никаких свидетельств тесных связей между азилийцами в Африке и Испании. Связь между африканскими и иберийскими азилийцами, очевидно, скреплена капсийской культурой — африканской цивилизацией, которая, кажется, наследует или поглощает азилийские черты; и действительно, в то время в Африке нет никакой чисто азилийской культуры. Но ее гораздо более отдаленное африканское происхождение кажется вероятным, равно как и то, что она проникла в Атлантиду по земляному мосту, некогда соединявшему африканский шельф с островом-континентом.

В любом случае североафриканские особенности в азилийской остеологии и искусстве очевидны. Эти люди, предки иберийской расы, были признаны аборигенами Северной Африки, и, хотя там найдено мало их следов и их ни в коем случае не следует путать с капсийцами, все это не исключает того, что они некогда занимали эту территорию. Мы должны тогда вообразить Атлантиду, где-то между шестнадцатью и одиннадцатью тысячами лет назад захваченную расой, похожей на берберов Северной Африки, то есть не на негроидов или арабов, но на иберийцев — высоких, стройных людей, темноволосых или брюнетов, серо— или синеглазых, использующих лук и стрелы и очень напоминающих гуанчей Канарских островов, которые отчасти и есть их потомки. Вынужденные по неким причинам преодолеть перешеек, соединяющий Атлантиду с Африканским континентом, они целыми ордами вторглись на уменьшающийся остров, победили его ориньякских жителей и остались там на столетия, до тех пор, пока последний катаклизм не вынудил их возвратиться в Европу и на ту африканскую землю, из которой они изначально произошли и где, как мы помним, согласно утверждению Диодора, были их обширные поселения.

Эта теория не только объясняет отмеченные изменения в особенностях мигрантов с Атлантиды в азилийские времена, но и предполагает радикальные расовые преобразования непосредственно в самой Атлантиде. Вспомним, что Платон ссылается на смешение божественной расы Атлантиды, ведущей род от богов, с сыновьями земли, обычными смертными. Кто же были эти «смертные», разбавившие божественную кровь? Они могут только быть азилийцами, остатки которых смешались с ориньякцами или «богоподобными» и которых все еще можно обнаружить на Канарских островах, последних обломках Атлантиды. Многие авторы говорят о берберских или иберийских корнях аборигенов Канарских островов. Главным сторонником этой теории является Серги. Он называет иберийцев «средиземноморской расой» и заявляет, что они не только вышли за пределы Средиземноморья, но и проникли в Англию и Ирландию, Францию, а также и в другие регионы.

Азилийский или протоиберийский период на Атлантиде, должно быть, совпадал с той стадией морального и культурного вырождения, о которой говорит Платон, и его оккупанты Атлантиды идентичны азилийцам или протоиберийцам. Эти люди, подобно ориньякцам, были

обитателями пещер, или, говоря точнее, использовали глубокие и изолированные пещеры большого размера в качестве храмов. Это доказывает, что азилийские оккупанты Атлантиды приняли древнюю религию страны. Действительно, насколько вообще возможно судить о религии народов, столь отдаленных от нас во времени, складывается впечатление, что нет никакого или почти никакого различия между верованиями ориньякцев и азилийцев, за исключением того, что у последних практиковалась магия. Существовал и ритуал поклонения быку, который, судя по всему, соответствовал описанию, данному Платоном.

Теперь пора уже поговорить о поздней Атлантиде, Атлантиде времен заключительной катастрофы, уже выродившейся если не в культуре, то в мысли. Мы говорим «заключительная катастрофа», хотя не имеем абсолютно никакого свидетельства о ней, которое бы позволило нам заявлять с точностью о том, когда же наконец Атлантида ушла под воду. В действительности полностью она не погружалась никогда, так как Канарские и Азорские острова, два ее самых высоких пика, все еще возвышаются над водой как свидетельство ее прежнего существования. Мы знаем только, что приблизительно три тысячи лет назад оборвалась сухопутная связь между Великобританией и Европейским континентом и что воды Ла-Манша катятся над недавно погружившимися на дно океана лесами. Есть ли в таком случае какие-либо серьезные причины отрицать, что Атлантида существовала даже дольше, чем полагает Платон? С этим вопросом мы пока повременим. А сейчас вполне достаточно сказать, что в свете этой теории рассказ Платона об Атлантиде как о большом и процветающем цивилизованном сообществе кажется еще более правдоподобным. Если мы будем судить о ее состоянии по народам, пришедшим в Европу в качестве мигрантов, то в одном случае мы должны будем оценить ее культуру по остаткам намного более высокого человеческого состояния (ориньякская культура) или в другом случае исходить из того, что мы знаем об азилийцах, типичных людях палеолита, и культуре верхнего древнего каменного века.

Я не могу поверить — и с этой позиции меня не свернут и заключения археологов, которые не являются исследователями легенд, — что у ориньякского искусства не было многовековой культурной родословной. Расценивать их как непосредственный результат менталитета дикарей, как мне кажется, невообразимая нелепость. Никакие дикари сегодня не создают искусства столь совершенного по своей технике. Наоборот, некоторые направления в современном европейском искусстве кажутся мне более родственными варварскому ремеслу, чем тонкому вкусу ориньякского и мадленского человека. Какой творческий дух не восхитится головой лошади из Лас-Эспелунджеса, глиняным бизоном на стенах Тюк-д'Одубер или навьюченным быком из Альтамиры? Сравните их черты, их динамичность с деревянной неподвижностью древней египетской живописи или с грубостью ранних итальянских мастеров, и вы увидите искусство, наполненное жизнью и, очевидно, проистекающее от людей, настроенных на истинный реализм, ощущающих ценность вдохновения, ухвативших и изобразивших реальность в свете некоего идеала. Разве это дикари! Позвольте нам поостеречься от таких слов в описании этих древних скульпторов и живописцев, чтобы последующие поколения дали более справедливую оценку их художественным достижениям и в полной мере смогли понять красоту их культуры, опровергнув наши поспешные представления!

И если это древнее искусство так высоко ценится всеми прославленными исследователями эстетики, можем ли мы отрицать, что с берегов Атлантиды пришла невиданная дотоле культура, как уверяет нас Платон, выразитель идей гораздо более почтенной культурной традиции? Что в конце концов мы знаем о Древнем мире, что оправдывает наше недоверие к древнему, глубоко укорененному в традициях утверждению, столь часто повторяемому в наиболее почтенных хрониках, что в период, почти превосходящий человеческое воображение, высокоразвитая цивилизация, от которой произошли все прочие культуры, сияла, мерцала и подобно солнцу в затмении бросала свой, увы, уже тусклый свет на темные места нашей планеты? Если мы не можем обнаружить никаких материальных доказательств этой цивилизации — это не потому ли, что она погребена на дне Атлантики? Но мы конечно же в состоянии проникнуть в ее тайны, исследуя последние осколки ее культуры в Европе, Африке и Америке, появившиеся внезапно и не имевшие там никаких корней. Атлантида живет и в памяти поколений, убеждающих нас в ее существовании.

Глава 7

ЦАРИ АТЛАНТИДЫ

Из рассказа Диодора Сицилийского, а также из повествований Платона мы немного можем узнать о царской династии Атлантиды. Платон ручается, что такая династия действительно существовала, но ничего не говорит об именах ее представителей, за исключением сыновей Посейдона: Атласа, Гадира, или Эвмела, Амфира, Эвемона, Мнесея, Автохтона, Эласиппа, Местора, Азаэса и Диапрепа. В других мифах Атлас представлен сыном Иапета и Клемены, братом Прометея и Эпиметея — титанов, с которыми он вступил в войну против Зевса. Победенный главным божеством эллинов, он был вынужден держать небеса на своих плечах и голове. Согласно Гомеру, он и вправду держит длинные колонны, распирающие небо и землю. Судя по всему, он похож на персонажа мексиканской мифологии, которого вслед за профессором Эдуардом Селером теперь назвали бы «небодержателем», то есть на одного из духов, поддерживающих крышу мира. Эта идея, вероятно, появилась из веры в то, что гора Атлас в Африке, как и многие другие высокие горы, поддерживала небесный свод.

Другие мифографы, как мы уже видели, представляют Атласа мудрым астрологом, монархом, впервые научившим людей науке гадания по звездам. Гора Атлас не была, конечно, единственной. Мы можем найти горы с подобным названием в Мавритании, Аркадии и на Кавказе. Плеяды, Гияды и Геспериды были дочерьми Посейдона. Эвмел, или Эвмолп, также известный как Гадир (имя которого связано с Кадисом и Гибралтарским проливом, древним *Fretum Gaditanum*), считался основателем элевсинских мистерий, о которых мы расскажем позднее. Об Амфире, Эвемоне и Мнесее мы не находим никакого упоминания в классической мифологии. Имя Автохтон просто обозначает «абориген», но необходимо отметить, что оно обычно применялось греками по отношению к древней расе пеласгийцев, история которых, как говорит Валтерс в своем «Классическом словаре», «может быть сопоставлена с историей басков в Испании и кельтов в Уэльсе». Они действительно были проводниками культуры на всей территории Греции. Эласипп, Местор и Азаэс были также неизвестны классическим источникам. То же самое можно сказать и о Диапрепе. Мы должны, однако, помнить замечание Платона, что эти имена жрец Саиса произнес по-египетски, а уже после этого их эллинизировал Критий, поэтому не стоит надеяться, что в них осталось что-нибудь от первоначального звучания.

На этом мы заканчиваем изучение Платона. Диодор рассказывает, что Уран был первым царем атлантов. Уран был греческим богом Неба и отцом титана Иапета, библейского Иафета, Океана, Циклопа и многих других мифических персонажей, включая гигантов. Его наиболее знаменитыми атлантидскими детьми были Базилея, имя которой просто означает «царица», и Рея, или Пандора. Атлас, Сатурн и Геспер также упоминаются как его потомки. Атлантида же становится созвездием Плеяд. Некий Юпитер, который не является одноименным богом, становится царем атлантов, сместив своего отца Сатурна при помощи титанов.

Ясно, что мифическая история Атлантиды каким-то образом связана с обстоятельствами войны между богами и титанами, занимающей столь важное место в греческой мифоистории и искусстве. История титаномехии — божественной войны между титанами — рассказывает нам, что Уран, первый правитель мира, бросил своих сыновей, Бриарея, Коттиса и Гиеса, так называемых гекатонхейров, или сторуких, в Тартар вместе с циклопами — «созданиями с круглыми глазами», гигантскими пастухами Сицилии. Гея, его жена, возмущенная этим поступком, подговорила титанов восстать против отца. Они сместили его и возвели на трон Крона. Но Крон, в свою очередь, заточил циклопов назад в Тартар и женился на своей сестре Рее. Уран и Гея предсказали ему, что он и сам будет свергнут своими собственными детьми, поэтому он проглатывал их сразу же после рождения, всех, кроме Зевса, которого его мать скрыла в пещере на Крите. Когда Зевс возмужал, он дал своему отцу зелье, которое заставило его извергнуть из чрева всех проглоченных детей, и они восстали против Крона и правящих титанов. Гея предсказала победу Зевсу, если он сможет вызволить циклопов и гекатонхейров из Тартара. Так он и сделал, титаны были побеждены и сами брошены в Тартар.

Мы находим таким образом, что одни и те же персонажи были связаны и с войной богов и

титанов и в то же время с Атлантидой. Совершенно ясно, что Диодор *фактически примеряет историю и персонажей войны богов и титанов к истории Атлантиды*. Какие у него были основания для этого? Он мог сделать так, только опираясь на некую существовавшую тогда легенду. Конечно же он не сам придумал рассказ о войне титанов, хорошо известный за столетия до него. Кажется разумным предположить, что легенда на самом деле рассказывала о большой войне в Атлантическом океане. Боги, как думали греки, происходили с Запада. Оттуда пришли знания и культура. Циклопы и титаны также связаны с Западом: первые с Сицилией и средиземноморскими островами, последние — с другими островами. Помпоний Мела заявляет, что титан Альбион, сын Посейдона, древний бог-покровитель Англии, был братом Атласа и помогал ему вместе с Иберием, богом Ирландии, сражаться за Западные врата Геркулеса. Альбион — то же, что Элба, от которой Шотландия берет свое древнее название — Олбани. Таким образом, существовала определенная раса титанов, связанных с Атлантикой, и если Альбион и Иберий могут быть идентифицированы с Британскими островами, то разумно предположение, что и Атлас тоже был некогда божеством-покровителем некой западной земли в океане, с которой миф постоянно соединяет его имя.

Истории всех народов начинаются с династий богов-царей, со временем входящих в «реальную» историю призраками-тенями. Греческие и римские династии, египетские, вавилонские, мексиканские и центральноамериканские летописи, все они начинаются с традиционных жизнеописаний и деяний спустившихся с небес монархов. Наша родная Англия не менее набожна в своих королевских генеалогиях. Я видел в придорожной гостинице современную иллюстрированную генеалогию, выводящую родословную короля Георга V от Адама и ранних «мифических» шотландских королей, и нет ли у нас своих собственных Лиров и Артуров? Что такое миф в глазах истории? Не просто ли это историческое предание, сохранившееся до появления письменности? Менес, первый фараон первой династии Египта, считался мифическим персонажем, пока его имя не было обнаружено на древней могиле. Троя считалась выдумкой Гомера, пока Шлиман не обнаружил ее. Чедарлаомер также считался легендарным, прежде чем были найдены надписи, содержащие его имя. Могут быть приведены сотни подобных случаев, когда миф на самом деле становился реальностью.

Есть ли серьезное основание отрицать, что имена правителей Атлантиды, переданные Платоном и Диодором, могли некогда принадлежать действительным историческим персонажам?

Как я уже сказал, мы пытаемся исследовать этот вопрос, не располагая именами царей Атлантиды в греческом звучании. Нет у нас и хронологического ключа к их эпохе. То, что они управляли Атлантидой в каменном веке, столь же маловероятно, как и то, что, например, Лир или Артур — представители неолита в Британии. Они называются «первыми царями» Атлантиды, и им не приписывается никакой особенной древности до катаклизма.

Все это указывает на вероятность того, что Атлантида, испытав несколько природных катастроф, также пережила серию культурных и политических потрясений. Ориньякское искусство, которое, судя по всему, происходит оттуда, демонстрирует определенные черты, культивировавшиеся веками задолго до того, как оно достигло Европы. А азилийский упадок в искусстве в сочетании с прогрессом в материальной сфере свидетельствует о перевороте в деятельности человека на Атлантиде. Ориньякская культура, как я уже сказал, явно указывает на предшествующее существование очень большой цивилизации на Атлантиде в определенное время — до конца эры плейстоцена.

Если исследовать эту гипотезу без экзальтации или предубеждения, она ни в коем случае не должна быть признана невероятной, как это могло бы сначала показаться.

Ориньякская колонизация Европы произошла в конце большого ледникового периода, или приблизительно двадцать пять тысяч лет назад. В Европе в то время главная ледяная шапка, протянувшись с Северного мыса в Норвегии до севера Франции, закрывала пространство, совпадающее с современной Пруссией. В более южных странах ледник проявлял себя там, где возвышались горные цепи, но его последствия в этих регионах были менее внушительными вследствие меньшего размера гор и их расположения на более теплой изотермической линии. Северной Африки лед почти не коснулся, и поэтому маловероятно, что Атлантида, большая часть которой находилась на той же самой широте и была к тому же морской страной, испытала

на себе сколько-нибудь значимые последствия этого ненастья. В ледниковый период ее климат вряд ли был более суровым, чем, скажем, сегодняшний климат Северной Шотландии.

Если признать все это и если также допустить присутствие на Атлантиде расы людей — кроманьонцев, обладавших бесспорным превосходством в культуре и интеллектуальном потенциале (заключение, к которому мы приходим не на основании объема черепа кроманьонского человека, а на основании осколков ориньякского искусства), то нет ничего возмутительного в предположении, что, пока Европа была захоронена подо льдом плейстоцена или находилась под воздействием местных заморозков в ее южных регионах, Атлантида, сравнительно свободная от этих условий и наслаждавшаяся умеренным климатом, взрастила цивилизацию, впоследствии разрушенную рядом катаклизмов вулканического или сейсмического характера.

Мы находим, что божественная раса Платона — сыновья Посейдона происходили по женской линии от коренного или аборигенного населения. Его мы можем идентифицировать как азилийцев и исходя из некоторых соображений можем считать вероятным, что великий цивилизатор Посейдон (если считать его человеком) высадился на Атлантиду за несколько столетий до прибытия азилийцев в Европу или, грубо говоря, за тысячу лет до погружения Атлантиды. К тому времени древняя ориньякская культура на континенте-острове, должно быть, почти полностью исчезла. На то, что этого не случилось с самой расой, кажется, указывает миф о войне с титанами — фрагменты, имеющие отношение к циклопам.

Эти циклопы были высокими людьми с выпученными глазами, они одевались в шкуры и жили в пещерах. В действительности это соответствует описанию кроманьонцев, которые, вероятно, были выродившимися аборигенами Атлантиды. Череп кроманьонцев был большой, скулы высокие, орбиты глаз огромные, и в целом у них было весьма мощное телосложение. Мы также знаем, что кроманьонцы подобно циклопам одевались в шкуры и жили в пещерах.

Далее мы видим, что Посейдон-цивилизатор, прибывший на Атлантиду за несколько столетий до ее окончательного погружения, соединился с остатками аборигенов кроманьонцев и дал их умирающей культуре некий новый импульс, точно так же, как и Кецалькоатль в Мексике. На самом деле мифы о Посейдоне и Кецалькоатле фактически идентичны. В «Атлантиде в Америке» я доказываю, что Атлас и Кецалькоатль — одно и то же лицо. Ту же самую логику можно в равной степени применить и к Посейдону, отцу Атласа, наделенному теми же самыми признаками культурного героя. Мы знаем, что Кецалькоатль прибыл в Мексику из Атлантики. Но откуда же прибыл Посейдон?

Я считаю Посейдона лидером азилийской или протоазилийской орды захватчиков, которые колонизировали Атлантиду за несколько столетий до их большого набега на Европу. Он обычно описывается как бог «пеласгианского» происхождения. Теперь это название «пеласги» обычно используется, чтобы обозначить расу, колонизировавшую Грецию в ранний период и строившую огромные сооружения из цельного камня. Они были в действительности микенской расой, народом иберийского происхождения, людьми, принесшими мистерии Кабири в Грецию. Азилийцы, как мы уже видели, были протоиберийцами. Мы поэтому имеем веские основания утверждать, что Посейдон был лидером или царем-жрецом азилийских захватчиков Атлантиды. Едва ли стоит сомневаться в том, что целая иберийская раса имеет отдаленное североафриканское происхождение; и кажется вероятным, что Посейдон — «бог» Средиземного моря — вел своих людей от Атласской области Северной Африки к Атлантиде, откуда несколькими столетиями позже они должны были вторгнуться и в Европу — свою прародину.

Если принять эти в общем не столь уж сомнительные заключения, то мы имеем материал для беглого очерка (хоть и со многими пробелами) истории Атлантиды со времени, предшествующего кроманьонскому вторжению в Европу до окончательного погружения острова-континента.

Мы должны, во-первых, представить себе Атлантиду — остров размером почти с Австралию — как колыбель большой доисторической цивилизации с очень серьезными притязаниями. Раса прекрасного телосложения — такого телосложения мир в действительности с тех пор не видел — населяет его. С помощью кремневых инструментов — так же как и с помощью своего таланта, при благоприятных условиях окружающей среды, освобожденной ото

льда плейстоцена, — эта раса достигла, по общему признанию, высокого типа культуры в период приблизительно за двадцать три или более тысячи лет до христианской эры. Она празднует религиозные церемонии в больших пещерах, украшенных сложными изображениями животных и наполовину очеловеченных богов, украшает их барельефами и статуэтками идолов. Ее общественная жизнь сосредоточена вокруг этих храмов-пещер, вне которых жители Атлантиды, вероятно, строили хижины и маленькие здания из камня или глины. Развиваются, как мы уже видели, социальные слои — прообразы существующих ныне.

Приблизительно двадцать две тысячи лет назад этот остров подвергся действию серьезного сейсмического катаклизма, под напором которого часть суши погрузилась в море. Испуганные массы его жителей мигрировали на Европейский континент по перешейку. До этого они не были склонны осваивать континентальную область из-за печально известного холода и суровых условий, преобладающих там, но с постепенным исчезновением ледяной шапки эти условия были несколько смягчены, и теперь различие между европейским климатом и их собственным было невелико. Оставшиеся продолжали поддерживать традиции древней культуры, колонисты же позволили ей несколько выродиться.

Приблизительно за четырнадцать тысяч лет до н. э. происходит второй катаклизм, и он заставляет оставшихся атлантов (мадленцев) бежать в Европу. Они несут с собой искусство, которое в силу того, что оно осталось и культивировалось на древней родине, значительно превосходит по технике и мастерству выродившееся кроманьонское искусство. Но позже они сталкиваются с возвращением ледников в Европу.

И тогда, по-видимому около 10500 лет до н. э., Посейдон и его азилийские протоиберийцы вторгаются в Атлантиду из Северо-Африканского региона.

Именно с этого момента мы можем опираться на факты истории Атлантиды. Посейдон, должно быть, был ранним культурным героем, подобным тем, кого мы находим связанными с полинезийскими и мексиканскими мифами о переселении. Действительно, он ведет себя в Атлантиде точно так же, как и те на своих территориях. Теперь кажется весьма маловероятным, что Платон мог сам выдумать рассказ, так точно соответствующий обстоятельствам других и более поздних преданий, связанных с культурными героями. Это тот самый случай, когда фольклор помогает истории.

Посейдон захватывает власть на острове Атлантида. Он женится на местной женщине. Он выкапывает большие каналы и строит храм на холме. Он выращивает детей-близнецов, которые впоследствии управляют островом и близлежащими островами, основывают особую касту и вводят собственную религиозную систему, основанную на поклонении предкам. Эти обстоятельства почти совпадают с легендой о Хоту Матуа, культурном герое острова Пасхи в Тихом океане, который, подобно Канарским островам, является, очевидно, остатком большого затонувшего океанского континента.

Изолированный на острове Пасхи с группой последователей, Хоту Матуа принялся за задачу восстановления цивилизованного общества. Он воздвиг огромные каменные сооружения, стены, грубые склепы и статуи. Системой изобретательных табу он защитил и увековечил религию своих полинезийских предков.

Другие мифы демонстрируют подобные же обстоятельства. Индейцы криик говорят, что Эсогету Эмиссе, Владыка Дыхания, прибыл на остров Нунне-Чаха, лежащий в первобытных водных просторах, и построил там дом. Он возвел большую стену вокруг острова и направил воды по каналам. Что же это еще, как не история Посейдона в Атлантиде?

Манибозхо, великий бог индейцев-алгонкинов, как они считают, «вырезал землю и море к своему удовольствию», так же как божество племени гурунов Тавискара «влил воды в гладкие каналы». Перуанский бог Париакака прибыл, так же как и Посейдон, в холмистую страну. Но люди оскорбляли его, и он послал большое наводнение, чтобы разрушить их страну. Встретив красивую девушку Чок Сусо, которая горько плакала, он спросил о причине ее печали, и она ответила ему, что урожай кукурузы умирает без воды. Тогда он уверил ее, что восстановит урожай, если она одарит его своей привязанностью, и, когда она согласилась на его предложение, он оросил землю водой из каналов. В конце концов он превратил свою жену в статую.

Другой перуанский миф сообщает нам, что бог Тонапа, возмущенный бесчестностью

людей Ямквисапа в земле Алла-суйу, превратил их город в большое озеро. Люди этой земли поклонялись женоподобной статуе, которая стояла на вершине холма Качапукара. Тонапа разрушил и холм, и статую, и они вместе исчезли в море.

Мы находим в этих мифах большинство элементов, составляющих историю Посейдона в Атлантиде: священный холм, создание земли и вод, бога, женившегося на местной девушке, бедственное наводнение. Все это известно исследователям мифологии как «тест на многократное испытание». Если одна часть мифа может быть найдена в одной части света, а другая, перекликающаяся с ней часть, в совершенно другом месте, то очевидно, что это не что иное, как фрагменты некогда единого мифа, и что те его части, которые не соответствуют друг другу, связываются вместе с теми, которые соответствуют и являются по отношению к последним дополнительными.

Насколько я знаю, не существовало никакого подобного распространенного мифа о средиземноморских островах, который мог бы быть доступен Платону. Каким же образом тогда он смог бы использовать материал, который, несомненно, существовал в других землях, о которых он не мог знать, если бы общая легенда об обстоятельствах истории Атлантиды не распространилась бы, с одной стороны, в Европу и Египет, а с другой стороны, не проникла бы в Америку? Легенды, как мы знаем, выживают на протяжении бесчисленных столетий, и нет ничего удивительного в гипотезе, что та из них, которая упоминает об Атлантиде, постепенно стала известной народам на обоих континентах.

Из рассказа Диодора ясно, что Уран следует за Посейдоном, так же как и в рассказе Платона. Оба они описаны как отцы Атласа, которому, по практическим причинам, можно приписать ключевое положение в истории Атлантиды. Платон оставляет нас в неведении относительно дальнейших правителей Атлантиды, сообщая только, что они правили там из поколения в поколение. Диодор, вероятно, имел доступ к большему объему информации, по крайней мере к этой специфической сфере истории Атлантиды. Фактически он продолжает историю Атлантиды вплоть до времени правителя по имени Юпитер, который, по его словам, не имеет ничего общего с одноименным божеством.

Для начала у нас есть «Базилия», «великая мать», «царица» *par excellence* — несомненно, та самая богиня, от Средиземноморья и Карфагена до Ханаана, почитаемая как Богиня-Мать, Астарот, Астарт, Диана, Вемис, Афродита, Изида — великое материнское божество, имевшее сотню имен и сотню грудей, но все же одну-единственную индивидуальность, которое также можно найти в Англии, Ирландии и Галлии и даже в Америке, но не в Германии или среди славян. Ее «распространение» — точно на линиях и потоках колонизации и эмиграции из Атлантиды. Везде, где встречается ее имя, обнаруживается и что-нибудь из Атлантиды. Вторжение атлантов — кроманьонцев и азилийцев — принесло ее культ в Европу, это доказывают их статуэтки или идолы. Они изображают женщину с преувеличенными признаками материнства, как замечает Макалистер. Она была богиней и вместе с ней, как замечает Платон, атланты почитали быка. К этому вопросу мы еще вернемся в процессе изучения религии Атлантиды в надлежащей главе. А миф, повествующий о ее безумии после смерти детей в рассказе Диодора, конечно, подразумевает безумие, описанное в многих текстах классической истории, как составляющую часть ее культа — дикая, грубая ярость жестокой природы. Мы можем понять это из истории Изиды или из истории Богини-Матери Шотландии — Каиллич Меур. Безумие Агавы после смерти Пенфея — ее искажение, а отчаяние Кору¹⁸ по исчезновении Персефоны — память о ней.

Атлас, ее брат, следовавший за ней, был, согласно Диодору, мудрым астрологом, первооткрывателем небесной сферы. В наши дни его имя связано с географией. Очень важно, что целый океан и все еще существующая горная цепь названы в его честь. Народы и земли всегда носят имена персонажей-эпонимов, которых люди со временем обожают. Эллас был отцом всех греков, прародитель англичан — Ингве, шотландцы поклонялись Скоту, или Скату, чье имя все еще живет в названии острова Скай, римляне взяли свое имя от Ромула, и сотни других народов называли себя детьми предков-эпонимов. Поэтому нет ничего

¹⁸ Правильно: Деметры. (Примеч. ред.).

удивительного в гипотезе, что жители Атлантиды называли себя по имени титана Атласа, человека, некогда давшего стране ее название.

Атлас, повествует Диодор, женился на своей сестре Гесперис, и эта пара вырастила семь дочерей, в честь которых были названы планеты. Как долго правил Атлас, за неимением данных мы сказать не можем, но, вероятно, именно во время его пребывания на троне был основан главный город Атлантиды. Это место вряд ли имело какое-нибудь важное значение в период господства Посейдона, первого правителя: гораздо более вероятно, что храм, увековечивший его память и память его жены Клей-то, был воздвигнут после его смерти. На это, однако, можно возразить, что статуи десяти его сыновей также находились в храме и что это тоже были образы обожествленных умерших «предков». Вероятно, поэтому правильнее было бы заключить, что храм и статуи Посейдона и Клейто можно датировать господством Атласа, а статуи обожествленных близнецов были помещены туда позже.

Атлас, будучи астрологом, должно быть, использовал дворец на холме, возвышающийся над городом, в качестве обсерватории. Но когда мы говорим о «храмах», «дворцах» и «обсерваториях», критик может сказать: «Позволю вам напомнить, что мы имеем дело с эпохой, отдаленной более чем на десять тысяч лет, и что азилийские мигранты в Испании не строили там таких сооружений». Может быть, это и так. Но фактом также являются многочисленные находки азилийского периода, обнаруженные в Уэльве, в Юго-Западной Испании, госпожой Еленой Вишоу, из англо-испанской школы археологии. Госпожа Вишоу преуспела в извлечении на свет многочисленных свидетельств, относящихся к тартессиианской цивилизации, процветавшей на юге Испании в доримские и даже в до-карфагенские времена. Преодолев немало сложностей, она под патронажем короля Альфонсо в 1914 году основала англо-испанскую школу археологии, сначала в Севилье и позже в Ниебле. Музей, который она устроила около небольшого окруженного стеной города, заполнен материалами ее раскопок всех эпох — от палеолита до времен арабского завоевания.

Большинство находок каменного века, размещенных в этом музее, относится, по мнению специалистов, к палеолиту или древнему каменному веку. Они, очевидно, уникальны, поскольку сделаны не из кремня, подобно палеолитическим артефактам большинства других регионов, но из других пород, включая кварц, порфир и сланец — минералы, оставшиеся на поверхности главным образом после схода последнего ледника. Выставленные экспонаты также включают в себя много неолитических предметов и многочисленные фрагменты глиняной посуды, изящно полированной, некоторые из них украшены рельефом. Также около Севильи были найдены осколки глиняных погребальных сосудов рядом с человеческими останками, которые классифицировались как кроманьонские. Таким образом, можно, по крайней мере, допустить изготовление домашней утвари палеолитическим человеком в этой области.

Хорошо известно, что в Андалусии задолго до римского завоевания процветала цивилизация высокого уровня. Древнее королевство Тартесс существовало задолго до вторжения карфагенян в Южную Испанию. Возможно, основой этой тартессиианской культуры был союз ливийцев, живших в области горы Атлас в Северной Африке, с людьми каменного века из Испании. Но такое предположение в целом не объясняет высокого уровня технических навыков, заметного в постройке больших гаваней, в возведении циклопических стен и цитаделей, остатки которых составляют преобладающий археологический фон этой области и обнаруживают многочисленные признаки дотартессиианского ремесла. Почва Ниеблы была прозондирована и исследована на глубину в 30 футов, и оказалась богата палеолитическими артефактами без каких бы то ни было признаков истощения культурного слоя. Среди этих находок — крошечные дротики из кварца, размерами чуть меньше полудюйма, красиво отделанные рыболовные крючки из порфира, маленькие наконечники стрел и множество других миниатюрных изделий, соответствующих типу, обычно классифицируемому как азилийский, точное предназначение которых остается неясным. Там также были раскопаны огромные зернодробилки, изготовленные опять же из местной разновидности черного кварца. Ни один из этих предметов не мог быть отнесен к Ниебле течением реки.

В то же самое время госпожа Вишоу была озадачена отсутствием кроманьонского жилья в близлежащих окрестностях, столь богатых ориньякскими находками. На отмелях реки

Рио-Тинто напротив Ниеблы расположена целая система пещер, но совершенно очевидно, что они были заселены намного позже, когда кроманьонский человек уступил свое место более поздней расе. Однако в местах, где были обнаружены многие из этих артефактов, значительно глубже оснований Ниеблы, обнаружены нижние ярусы стены, вырубленные из местного известняка. Эта стена вместе с палеолитическими находками ориньякского происхождения явно относится к ремеслу кроманьонской расы, и если мы вспомним превосходные образцы ориньякской резьбы, то это предположение не покажется столь уж невероятным.

Более поздние фундаменты, которые были раскопаны, относятся уже к бронзовому веку. Они расположены за пределами стен Ниеблы, выходят на реку с юга и простираются приблизительно на 100 футов в длину. Составлены они из материала, местное название которого хормазо — примитивная и грубая разновидность более поздней, типичной для Андалусии смеси, известной как хормигон. Использование одного или другого из этих материалов является своеобразным критерием, который позволяет оценить приблизительный возраст того или иного сооружения в этом регионе, и именно благодаря ему была установлена древность циклопической стены, возведенной по берегам Рио-Тинто на востоке от города. Она была сложена из грубо высеченных камней огромного размера и скреплена смесью хормазо.

Это сооружение открылось взору в 1923 году в результате целой серии наводнений. Дно реки было искусственно углублено по всей длине стены для того, чтобы сформировать бухту. И в доказательство того, что это сооружение было делом рук древних мастеров, была найдена вырубленная в скале лестница более тридцати футов в ширину, которая вела к реке от одних из пяти больших башенных ворот города. Стена была, безусловно, построена для того, чтобы предотвратить заиливание искусственного водоема и в то же самое время усилить защиту города. Госпожа Вишоу недавно получила санкционированное королевском указом разрешение произвести земляные работы в пределах стен Ниеблы, и она надеется побольше узнать о самом раннем этапе истории города, когда эти исследования будут произведены под руководством опытных специалистов.

Однако, как это уже сейчас ясно, раскопки госпожи Вишоу доказывают, что кроманьонская раса действительно возводила каменные постройки. Ведь рассматриваемая нами циклопическая стена была найдена вместе с артефактами, относящимися к их культуре. А также то, что азилийская или протоиберийская раса построила в Уэльве большую древнюю гавань, стены и лестницы которой кажутся похожими на странную многогранную кладку инков в Перу. Действительно, госпожа Вишоу, археолог с большим опытом, сама приписывает это сооружение иммигрантам с Атлантиды, и теперь она готовит пространное эссе, которое собирается озаглавить «Атлантида в Андалусии».

Посему ничто не помешает нам говорить о «дворцах» и «обсерваториях» в Атлантиде во времена Атласа. Вероятно, последние напоминали инти-хуатана (inti-huatana) Перу, инкские и доинкские, и нет ничего столь уж невероятного в том, чтобы представить мудреца Атласа, сидящего в таком помещении и занятого изучением небесных тел.

Из того обстоятельства, что Атлас был погружен в исследования астрономии, мы можем заключить, что его правление было мирным. По всей вероятности, оно было достаточно продолжительным и способствовало росту и консолидации власти в Атлантиде.

Диодор сообщает нам, что Юпитер был царем атлантов, и, поскольку он особо отмечает, что его не следует путать с одноименным богом, мы можем заключить, что человек был назван в честь божества. Но возникает некоторое сомнение: кто — Сатурн ли, брат Атласа, или же Юпитер, его сын, — был наследником трона. «Этот Юпитер, — говорит Диодор, — или унаследовал трон от своего отца Сатурна, как правитель атлантов, или же сверг его». Таким образом, получается, что либо сначала правил Сатурн, оставивший трон своему сыну в обычном порядке, либо Юпитер сверг его. Последнее, судя по всему, более вероятно, поскольку Диодор сообщает, что «Сатурн, как говорят, развязал войну против своего сына при помощи титанов, но Юпитер поборол его в сражении и захватил весь мир». Он также отмечает, что Сатурн был нечестивым и жадным.

Таким образом, мы можем предполагать, что неверующий и скупой старый правитель, или вождь, жадность и непристойность которого стали угрозой государству, был смещен более набожным и благоразумным сыном. Сатурн, как это дошло до нас, прибег в борьбе с сыном к

помощи титанов, то есть, вероятно, более древней ориньякской части населения, — высоких кроманьонцев, и, вероятно, привлечение этих доселе мирных людей связано с более поздним волнением на Атлантиде.

Мы можем таким образом считать, что Юпитер был третьим царем Атлантиды или по крайней мере третьим из тех правителей, о которых мы имеем какое-то определенное представление. Именно в период его господства в Атлантиде начали проявляться те всплески политического волнения, которые должны были сыграть впоследствии столь бедственную роль. Но возможно, и на самом деле даже более вероятно, что четыре значимые фигуры в истории Атлантиды — Посейдон, Атлас, Сатурн и Юпитер — были основателями четырех отдельных династий, а также и единоличными правителями. Этот вывод можно сделать из слов Платона, который сообщает, что «в течение многих столетий они соблюдали свое царское происхождение, повиновались всем законам и надлежащим образом чтили богов своих предков». Четыре правления не могли охватить такой отрезок времени, и мы приходим к заключению, что названные персонажи были первыми монархами новых династических фамилий. Это тем более вероятно, что они носят имена «классических» богов, которыми их нарекает информант Платона из-за невозможности назвать их атлантисские или египетские имена в понятной грекам форме. Основатели новых династий почти всегда остаются в истории как существа божественного или полубожественного происхождения. Несколько подобных случаев есть в египетской истории. Первый король франков из династии Меровингов, Меровиг, как считается, был сверхъестественного происхождения. Римляне, и греки, и вавилоняне тоже могут похвастаться похожими примерами.

Все сказанное служит мощным аргументом в пользу того, что первые четыре царя Атлантиды, чьи имена мы знаем, были не богами, но людьми, которых впоследствии обожествили. Это практика, похоже, была общепринятой в Атлантиде — обожествлять царей после их смерти, точно так же, как это было в Египте и Риме, а часто и среди племен древней Англии, и у североамериканских индейцев. Это, конечно, сразу объясняет их принятие за богов последующими поколениями. Они ими и были, «богами», точно в том смысле, в котором Нума Помпилий или Марк Аврелий считались «богами» после смерти.

Начиная с династии Юпитера в Атлантиде, судя по всему, распространяется революционный дух. «Со временем, — говорит Платон, — превратности человеческих дел развратили постепенно их божественные учреждения и они начали вести себя подобно остальной части детей человечества. Они стали амбициозными и управляли, опираясь на насилие. Тогда Зевс, царь богов, созерцая эту расу однажды столь благородной и видя теперь развращенной, решил наказать ее с тем, чтобы печальный опыт уменьшил ее амбициозный пыл».

Именно этими словами кончается «Критий» Платона, и я полагаю, что он остался незаконченным из-за его смерти. Я также полагаю, что он мог рассказать нам гораздо больше об Атлантиде, если бы прожил дольше. Рассматриваемый фрагмент, как мне кажется, относится не к событиям, которые предшествовали заключительной катастрофе, а к той части истории Атлантиды, в которой дух мятежа впервые поднял голову. Сатурн, скупой и нечестивый властитель, очевидно, возбудил народное негодование и отдалил от себя не только подданных, но и наследника. Последний, вероятно, возглавил восстание масс против старого тирана, который, будучи не в силах заручиться поддержкой подданных, вынужден был обратиться за помощью к древней расе ориньякцев. Последовало, как говорит Диодор, сражение, в котором Сатурн и его союзники были побеждены, и сам он был отстранен от власти.

Но атланты, прежде тихие и законопослушные, теперь заразились лихорадкой междоусобной войны. Неприязнь между противостоящими группами поддерживалась, должно быть, даже после установления формального мира, и ее последствия должны были выразиться в общем состоянии политического волнения и в хаотических настроениях. Очевидно, на этой стадии Зевс — конечно же устами жрецов — предъявил ультиматум противостоящим группам. Судя по всему, иерофанты известили их, что Зевс созвал совет богов, на котором их поведение было осуждено. Что было после этого — нам не известно, по крайней мере, это все, что сообщил Платон. Можно не сомневаться, что он поведал бы о резкой критике бога и его предупреждениях и далее познакомил бы нас с последствиями. А эти последствия, я уверен,

пролили бы свет на обстоятельства, которые положили конец междоусобице, благодаря благоразумным решениям царя и жрецов, склонивших общественное внимание к завоеванию иноземных территорий — политике, которая закончилась большим нашествием на Европу, описанным Платоном в его «Тимее» и зарегистрированным археологией как вторжение азилийской расы.

Вероятно, в период господства царя Атлантиды, известного под именем Юпитер, по указанной причине было принято решение вторгнуться в Европу. Платон ясно дает понять, что это вторжение было не первым, утверждая, что цари Атлантиды «управляли Ливией до Египта и Европой до границ Этрурии». Эти границы, как я показал, соответствуют распространению азилийской или протоиберийской расы, но конечно же не кроманьонцев. Из этого мы можем сделать вывод, что люди азилийской расы совершали набеги на Европу и Африку еще до массового вторжения в эти регионы.

Теперь, как ни странно, для выяснения условий на Атлантиде в интересующую нас эпоху мы вынуждены обратиться к источнику, на первый взгляд наименее подходящему для того, чтобы получить необходимые доказательства. И все же при тщательном рассмотрении мы можем убедиться, что именно этот источник предоставляет нам нужные сведения. Я имею в виду древнюю литературу Англии и Ирландии, уэльские триады, ирландские саги и народные сказания. В первом случае мы получаем самые полные и самые удивительные сведения, которые могут оказаться ключом к истории Атлантиды рассматриваемого периода. Перед тем как мы двинемся далее, позвольте исследовать эти данные и выбрать из них информацию, которая, несомненно, содержит много интересного о туманной истории Атлантиды.

Глава 8 БРИТАНСКАЯ АТЛАНТИДА

В древних книгах Уэльса и Ирландии существуют легенды, легко сопоставимые с мифом об Атлантиде, и происхождение их нельзя объяснить ничем другим, как тем, что их первоначальный источник связан с Атлантидой. Сведения, содержащиеся в древних книгах Уэльса и повествующие о странах, погруженных в воду из-за катаклизма, столь многочисленны, что потребовался бы целый том, чтобы изложить их надлежащим образом. Прежде чем пытаться обосновать предположение о том, что легенды о наводнениях в Уэльсе имеют непосредственное отношение к катастрофе Атлантиды, мы можем рассмотреть некоторые наиболее известные из них.

В книге «Карадок» из Нантгарвана, датируемой XII столетием, и в книге «Джеван Бречва» Томаса Джонса из Трегарна от 1601 года были найдены стихи, известные как триады острова Британия. Они были напечатаны преподобным Эдвардом Дэвисом в его «Кельтских исследованиях» (1804 год, Лондон). Под заголовком «Три ужасных события острова Британия» мы читаем следующее: «Первое: взрыв озерных вод, ошеломительный для всех земель так, что все человечество было затоплено, за исключением Двивана и Двивах, которые спаслись на судне без парусов и благодаря которым британский остров был вновь заселен.

Вторым был ужас от страшного пожара, когда Земля разверзлась на части, так что Анвн (нижняя ее область) и большая часть всего живого была им поглощена.

Третьим было испепеляющее лето, когда лес и растения были подожжены нестерпимым жаром Солнца, и множество людей, а также зверей, птиц и прочих гадов погибли безвозвратно».

Наводнение, на которое ссылается первая триада, было разливом озера Ллин-Ллион. Практически ту же самую историю рассказывают об озере Ллин-Тегид, около Бала, в Мерионетшире, и, как замечает покойный сэр Джон Рис, «считалось, что берега всех озер Уэльса населяли люди, имевшие богатые стада рогатого скота. И сейчас предполагается, что практически каждый водоем возник в результате оседания почвы какого-либо города, колокольный звон которого время от времени можно слышать и теперь».

Столь всеобщая память об ушедших под воду землях в Уэльсе, безусловно, имеет в своей основе глубоко укорененную легенду. «Друиды, — говорит Дэвис, — представляют себе потоп, вспоминая об озере, называемом Ллин-Ллион, воды которого вырвались из берегов и опрокинулись на поверхность земли. Однако они считают озеро лишь символом потопа. Сам же потоп, как они полагают, был не только орудием наказания, покаравшим нечестивых обитателей земли, но и божественным очищением, которое смыло прочь падших и подготовило землю для принятия праведных или для обожествленного патриарха и его семьи. Следовательно, потоп часто считался священным и распространяющим свои божественные свойства на озера и заливы».

Озеро Ллион, таким образом, в умах уэльсцев XII столетия было мифическим символом потопа и водной катастрофы. Несколько иначе выглядит легенда о Кантрефе из Гвелода или легенда «Потопленной сотни», которая рассказывает о затоплении равнины Гвиддню... «Эта легенда, — говорит профессор Ллойд, — впервые появилась в стихотворении в „Черной книге Кармартена“, в последней части, относящейся приблизительно к 1200 году. Это стихотворение часто переводилось; есть, например, английская версия в „Истории Кардиганшира“ Мейрика и недавний уэльский перевод в „Кимру Ю“. Лучшим, однако, является самый современный, выполненный сэром Й. Рисом в „Трудах Кимродориона“ в 1892 — 1893 годах, согласно которому равнина Гвиддню была залита морем из-за греховности ее жителей, дававших себе волю в еде и питии и в наглой гордыне сердца. Человеком, навлекшим эту кару на землю, была дева по имени Маргарет (Мерерид), которая во время поста разлила воды волшебного родника, и он вышел из берегов и затопил всю страну... Таким был примитивный вариант истории; он был дополнен в одном месте компилятором самых ранних изданий „Родословных святых“ (также датированных начиная приблизительно с 1200 года), в которых говорится о пяти „святых“ как о сыновьях короля равнины Гвиддно-Сеитеннина, царство которого было съедено

морем. Для того чтобы найти зерно легенды, которая во многих местах сильно варьируется, мы должны обратиться к третьему ряду триад, относящихся к XVI столетию; третьим из трех отъявленных выпивох Британии (фольклорная группа, неизвестная более поздней триадической литературе) считают Сеитеннина-Пьяного, короля Дифеда, который своими кубками разливал море по низменности Хандред, области рыночных городов, наследной вотчине Гвиддно-Гаранхира, короля Кередигона.

Родник и девушка здесь исчезают, причиной несчастья становится Сеитеннин, а утопленное королевство уже не его, а собственность его соседа Гвиддно. Но известная дамба все еще ждала своего места в этой истории. Любителю древностей Роберту Ваугану из Хенгврта (1592 — 1667) первому пришла идея соединения истории о низменности Хандред с естественной дамбой около Харлеха, которую крестьянством испокон веку называют Сарн-Бадриг, или дамба святого Патрика. Популярное объяснение, без сомнения, заключалось в том, что это была личная дорога святого, ведущая домой, в его любимую Ирландию, но для Ваугана это дамба — «большая каменная стена, сделанная как забор против моря». Он также смело предполагает, что эта дамба некогда была крепостным валом захороненного царства. Льюис Моррис в следующем столетии придерживался того же самого взгляда и, помня стихи из Черной книги, добавил свое собственное предположение, считая, что «ворота плотины были оставлены открытыми из-за пьянства» («Кельтские древности»). Но понадобился еще один штрих, чтобы придать рассказу его современную форму — ворота плотины должны были быть расположены у дома Сеитеннина, который по замыслу должен был играть роль пьяного надсмотрщика плотины. Все это сделано в «Валлийской биографии» Оуэна (1803); и под влиянием столь авторитетного исследователя уэльской старины эта история приобрела большую популярность и стала привлекательной темой для последующей литературной обработки.

Англичане познакомились с ней на страницах очаровательных «Злоключений Эльфина»; для уэльсцев она была пересказана в стихотворении Хиретога и Яна Глена Гейрионида.

Дэвис указывает на рассказ о катастрофе, описанной в триадах: «Сеитеннин-Пьяница, сын Сеитина Саиди, короля Дифеда, в пьянстве разливает море, согласно Кантре'р Гвелоду, чтобы уничтожить все здания и земли этого места, где до этого случая было шестнадцать городов, лучшие из всех городов и местечек Уэльса, за исключением Керлеона на Уске. Этот район был владением Гвиддно-Гаранхира, короля Кардигана. Это случилось во времена Эмриса, суверена. Люди, избежавшие потопа, поселились в Ардудви, в области Арвона, и в горах Сноудона, а также и в других местах, до того времени необитаемых».

Это, несомненно, сущность древней Мабиноги, или мифологического рассказа, и она не должна рассматриваться как подлинная история. Поскольку, во-первых, залив Кардиган существовал еще во времена Птолемея, который отмечает и мысы, его ограничивающие, и устья рек, впадающих в него, почти в тех же самых пропорциях, которые они сохраняют и в настоящее время. Но ни Птолемей, ни любой другой древний географ не говорит ни об одном из тех шестнадцати городов, которые, как считают, затонули на этом месте в VI столетии.

В то же время мы знаем достаточно о географии Уэльса, как древней, так и современной, чтобы сделать вывод, что ни один кантрев, ни целая их сотня никогда не вмещали шестнадцать городов, которые могли бы сравниться с Керлеоном в предполагаемой эпохе Гвиддно.

«И снова: инцидент вообще представляется как случившийся из-за кого-то, пренебрегшего закрыть водовод, — причина явно неадекватная, судя по предполагаемому эффекту. И недосмотр этот приписывается сыну Сеитина Саиди, короля Дифеда, персонажа, уже знакомого нам по мифологии».

Эта легенда, конечно, не что иное, как уэльская версия легенды о Йисе, городе в Бретани, ушедшем на дно, история которого будет рассказана в моих «Легендах Бретани»; или было бы, вероятно, более правильно сказать, что оба эти рассказа имеют общее происхождение и глубоко укоренены в древних кельтских преданиях. Кроме того, необходимо отметить, что оба они согласуются с историей Атлантиды в том, что земля была затоплена из-за нечестивости ее жителей.

Сохранилась подобная история об озере Савадда в Брекнокшире, которую Дэвис пересказывает следующим образом:

«Участок существующего ныне озера был прежде занят большим городом; но жители его, говорят, были очень злыми. Король страны послал своего слугу, чтобы проверить истинность этого слуха, и пригрозил, что если слух окажется правдой, то он уничтожит это место в назидание другим своим подданным. Посланник прибыл в город вечером. Все жители справляли веселое празднество и в избытке валялись на улицах. Ни один из них не поприветствовал незнакомца и не оказал ему должного гостеприимства. Наконец, он увидел открытую дверь скромного жилища и вошел внутрь. Семейство покинуло его, чтобы поучаствовать в шумном веселье, ушли все, кроме младенца, который одиноко лежал в колыбели и плакал. Королевский посланник сел около этой колыбели и успокоил невинного младенца; его огорчила мысль, что и малыш должен погибнуть вместе со своими падшими земляками. Так незнакомец провел ночь; и, играя с ребенком, он случайно уронил свою перчатку в колыбель. Наутро, задолго до восхода солнца, он отбыл из города, чтобы рассказать печальные вести королю.

Только он оставил город, как вдруг услышал позади себя шум, подобный сильнейшему раскату грома, смешанному со зловещими воплями и плачем. Он заткнул уши. Теперь звук был подобен удару волн о берег; и далее последовала мертвая тишина. Он не мог видеть, что случилось, поскольку было еще темно, и он не чувствовал никакого желания возвратиться в город, так что он продолжал свой путь до восхода солнца. Утро было холодным. Он стал искать свои перчатки и, обнаружив лишь одну из них, вспомнил, где оставил другую. Эти перчатки были подарком его суверена. И он решил возвратиться назад. Подъехав к месту, на котором был город, он удивился: ни одно из зданий, что видел он накануне, не предстало его взгляду. Он сделал несколько шагов. Вся равнина была залита озером. Пристально всматриваясь в эту новую потрясающую картину, он заметил посреди воды небольшой предмет, который ветер мягко нес к берегу, на котором он стоял. Предмет подплыл поближе, и он узнал ту самую колыбель, в которой оставил свою перчатку. Его радость от обретения этого залога королевского расположения усилилась, когда он узрел, что маленький объект его сострадания достиг берега живым и невредимым. Он отнес младенца королю и сказал его величеству, что только это ему удалось спасти из проклятого города».

Это небольшое повествование явно содержит в себе суть рассказов, которые мы называем мабиногионами, то есть рассказами, направленными на воспитание молодежи в духе мифологии бардов. Здесь ее сюжет составляет воспоминание о наказании нечестивых водами потопа.

Такие легенды о поглощении городов и густонаселенных районов страны озерами или водами моря широко известны на всей территории Уэльса.

Эти легенды, конечно, не являются рассказами о действительных исторических событиях, а воспоминаниями некой далекой катастрофы, которая настигла кельтскую расу в совершенно других землях.

В поэме барда Талиесина, называемой «Духи глубины», Артур, его мифологический персонаж, упомянут в связи с великой катастрофой. Произведение это туманно по форме и содержанию и, как замечает Тернер, явно связано с мифологией. Дэвис верил, что поэма отсылает нас к мистериям британского Бахуса и Керы, которые были связаны с мифологией потопа. Хотя готов признать, что пером, повествующим об этом, водила рука человека, ведавшего о других таинственных легендах. Поэма утверждает, что «второе большим числом, чем вмещает „Прайдвен“ (корабль Артура), мы вошли в глубокие воды; за исключением семи человек никто не вернулся к Каэр-Сиди (место круга)».

Во второй строфе этой таинственной песни он продолжает восхвалять знания, «которые в четыре раза возросли на этом четырехугольном острове». «Мы пошли, — говорится в заключении, — за Артуром в его великих деяниях».

Далее бард поет: «В четырехугольном пространстве на острове с прочной дверью сумерки и тьма были смешаны». Этот отрывок и тот, что ему предшествует, как мне кажется, очень живо описывают яркую память о преданиях Атлантиды. Читатель помнит рассказ Платона о том, что главный город Атлантиды был разделен на зоны или круги, состоящие из земли и воды. В своей предыдущей работе, «Проблема Атлантиды», я привел немало доказательств того, что круговой план столицы Атлантиды был впоследствии скопирован многими городами.

Следующий пассаж подытоживает это сходство: «Начиная со сведений об атлантическом обустройстве рельефа, описанном Платоном, мы находим, что он отражен не только в Карфагене, но и во многих других древних городах, разбросанных вдоль и поперек в тех областях, где можно найти памятники архитектуры, приближающиеся к атлантическому образцу, — с одной стороны, в прибрежной полосе Средиземноморья, а с другой — на западных атлантических берегах Британии и Ирландии. Бесполезно было бы считать эту архитектуру перенятой западными областями с востока. Иберийцы, строители этих древних городов, сами произошли отнюдь не с востока Средиземноморья, поэтому невозможно считать эту область отправной точкой их архитектурного наследия». Пятая строфа этого сказания также проливает свет на связь его с Атлантидой.

«Многих и многих не спасет защита. Они не знали, ни в какой день последует удар, ни в какой час безмятежного дня родится Кви (одержимый человек), не знали и того, кто не допустит его вход в долины Деевы (владение вод). Они не знали пестрого вола с широкой полосой на голове, у которого было семь отметок на загривке».

Очевидно, что это относится к населению страны, подсознательно боявшемуся потопов. Что же касается намека на вола, то практически почти в каждом британском памятнике о потопе, пишет Дэвис, «присутствует вол». Вол или бык был, как мы помним, священным животным, которому поклонялись в Атлантиде.

Цитированная выше песня, очевидно, относится к спасению от потопов группы людей под предводительством мифического Артура. Они были, вероятно, представителями аристократии острова, которых мало интересовало население и которые спаслись бегством. Упомянут круговой или четырехугольный план города, который они оставили, а также имеется намек на то, что с собой они унесли память и тайны их священных ритуалов. Но находим ли мы в древних уэльских преданиях какие-либо более определенные воспоминания об утраченной Атлантиде, воспоминания, которые могли бы подтвердить предположение, что наши британские праотцы связывали легенду о потопленных землях с определенной областью в Атлантике? Думаю, все это представлено в легендах об Артуре и Лионе, или Лионессе, и в легенде об острове Аваллон.

Во-первых, ясно, что озеро Ллион, легенду о котором мы уже обсудили, представляет собой не больше и не меньше, как предание об океанском погружении, приспособленное к рельефу Уэльса — и действительно, легенды, касающиеся озер Ллион и Лионесс имеют общее происхождение. И при этом нетрудно доказать, что озеро Ллион, Лионесс, Аваллон и Атлантида — просто разные названия для одного и того же океанского региона.

Рассмотрим сначала легенды, связанные с островом Аваллон. Кельты Англии считали, что Аваллон расположен в западной части океана. Название его объяснилось как *Insula Pomorum*, или остров Яблок, хотя запись слова с двумя «l», кажется, имеет значение «остров Яблонь». Джеффри Монмот приравнивал его к охраняемому драконом острову Гесперид. Подобное же мнение высказывается анонимным поэтом, цитируемым в издании «Джеффри» Яна Морти. Юшер приписывает эти стихи британскому барду Гилдасу. Исходя из сведений, почерпнутых из этих поэм, и от Уильяма Мальмсберри, складывается впечатление, что *Insula Avallonia*, или *Unys Avallach*, — это остров, принадлежащий королю Аваллаху, который проживал на нем со своей дочерью. Этот Аваллах в Харлеанском манускрипте назван сыном Бели и Анну, а Рхис отождествляет его с Эвалахом, раненым королем-рыбаком из легенды о Граале.

Атлантида, само собой разумеется, снова и снова отождествлялась с островом Гесперид, на котором росли священные яблоки, так что связь Аваллона с островным раем связывает британские сказания с рассказом Платона, и Аваллон оказывается не чем иным, как Атлантидой Платона. Если это сопоставление оправдано, то мы должны быть готовы найти в Аваллахе, короле острова, Атласа в его британском обличье, а в Бели и Анну — его родителей — греческих Посейдона и Клейто из легенды Платона.

В поисках дальнейших ассоциаций между окрестностями Аваллона и Атлантиды мы, прежде чем перейти к их правителям и жителям, обнаружим в записанной Передуром легенде о «Вращающемся замке» момент, касающийся Атлантиды. Его можно найти и в уэльском «Сейнт Грел». Фрагмент этот звучит следующим образом: «И они ехали через дикие леса, от одного к другому, пока не прибыли на ясную поляну. И там они узрели замок, видневшийся у основания

земли в середине луга; и вокруг замка текла большая река, а внутри замка они созерцали просторные залы с окнами, большими и прекрасными. Они подошли к замку поближе и почувствовали, что он вертится быстрее, чем самый стремительный ветер, который они когда-либо встречали. И выше на замке они узрели лучников, стрелявших настолько сильно, что никакая броня не защитила бы от их стрел. Помимо того, там были люди, дующие в рог столь мощно, что можно было подумать, будто дрожит земля. В воротах были львы в железных цепях, ревушие так яростно, что, казалось, они способны разнести в клочья и лес, и замок».

Этот «вращающийся замок» Рхис решительно приравнивает к замку Грааль, жилищу короля-рыбака. Мы также находим эту таинственную цитадель в одной из поэм Талиесина, в которой он говорит:

Мой трон в Каэр-Сиди совершенен:

Ни старость, ни чума не властны над тем, кто восседает на нем.

Об этом знают и Манавыдан и Прыдери.

Три органа у очага пред ним играют об этом.

От него идут потоки океана,

И близ него источник мощный бьет,

И пьем мы из него питье, что слаще всякого вина.

Название «Каэр-Сиди» означает «вращающееся место» и отождествляется Рхисом с «вращающимся замком». Вспомним, что этот Каэр-Сиди уже был упомянут как некое замкнутое место, оставленное Артуром и его свитой во время наводнения. Поэтому можно отождествить «вращающийся замок» с океанским островом, однажды подвергшимся наводнению. Обстоятельства легенды, очевидно, связывают это место с беспокойными климатическими условиями, и в целом получается, что мы вспоминаем здесь об Атлантиде. Это место расположено «у основания земли в середине луга», как и столица Атлантиды, и подобно ей окружено «большой канавой или рвом». Основание земли дрожит и поворачивает замок как будто в муках землетрясения. Львы, окружающие его, символизируют разрушительные силы природы. Согласно поэме, это островная местность. «Вокруг нее — потоки океана». Используемое в оригинале перед словами «потоки океана» слово, «banneu или ban», по мнению Рхиса, объединяет это место с Бенвиком — королевством Бана из саги об Артуре.

Здесь также подразумевается, что это место имело четыре угла, которые, похоже, связывают его с «островом из четырех драгоценных стен» из ирландской саги «Путешествие Мельдуна». Эти стены, находящиеся в центре, состояли соответственно из золота, серебра, меди и хрусталя. Это — снова столица Атлантиды, стены которой были построены из золота, серебра, орихалка или меди. Позвольте нам сравнить рассказ Платона со сказанием об уэльском Сеинт Греале.

1. В уэльском рассказе Передур ехал через дикие леса, «от одного леса до другого». Платон говорит, что местность, окружавшая столицу Атлантиды, была засажена лесом.

2. «Вращающийся замок» расположен у основания земли в середине луга. Столица Атлантиды была построена «на равнине».

3. Вокруг «вращающегося замка» «текла большая река». «Равнина, — говорит Платон, — была отмечена большой канавой или рвом, который принимал в себя потоки с гор и воды каналов».

4. Каэр-Сиди — «вращающееся, или круглое место». Столица Атлантиды была также построена в форме круга.

5. «Я не буду спасать толпы перемещением щитов», — поет певец в песне «Добыча глубин» о людях Каэр-Сиди. «Землевладелец в Атлантиде, — говорит Платон, — был обязан снабдить шестую часть военной колесницы (чтобы таким образом составить десять тысяч колесниц), а также поставить двух лошадей и наездников на нее и еще легкую колесницу без сиденья и помощника и возницу плюс двух тяжеловооруженных пехотинцев, двух стрельцов, двух стропальщиков, трех камнеметателей, трех копьеметателей и четырех моряков, чтобы, таким образом, составлять отряд из одной тысячи двухсот судов».

6. «Они (толпы, плебеи) не знают пестрого вола с толстой лентой». «Около храма Посейдона в Атлантиде, — говорит Платон, — паслись священные быки, и десять царей острова периодически приносили их в жертву... Они надевали голубые одежды и судили

нарушителей». Короче говоря, это был аристократический культ быка или вола, неизвестный простолюдным.

Похоже, что эти сравнения проясняют атлантическое происхождение уэльских легенд о Каэр-Сиди и Аваллоне, и теперь, в надежде обнаружить дальнейшие свидетельства, мы можем продолжить исследование других британских мифов, которые имеют дело с островными или погруженными под воду землями.

В кельтском фольклоре почти исключительно доминирует фигура феи Морганы, судьбоносицы, или феи, связанной с морем. Она, говорит Рхис, — то же самое, что и Моргана, которая на острове Аваллон лечила Артура от его ран, и она же — леди Озера, кормилица Ланселота, тюремщица Мерлина. «Моргана» означает «дитя моря», и мы можем считать, что она олицетворяет океан в образе пучины забвения или беспамятства. «Мор» — уэльское слово, обозначающее «море», и возможно, Моргана — именно то море, о котором Плиний в своей «Естественной истории» сообщает, что его должны были пересечь мертвые, чтобы достичь царства Крона, или Времени. Море для кельтов и впрямь было тропой в иной мир, понятие, которое часто встречается во многих мифах, и кельтское «место мертвых» было неизменно расположено в Западном океане. Таким образом, кажется вполне вероятным, что область, куда, как предполагалось, отбывали все души после смерти, была связана с местом, прежде населенным, со страной предков, изначальной родиной. Древний человек неизменно полагал, что после смерти он присоединится к своим предкам, живущим в атмосфере неземного счастья. И я уже писал на эту тему, приводя в пример так много мифов и легенд, чтобы показать, как эта идея в некоторых случаях была связана с погруженными под воду землями. Так что едва ли необходимо повторять это здесь еще раз.

Позвольте только перечислить эти еще не упомянутые здесь земли, которые, как верили кельты Британии, ушли под воду. Некоторые из них в действительности расположены непосредственно в самом Уэльсе. Так, например, Ллин-Тегид, около Бала, в Мерионетшире. Рхис упоминал о нем, когда писал: «В наше время предполагается, что практически каждый водоем сформировался в результате оседания почвы какого-либо города, колокольный звон которого можно слышать теперь время от времени». Это, по крайней мере, доказывает, что образ погруженных под воду земель сильно повлиял на воображение кельтов Англии. Почему? Мифы этой категории не возникают «сами по себе», но вполне может показаться, что за ними тянется длинная генеалогия легенд, прообразом которых послужил некий исторический факт.

Затопления побережья морскими водами также являются неким продолжением легенды о погружении. В некоторых случаях подобные события, возможно, и имели место, но в других они, вероятно, представляют собой местную трактовку древних легенд о затонувшей в океане стране, как уже цитировавшаяся ранее легенда о «низине Хандред». Аналогична ей легенда о затопленном городе Абердоуэй, колокольные звоны которого можно слышать в царстве Гвиддно. Как говорит Рхис: «Мифический рассказ о затоплении равнины Гвиддно сообщает нам то, что трагедия произошла из-за небрежности некоторого Сеитеннина, обязанностью которого было следить за плотиной и ее воротами, но однажды, будучи сильно пьяным, он забыл о своей службе, в результате чего и произошла эта „катастрофа“. Самый древний вариант рассказа, однако, содержится в коротком стихе в „Черной книге Кармартена“, и он вовсе не так банален: автор стиха ничего не говорит об опьянении Сеитеннина, которого он просто характеризует как человека весьма недалекого, а всю вину возлагает на девицу, которую он называет повелительницей родника. В чем состояли ее конкретные обязанности, он не сообщает, но, вероятно, в ее власти находился магический родник, как в сходной ирландской истории Лох-Нея, в которой поленились закрыть крышку волшебного ручья, и это также привело к наводнению. Эту катастрофу предсказал местный дурачок, занимающий место Сеитеннина в уэльской версии легенды. А женщину, следившую за родником, в ирландской истории звали Ливан, а в уэльской — Ллион, — имя, которое встречается в уэльском рассказе о наводнении, случившимся вследствие разлива вод Ллин-Ллион, или Ллион-озера. Далее, один из вариантов имени этой женщины встречается в *Лайонс* — Мэлори. «Духом этой местности является некая дама Лайонс, владелица опасного замка, находящегося рядом с островом Аваллон. Рхис располагает ее страну на западном побережье Корнуолла, лежащую где-то *под морскими глубинами* между Лонди и островами Силли...» Не вдаваясь слишком глубоко в

древние мифы, на которых основаны эти романы, рискну предположить, что мы имеем свидетельство, датируемое ранним периодом римской оккупации этой территории и отождествляющее такого героя, как Тристан или Ланселот, с Гераклом классической мифологии, учитывая при этом тот факт, что Птолемей называет мыс Хартленд Гераклеус-Акрон, или мысом Геракла.

Имя Лайонс, или Лайонесс, конечно, отождествляют с названием мифического озера, Ллин-Ллион, которое, как предполагалось, сокрушило мир своими разлившимися водами и, как уже было упомянуто, оно может быть связано с затонувшей землей Йис в бретонских легендах об Атлантиде. Но мне кажется, что оно связано с Атлантидой не только преданиями, но этимологией. Я верю, что название Атлантида — просто эллинизированная версия кельтского Ллин-Ллион или Лайонесс, ибо только греки могли дать такое звучание кельтскому названию.

Возьмем название Ллин-Ллион и попытаемся произнести его так, как произнесло бы большинство некейтских народов (Лин-Лион), а затем присоединим к нему греческое окончание со звуком «т», добавленным ради благозвучия. Получается Лин-Лион-тис — то есть Линлионтис. А теперь представим, что через некую ассоциацию бога Атласа с этим Западным регионом и через неточную передачу и эллинизацию названия Ллин-Ллион, возможно, возникло название Атлантида (Atlantis). И разве названия Ллин-Ллион и Атлантида не могут произойти от общего корня?

Атлас вполне мог быть связанным с богами Англии. Он был титаном и братом Альбиона, который, подобно ему, был сыном Посейдона. Альбион был богом-покровителем Англии. И Атлас, и Альбион вместе боролись за западный выход Геракловых столпов. Согласно Помпонию Мела, Альбион с братом Иберией, богом Ирландии (оба — сыновья Посейдона), боролись с неким греческим полубогом около Арля. Альбион — то же, что и Элба, от которого Шотландия получила свое название — Олбани. Таким образом, существовало семейство или род титанов, связанных с Западным океаном, и если Альбион и Иберия до сих пор могут быть связаны с Британскими островами, тогда вполне разумно предположить, что Атлас также был когда-то богом-покровителем западной земли в океане, с которой миф постоянно соединяет его имя.

Альбион (Англия), Иберия (Ирландия), Атлас (Атлантида). Последовательность точна, и трудно полагать, что, если два первых имени связаны с островами, все еще существующими, то третье можно считать божеством мифической земли, тем более что все эти персонажи происходили от одного и того же прародителя и принадлежали к одному и тому же роду. Нет никакого примера в мифологии наследственных кланов, происходящих от одного и того же предка-эпонима, в котором одни из сородичей давали имена фактическим, а другие мифическим местностям. Посмотрите страницы Ветхого Завета, Ригведы, Эдды — любого источника преданий, в которых присутствуют наследственные генеалогии, — и нигде такая аномалия не встречается.

Позвольте нам исследовать греческий миф о Герионе, повелителе атлантического острова, имеющего кельтские эквиваленты. Герион был правителем острова Эритрея, у него было три головы с соответствующим числом рук и ног. Он был владельцем многочисленных стад великолепного рогатого скота пурпурно-красного цвета, пасущихся около Земель Солнца, то есть на Западе, так же как его остров Эритрея был расположен в Западном океане, за Геракловыми столпами, в прекрасном здоровом климате.

Совершая свои подвиги, Геракл приплыл на остров на золотом ковчеге Солнца, или на судне, в котором Солнце, как предполагалось, за ночь уплывало назад, на восток. Высадившись на острове, Геракл был атакован собакой Гериона Орфом и его пастухом Эвритионом и убил их обоих. Герион, услышав об этом, поспешил сам напасть на него, но герой убил и его тоже и, согнав скот к берегу, вместе с добычей и дочерью Гериона, благополучно погрузился на золотой ковчег.

Почти точно тем же самым образом Кухулин, ирландский Геракл, добывает коров и дочь короля Мидера с острова Людей Фальги. Но самое интересное то, что и Герион и Мидер, обитавшие на атлантических островах, владели, подобно атлантам, стадами священного скота.

Мы видим, что атлантический остров из мифов британских кельтов во многом похож на Атлантиду. Не только тем, что он — остров, но и тем, что город Каэр-Сиди был построен,

подобно столице Атлантиды, в форме круга, окружен большим рвом или каналом, охранялся тяжеловооруженными пехотинцами; и его религия была некоторым образом связана со священным скотом. Мы знаем также, что он считался разрушенным наводнением или же другим катаклизмом подобного характера.

В местных мифах Британии есть и другие ссылки на катастрофы, больше связанные с вулканическими или сейсмическими процессами, чем просто с наводнениями. Плутарх в его «De Defectu Oraculorum» ссылается на одно из этих событий, говоря следующее: «Деметрий далее сказал насчет островов вокруг Англии, что многие из них рассеяны по морю и необитаемы, некоторые из них названы по именам божеств и героев. Он сказал нам также, что посланный императором с целью разведывания и осмотра он остановился на острове, наиболее близком к этим самым необитаемым островам, и нашел на нем всего несколько жителей, которые были, однако, священны и неприкосновенны в глазах британцев. Вскоре после его прибытия произошло большое волнение атмосферы, сопровождаемое многими предзнаменованиями, ветрами, превращавшимися дальше в ураганы, и пламенными молниями. Когда все это закончилось, островитяне сказали, что скончался кто-то из могущественных. Зажженная лампа не опасна, сказали они, но, когда она гаснет, многие печалются. Так и великие души — их сияние приятно, а угасание печально. Следует еще принять во внимание, что их исчезновение и разрушение часто приводит к непогоде: ветрам и волнам, как вот и сейчас; часто также они заражают воздух пагубными болезнями. Кроме того, по их словам, есть остров, на котором заключен в тюрьму Крон, и Бриарей охраняет его, когда он спит, поскольку, как они выразились, сон — некрепкие узы для Крона. Они добавляют, что вокруг него — много божеств, его приближенных и слуг».

Этот миф важен с нескольких точек зрения. Во-первых, он относится к «островам вокруг Британии», некоторые из них названы по именам божеств и героев. Например, так названы острова Мэн и Скай. Но некоторые были необитаемы. Почему? По всей вероятности потому, что в тот период имели место вулканические или сейсмические процессы, уже описанные в вышеупомянутом фрагменте. Островитяне верили в то, что эти шторма и извержения связаны некоторым образом с мертвыми, то есть с теми, кто проживал на Западе. Далее идет намек на Крона, заключенного в тюрьму на еще более отдаленном острове «с Бриаром, охраняющим его, когда он спит». Здесь Рхис справедливо отмечает параллель со сном Артура на Аваллоне, острове, как я уже сказал, бывшем, по всей вероятности, самой Атлантидой. Ненний также описывает, как Бенлли, гигант, боролся со святым Германом и был вместе со своим двором испепелен небесным огнем. Бенлли тоже связан с островом Инис-Бенлли, или Бардсей, на котором исчез Мерлин в своем доме или в стеклянном корабле. И этот остров также отождествлялся с Аваллоном.

Таким образом, мы находим все больше и больше деталей рассказа Платона об Атлантиде, продублированных в британских легендах, — веру в погружение морского острова, расположенного на Западе, его разрушение наводнением, вулканической или сейсмической стихией, его город, построенный в некоем специфическом стиле, и наличие религиозного культа, связанного с рогатым скотом. Напрашивается вывод, что беженцы или эмигранты с Атлантиды, хорошо знакомые с этими обстоятельствами, должны были когда-то завещать их британской земле и что впечатление от большой катастрофы, которая случилась с их предками на Атлантическом континенте, столетиями оставалось неизменным, приобретая при этом литературное и религиозное значение, которого простая легенда никогда не могла достичь.

Изучение ирландских преданий также показывает, что многочисленные воспоминания об Атлантиде хранятся и там. Фомориане из ирландской легенды были домну, или людьми глубокого моря, или фоморами, людьми Подморья — страны, которая погрузилась ниже волн. Подобно титанам, они были гигантского роста и тоже воевали с богами — Племенами богини Дану (Туата де Данан).

Фениан, другое древнее ирландское племя, предание связывает областью около Геракловых столпов. Фений Форса, их предок-эпоним, был отцом Ниала, который женился на Скоте, дочери египетского фараона. Фений и его клан были высланы из Египта из-за отказа участвовать в преследовании детей Израиля и временно остановились в Африке, где провели сорок два года. Они путешествовали через Ханаан «среди алтарей филистимлян», позже

прошли Русикаду и холмистую землю Сирии, пока не прибыли в Мавританию, и прошли далее до Геракловых столпов, а после переселились в Испанию.

Миль, лидер милесвианцев из Испании, Туата де Данан, был с его людьми отправлен на заморский рай на западе, описываемый по-разному. Например, как «Земля Обетованная», «Равнина Счастья», «Земля Молодых» и «Остров Бреасала». «Кельтская мифология, — говорит Сквайр в „Мифологии Британских островов“, — полна красотами этой мистической страны, и легенда эта никогда не умирала. Хи-Бреасал появляется на древних картах как действительно существующая земля снова и снова».

Роман «Судьбы детей Туренн» переполнен очевидными намеками на легенду об Атлантиде. Сыновья Туренн были обязаны за убийство Киана добыть кое-какие волшебные предметы и, отправившись в море на лодке Мананнана, прибыли сначала в сад Гисберна (Гесперид), где приняли облик ястребов и похватали золотые яблоки, которые росли там. После других приключений они приземлились в царстве Асола, короля Золотых столбов, от которого они получили семь волшебных свиней. Судя по всему, это были Геракловы столпы.

Легенда о разливе вод Лох-Нея уже упоминалась нами как почти точно совпадающая с уэльским рассказом о Сеитеннине, но в саге «Путешествие Майлдун» упоминается множество волшебных островов в Атлантике, и это едва ли может быть понято иначе как память народа об атлантической группе островов. Одним из первых островов, с которыми столкнулись Майлдун и его спутники, был «Террасный остров Птиц». Это был «большой, высокий остров, со всех сторон окруженный террасами, возвышавшимися одна над другой», населенный множеством птиц с ярким оперением, «увенчанный террасами остров в форме щита». «Атлантиды, дочери Атласа, стали, согласно Диодору, созвездием Плеяд, а согласно другим классическим авторам — птицами. Высота острова и его террасный характер напоминает легенду об Атлантиде.

На «широком, плоском острове» Майлдун и его компаньоны обнаружили «широкий зеленый скаковой круг», который морской народ использовал для конного спорта. Платон сообщает нам, что большой ипподром существовал и в Атлантиде. Затем они прибыли на остров Яблок, напоминающий остров Гесперид, а также на остров, окруженный Великой стеной, и утром третьего дня еще на другой остров, который был разделен на две части стеной из меди, проходящей по его середине. С обеих сторон стены было скопление овец; и все на одной стороне были черны, а на другой белы. Очень большой человек (несомненно, Циклоп) пас их. Следующим был высокий остров, разделенный на четыре части четырьмя встречающимися в центре стенами. Первая стена была из золота, а другие были из серебра, меди и хрусталя. «Остров Больших Кузнецов» также напоминает о циклопах, и «Страна Ниже Волн», по-видимому, предоставляет окончательное доказательство, необходимое для принятия теории, что сага в целом — не что иное, как память народа о легенде Атлантиды.

Иберийцы, которые, вероятно, всегда были большинством в Ирландии, конечно же являются азилийцами в современном виде. Ими же были в действительности и фомориане — люди «под морем», — народ, искушенный в волшебстве и тайном знании.

«Вечное сражение между богами, детьми Дану, и гигантами, детьми Домну, — говорит Сквайр, — отражало в сверхъестественном мире бесконечную войну между вторгающимися кельтами и сопротивляющимися иберийцами».

Важно еще и то, что Племена богини Дану (Туата де Данан), другая ирландская народность, считалась прибывшей с «южных островов Мира». Они проживали в четырех больших городах, где изучали поэзию и волшебство, — Финдии, Гории, Мурии и Фалин, откуда они и принесли в Ирландию свою странную культуру и некоторые реликвии, в том числе — Лиа Файл, или Камень Судьбы (не тот, что в Вестминстере, как все считают, но тот, который все еще стоит в Таре). То, что эти города в действительности существовали, представляется вполне вероятным. Вряд ли люди специально придумали бы названия для областей, где они проживали столетиями.

Много народных воспоминаний об островной родине в Атлантике найдены и в ирландском фольклоре. Легенда о святом Брандане из книги Лисмора сообщает, как Брандан, основатель монастыря Клонферт, живший в VII столетии, молился об открытии его очам «скрытой земли», и древняя легенда уверяет нас, что он блуждал вверх и вниз по побережью Керри «в поисках преданий о Западном континенте». Он не мог бы искать его там, если бы не

имел уже некоторого подозрения о его возможном присутствии в этом месте. Плавая, он прибыл на остров, находившийся «под подветренной стороной горы Атлас», где и пробыл много лет.

Легенда об острове Хи-Бреасала часто посещала воображение ирландцев в течение многих столетий и была идентифицирована с Тир-нан-огом гэльской легенды.

Глава 9

ЛЕГЕНДЫ АТЛАНТИДЫ

Я так часто говорил о легендах Атлантиды, которые нашли отражение в Европе, Африке и Америке, что теперь вполне достаточно ограничиться простым резюме. Такое резюме, однако, очень важно для истории Атлантиды, которая была бы неполной без некоторых ссылок на обстоятельства, свидетельствующие о прежнем существовании острова-континента, сразу и в Старом, и в Новом Свете.

Сначала о легендах Атлантиды в Европе. Мы уже успели убедиться, как живучи они в Англии и в Ирландии, и ознакомились с греческими и другими воспоминаниями на эту тему. В Испании бытовала легенда об Антилии, или острове Семи Городов, прямоугольном участке суши, который снова и снова появляется на географических картах XIV, XV и даже XVI веков и который Тосканелли рекомендовал Колумбу как своего рода перевалочный пункт на полпути к Индии. Считалось, что Родерик, последний из готических королей Испании, нашел там убежище от мавританских завоевателей и, подобно Артуру, оставался на этом райском острове, пока Испания снова не вспомнила о нем. Некоторые авторы даже предполагали, что Антилия и была самой Атлантидой и что ее четырехугольная форма как раз совпадает с очертаниями Атлантиды, описанной Платоном. На это Гумбольдт заметил, что Платон приписывал эту форму только одной определенной части Атлантиды, а не острову в целом.

Римский историк Тимаген, популярный в I столетии н. э., сохранил для нас предания Галлии, в которых шла речь о захватчиках с затонувшего острова. Кельты Бретани, подобно своим британским соплеменникам, имели свою собственную версию истории Атлантиды, которая вылилась в легенду о затонувшем городе Йис, или Кер-ис, которым правил принц по имени Грэдлон. Узнав о грядущем морском затоплении, он хотел защитить свою столицу и соорудил огромный бассейн, чтобы направить туда весь избыток приливной воды. Этот бассейн имел секретный сливной шлюз, ключ от которого находился только у Грэдлона, но его злая дочь, принцесса Дахут, безудержно развлекавшаяся со своим возлюбленным, украла этот ключ, открыла ворота шлюза, и вырвавшийся наружу поток затопил город. Богатый город Йис, славившийся своей торговлей и искусствами, был расположен на том месте, где теперь находится Этан-де-Лаваль у пустынного залива Треспассес, хотя некоторые и полагают, что он теперь образует бухту Дуарнене. Ниже одной из этих водных равнин и располагался дворец Грэдлона с мраморными колоннами, кленовыми стенами и золотыми крышами, навсегда скрытый от человеческих глаз.

В городе Квимпер сохранялся странный обычай, навеянный легендой о Грэдлоне. Между башнями собора размещалась фигура короля на боевом коне, который спас его когда-то от наводнения. Во время французской революции этот памятник был поврежден, но позже снова восстановлен. Считается, что именно Грэдлон привез в Бретань виноградную лозу, и каждый раз в день Цесилии в его честь пели гимны и подавали статуе вино в золотом кубке. Кубок подносили к губам статуи, а затем его осушал до дна тот, кто подносил. После этого кубок бросали в ожидавшую внизу толпу, и поймавший его получал приз в размере 200 крон.

Подоплекой всех этих церемониальных действий, судя по всему, была древняя религиозная практика. Грэдлон известен еще также как Грэдлон Мюр, или «Великий», — так в кельтской мифологии именовали только богов. Действительно, он очень похож на Посейдона, который считался первым объездчиком лошадей, Посейдона, который научил людей ездить верхом. Он, как и Грэдлон, всегда изображался верхом на коне или же на запряженной колеснице. И дворец его тоже очень напоминал собой дворец в Атлантиде и был таким же образом украшен. «Прочная плотина защищала его от океана». Там были и ворота, открывавшие и преграждавшие путь к морю точно так же, как и в Атлантиде. И люди в его городе были наказаны за свои злодеяния подобным же образом — затоплением их земли. Да и само название города — Йис, или Иис, напоминает в латинской транскрипции слово Атлантида — (Atlant-is).

Действительно ли существовала когда-либо земля, начинавшаяся от побережья Франции, где находился легендарный город Йис? Летом 1925 года мир был удивлен, узнав о вероятном

существовании земли, начинавшейся непосредственно от этого побережья. Я привожу здесь лучший отчет об этом открытии, который смог найти в «Нью-Йорк таймс»: «Через несколько лет Франция может обнаружить, что ее территория заметно расширилась, если сообщение французского офицера, командующего армейским транспортным судном „Лоре“, о значительном подъеме океанского дна будет подтверждено официальным исследованием.

В своем докладе лейтенант Корне отмечает, что, когда его судно «Лоре» шло от мыса Ортегаль к Рошфору, он заметил необычные волны, характерные для отмели, и это в то время, когда они были в сотне миль от берега в центре Гасконского залива.

Сверившись с картами и проверив местоположение судна с помощью секстанта, лейтенант определил, что глубина океана в этой области должна быть где-то между 4000 и 5000 метров. Тогда он решил проверить эти данные с помощью эхолота и на протяжении 50 миль обнаружил глубину, достигавшую всего лишь каких-нибудь 34 — 50 метров. Лоцман судна также сверился с показаниями приборов и взял пробы с океанского дна, которые содержали песок, гальку и гравий.

Военно-морские офицеры полагают, что повышение дна, если таковое вообще имело место, произошло в результате японского землетрясения в 1923 году и приливно-отливной волны в Пенматче в Бретани 23 мая. М. Фичот, начальник гидрографической службы французского военно-морского министерства, более консервативен в своих заявлениях. Он считает, что наблюдения лейтенанта достойны тщательного изучения, хотя навигация в заливе все равно возможна и при меньшей глубине. Он говорит, что в Гасконский залив будет срочно послана военно-морская комиссия, чтобы проверить полученные сведения и определить размер и местоположение подводного плато.

Он не верит в то, что из воды появится новый участок суши, хотя характер образования волн на обсуждаемом участке является общеизвестным признаком подводной отмели. Он считает, что точно определить степень произошедших изменений будет трудно, поскольку карты этого района очень старые и, возможно, изначально не слишком точно составлены. Он вообще находит существование такого плато в Атлантике маловероятным.

Местоположение подводного плато, по определению лейтенанта Корне, имеет координаты 45 градусов 7 минут северной широты и 3 градуса 57 минут западной долготы, это примерно та самая широта, на которой расположен город Бордо, и та же долгота, где стоит Брест. И находится оно в 160 километрах от ближайшей точки французского побережья».

На последующий запрос не было ответа о результатах работы комиссии, посланной в Гасконский залив, если вообще туда кто-либо отправлялся.

Легенда о Дардане, которого наводнение настигло в Самофракии, местами очень напоминает описание наводнения в Атлантиде. Уроженцы Самофракии, согласно Диодору Сикулу, утверждали, что море вздыбилось и захлестнуло водой большую часть равнинной территории острова, и спастись удалось только тем, кто успел подняться в горы. В память о своем спасении от потопа они установили по всему острову памятные знаки и устроили алтари, где продолжали приносить жертвы богам на протяжении многих последующих поколений. Спустя столетия рыбаки вытащили в своих сетях каменные капители колонн, красноречиво свидетельствовавшие о существовании городов, утопленных в глубине окружающего моря. Миф о Девкалионе и наводнении представляет интерес для студентов, изучающих Атлантиду, и не только потому, что это миф о затоплении, но также и потому, что он имеет аналогию в американской легенде. Согласно Лукиану, Девкалион был Ноем греческого мира. «Я слышал в Греции, — говорит Лукиан, — что говорят греки о Девкалионе. Они утверждают, что существующая раса людей — не первое, полностью погибшее, а второе поколение, — потомки Девкалиона, во множестве расплодившиеся. А о тех, прежних, людях они говорят так: они были наглыми и склонными к несправедным действиям; они не уважали обеты, не были гостеприимны с чужестранцами, не внимали просителям; и все это, вместе взятое, зло и было причиной их гибели. Земля вдруг низвергла на них громадные потоки воды, прошли большие дожди, вышли из берегов реки, и море поднялось на невероятную высоту.

Все стало водой, и все люди погибли. Пощадили только Девкалиона, а благодаря благоразумию и благочестию он был оставлен, чтобы стать прародителем второй расы людей. Вот каким образом он был спасен: он вошел в большой ковчег, и, когда он был уже внутри,

туда вошли попарно свиньи, лошади, львы, змеи и все другие существа, жившие в то время на земле. Он принял их всех, и они не причинили ему никакого вреда, поскольку боги сотворили между ними дружбу с тем, чтобы они все плыли в одном ковчеге, в то время как кругом была одна вода».

Девкалион спасся на маленькой лодочке вместе со своей женой Пиррой. Оракул, с которым они советовались, велел им «оставить позади себя кости своей могущественной матери» (то есть камни земли). Повинуясь его воле, они обнаружили, что камни превратились в мужчин и женщин.

Теперь рассмотрим свидетельства американских преданий. Они так богаты, что это даже обескураживает — вероятно, их полнота объясняется значительно более поздним происхождением.

Индейцы муксогии сохранили миф о том, как из первобытного хаоса вод возник большой холм, Нунне-Чаха, на котором находилось жилище Эсаутетуф Эмиссее, «Хозяина дыхания», и он сотворил из глины людей и построил огромную стену, на которой разложил их сушиться. Затем он направил воды в специальные каналы. Холм, упомянутый в этом мифе, оказывается на поверку тем же самым, на котором Посейдон построил свое жилье в Атлантиде, а распределение вод очень похоже на то, как морской бог поделил на зоны море и землю.

Согласно мифам народов манебозхо или мичабо, великий бог алгонквинов, как рассказывается, «вырезал землю и море по своему вкусу», а у народа тавискара «бог по имени Хуронс направил потоки в спокойные моря и озера».

Но еще более поразительными кажутся аналогичные легенды некоторых индейских племен Южной Америки. Индейцы антис из Боливии и Северо-Западной Бразилии говорят, что мир подвергся большому наводнению, и люди были вынуждены искать убежища в пещерах. За ним последовали вулканические извержения, и человечество полностью погибло. Племя макуси из Аравакса сохраняет легенду о том, как люди, пережившие наводнение, повторно населили землю, превращая камни в людей, прямо как Девкалион и Пирра в греческом мифе. Индейцы таманакс тоже имеют подобную легенду, в которой рассказывается, как оставшиеся в живых бросали через голову плоды пальмы с острова Маврикий, от ядер которых появились потом мужчины и женщины.

Возможно, что самым «атлантическим» из американских мифов является миф народа мундруку, где повествуется, что бог Райми создал мир в форме плоского камня и поместил его на голове другого божества. Это, конечно, просто другой вариант греческого мифа, в котором рассказывается о том, как Атлас попытался освободиться от вечного бремени — небосвода, который он держал на своих плечах, попросив Геркулеса, чтобы тот подержал его вместо него. Карибы считают, что их древний предок, обладавший сверхъестественными способностями, засеял почву камнями, из которых выросли мужчины и женщины, что является еще одним вариантом Девкалионова мифа. Легенда народа окангуас повествует о великой врачевательнице, которая управляла «потерянным островом»; а индейцы племени делавер хранят легенды о гигантском затоплении и последовавшем за ним поспешном переселении народа.

У ацтеков Мексики много сказаний, которые хранят память о ранних катастрофических событиях. Согласно различным источникам, таких было четыре или пять. «Codex Vaticanus» утверждает, что «в первую эпоху солнца повсюду властвовала вода, пока не затопила весь мир». Эта эпоха продолжалась 4008 лет, и все люди превратились в рыб. Вторая эпоха продолжалась 4010 лет и закончилась с разрушением мира сильными ветрами и превращением людей в обезьян. Третья закончилась пожаром, а четвертая голодом.

Перуанский бог Париакака пребывал, подобно Посейдону, в горной местности, но люди оскорбляли его, и тогда он послал на них большое наводнение, так что их деревня была разрушена. Встретив однажды красивую девушку, Чок Сусо, которая горько плакала, он спросил о причине ее печали, и она рассказала ему, что их урожай маиса умирает от засухи. Он заверил ее, что оживит растения, если она подарит ему свою привязанность, и, когда она согласилась, он оросил землю с помощью каналов. Жену же свою он в конце концов превратил в статую.

Другой перуанский миф вспоминает бога Тонапу, который, рассердившись на людей

ямквисапа, живших в провинции Алла-суи, за то, что те так любили удовольствия, потопил их, превратив город, где они жили, в огромное озеро.

Жители этого региона поклонялись женской статуе, которая стояла на вершине холма Качапукара. Тонапа разрушил и холм, и статую, а сам исчез в море.

Эти перуанские мифы в деталях очень схожи с той частью рассказа Платона, в которой говорится об уходе Посейдона за Клейто и сооружении ирригационных каналов. Здесь тоже присутствует статуя жены бога, а сам бог описан исчезающим в море, что вполне по силам Посейдону. Наводнение, как мы снова видим, было вызвано людской злобой или же любовью к удовольствиям.

Легенды народа тупи-гуарани из Бразилии сохраняют память о предании, где описание катастрофы очень напоминает изложение Платона: «Монан, Создатель, Отец без начала или конца, творец всего, что существует, видя неблагодарность людей и их презрение к нему, который принес в их жизнь радость, отдалился от них и наслал на них *tama*, божественный огонь, который сжег все, что находилось на поверхности земли. Он пронесся над огнем так, что в одних местах поднял горы, а в других образовал глубокие долины. Из всех людей один Ирин Маге (тот, кто видит) был спасен, его Монан взял на небеса. И он, видя, что все на земле разрушено, говорил с Монаном так: «Ты уничтожишь также и небеса, и все, что на них? Увы! Где же будет впредь наш дом? Почему я должен жить один, не имея никого из себе подобных?» И тогда Монан сжалился над ним и ниспослал на землю сильный ливень, который затушил пожар и, низвергаясь потоками со всех сторон, образовал океан, который мы называем *partana*, или великие воды».

В своих «Мифах Нового Света» Бринтон относительно американской легенды о наводнении говорит следующее: «Имеется более чем достаточно свидетельств, способных продемонстрировать, насколько знакомы были рассуждения такого рода аборигенам Америки.

Ранние алгонквинские легенды не содержат рассказов ни о допотопном человеке, ни о каком-либо семействе, спасшемся от потопа... Нет ничего такого и у их соседей, индейцев дакота, которые хотя и твердо верят, что земля однажды была разрушена водами, но о том, что кто-то спасся, нет ни слова. Такого же мнения придерживались жители Никарагуа и народ ботокудос в Бразилии... У народности ашхошими из Калифорнии бытует сказание о всемирном затоплении, когда не смог спастись ни один человек... Однако чаще встречаются легенды, где говорится о том, что кое-кому удалось уцелеть после разгула стихии... взобравшись на гору или даже на дерево, на плоту или каноэ или же спрятавшись в пещере. Без сомнения, некоторые из этих легенд были изменены под влиянием христианского учения, но многие из них так связаны с местными особенностями и древними религиозными церемониями, что никакой беспристрастный исследователь не может точно назвать их источник... В традиционных знаниях красной расы не встречается никаких более общих племенных преданий.

Почти каждый древний автор в своей работе приводит одно или даже сразу несколько из них. У всех этих сказаний имеется одна общая схема, и изучать их удобнее в совокупности, нежели отдельно и подробно. Подавляющее большинство из них посвящено последней мировой катастрофе, причиной которой была вода. Встречается, правда, и несколько сказаний, где всемирное разрушение приписывается всеобщему пожару, которое пронеслось по земле, пожирая все живое, и спастись удалось только нескольким спрятавшимся в глубокой пещере... Да, между мифами о наводнении Азии и Америки наблюдается поразительное сходство. Особенность их еще и в том, что спасшимся всегда оказывается первый человек. И это общее правило, хотя и не без исключения. Но эти первые люди были обычно самыми высокими божествами, известными всей нации, единственными создателями мира и опекунами человеческой расы».

Миф микстеков, высоко цивилизованной расы Юго-Западной Мексики, как выясняется, также имеет четко прослеживаемую связь с Атлантидой. Вот что говорится в нем: «Во дни мрака и тьмы, когда не было еще ни дней, ни лет, а мир был хаос, погруженный в темноту, в то время, когда земля была покрыта водой, по которой плавали только слизь и пена, появились однажды бог-олень и богиня. Они имели человеческий облик, и силой своего волшебства они подняли из воды большую гору и возвели на ней красивые дворцы для своего жилья. Эти здания стояли в Верхней Микстеке, рядом с Апоалой (Местом Накопления Воды), и горой,

которая называлась „Место, Где Стояли Небеса“. Эти божества имели сынов-близнецов, и они все четверо были искушены в волшебстве. Боги-олени имели и других сынов и дочерей, но тут случилось наводнение, в котором многие из них погибли. Пока катастрофа закончилась, бог, которого называют создателем всего, сформировал небеса и землю и восстановил человеческую расу».

Здесь еще раз мы сталкиваемся с горой, близнецами, «накоплением воды», или каналами, и мужскими и женскими божествами, безмятежно живущими в замкнутом пространстве так же, как и Посейдон и Клейто.

Другой мексиканский миф повествует о том, как Тлалок — божество воды — поднял землю из вод затопления. На празднике Квайтлелоа ему в жертву приносились дети, которых топили. Его жена Чалчихуитлику представлена на картинке в манускрипте Обена стоящей в потоке, который несет мужчину, женщину и сундук с сокровищами, обозначающий *otocoa*, или «потерю собственности», — символ того, что «все будет унесено водой». Эта картина может быть понята как допущение катастрофического наводнения, имевшего место в цивилизованном мире. В «Codex Telleriano-Remensis» она представлена как «женщина, спасаемая после наводнения». Профессор Селер видит в ней богиню переменчивости человеческих дел, их быстрого крушения. Тлалок и Чалчихуитлику кажутся вполне сопоставимыми с Посейдоном и его атлантической супругой Клейто.

Тлалок, подобно Посейдону, является богом Моря, и его лицо с огромными клыками кажется похожим на моржа или на другое подобное ему морское животное. Его туника — «одеяние подобное облаку», его сандалии — символ морской пены. В его рай попадают после смерти утопленники — фактически все, кто погиб от воды. Мексиканские мифы о боге Кецалькоатле и его народе — тольтеках содержат весьма красноречивые воспоминания об Атлантиде. Торквемада в своей «Monarquía Indiana» описывает тольтеков как расу, облаченную в одежды из черного полотна, которая попала в Мексику посредством Пануко и обосновалась в Толлане и Чолуле. Руководил ими всеми один Кецалькоатль, человек с длинной бородой и румяным цветом лица. А люди его были способными ремесленниками, архитекторами и агрономами.

Мексиканский историк Икстлильксочитль передает свой рассказ о тольтеках, который удивительно похож на историю Платона об Атлантиде. Он сообщает нам, что город Толлан был местом великолепных дворцов и храмов, короли которых были поначалу мудры и благоразумны, но позже предались распутству и расточительным привычкам. Провинции восстали, и боги разгневались и на короля, и на народ из-за их эгоизма и любви к удовольствиям. Город посетили чередующиеся с жарой морозы, в результате погибли зерновые культуры, растаяли камни, а начавшийся мор довершил крушение. Очевидно, что никакие такие события не могли произойти на мексиканской земле, где редко бывает мороз, и кажется вполне вероятным, что эта история является воспоминанием о катаклизме в каком-то другом далеком месте и что тающие камни говорят о сейсмических или вулканических явлениях. Этот древний рассказ, хранимый в памяти мексиканского народа, похоже, просто приспособлен, чтобы объяснить упадок тольтеков.

Другие мифы, которые образовались вокруг бога или культурного героя Кецалькоатля, также имеют отношение к Атлантиде. Этот персонаж считался предводителем тольтеков, пришедших в Мексику, так же как и майя, из Центральной Америки. Самый полный рассказ о Кецалькоатле приводит Сахаган, который описывает процветание толланов во времена его правления. Он принес с собой культуру, дворцы его поражали великолепием, а урожай кукурузы в его время был огромен. Но местные колдуны напустили на него ветер, который пробудил в нем сильное желание возвратиться домой, в Атлантику, откуда он и прибыл. Маги предупредили его, что он должен возвратиться морем, что он и проделал на плоту из змей.

В «Telleriano-Remensis» о Кецалькоатле говорится следующее: «Говорят, что Кецалькоатль — тот, кто создал мир. И ему даровали имя бога Ветра, потому что Тонакатекутль, когда ему этого захотелось, подышал и породил Кецалькоатля... Видя признаки четырех землетрясений, они устроили праздник в честь разрушителя и той судьбы, которая снова ожидала мир: поскольку они говорили, что земля уже подверглась четырем разрушениям, а это значит, что мир будет снова разрушен. И только он один имел человеческое тело,

подобное другим людям. Другие же боги имели бестелесную природу. После наводнения и зародилась традиция жертвоприношений... Они называли его „Один Кейн“, или звезда Венера, о которой у них есть сказание. Тлаурикалпан Текулти — это звезда Венера, первый свет, сотворенный перед наводнением. Эта звезда — Кецалькоатль».

Переводчик подобного документа «Codex Vaticanus A.», пишет: «Это был он, как говорится, тот, кто учинял ураганы, и, по моему мнению, это был бог, который назывался Циталадуали, и именно он разрушил мир ветрами... Сын девственницы, Кецалькоатль, зная, что грехи людей были непереносимой причиной неприятностей в мире, вознамерился спросить богиню Чальчиуитликуэ, кто она такая, что смогла пережить наводнение, взобравшись с мужчиной на дерево (ковчег), не мать ли божества Тлалока, которую они сделали богиней воды, чтобы иметь дождь, когда он им потребуется... О Кецалькоатле сообщается, что тот, продолжая свое путешествие, достиг Красного моря, которое называли Тлапаллан, и после этого его больше не видели и не знали, что с ним случилось... Говорят, что именно он произвел преобразование мира наказанием, поскольку с тех пор, как, согласно его словам, отец его создал мир, и люди поддались грехам, и пошли все разрушения. И Цитинатонали послал своего сына в мир, чтобы тот преобразовал его... И был большой праздник по этому поводу, как в случае с четырьмя землетрясениями, потому что люди боялись, что мир будет разрушен в тот день, когда он исчезнет в Красном море, что и произошло как раз в один из тех знаменательных дней».

Теперь эти отрывки красноречиво говорят нам о связи Кецалькоатля с легендой об Атлантиде. Его имя также связывают с океанским регионом к востоку от Мексики, с катаклизмом или землетрясением, с рассказом о наводнении и с архаичной легендой, что мир был разрушен из-за людского зла. Легенды майя представляют еще более поразительные ассоциации с легендами Атлантиды.

Древняя книга, написанная на языке майя и уничтоженная Нуньезом де ла Вега, но в то же время процитированная им, сообщает, как Вотану (Кецалькоатлю) повелели отправиться в Мексику, чтобы привнести туда цивилизацию. С этим намерением он оставил землю Валум-Чивим и, прибыв в Центральную Америку, основал город Паленк. Он несколько раз посещал дом своих предков и оставил записи о своих путешествиях в храме около реки Хухутан, известной как «Дом Темноты», которые, по его собственному заявлению, обнаружил Нуньез де ла Вега, посетив Хухутан в 1691 году¹⁹.

То, что такая цивилизованная раса, о которой говорится в легендах, действительно прибыла в Центральную Америку, доподлинно известно. Майя появились в том регионе приблизительно за двести лет до н. э., будучи полностью развитой цивилизацией, на что, должно быть, ушли целые столетия. И нет никаких признаков того, что она развивалась изначально на американской земле, так что мы вынуждены предположить, что это происходило в каком-то другом месте. Одно это предположение уже делает легенду о поселении Кецалькоатля в Центральной Америке вероятной. Более того, влияние Атлантиды в мифе о Кецалькоатле просматривается вполне ясно. Архитектура толлан, как она описана Икстлилксоцитлем и другими, имеет поразительное сходство с архитектурой Атлантиды, как она описана у Платона, в обоих рассказах приведены сейсмические или катастрофические обстоятельства, отмечена и греховность жителей обоих регионов, что весьма существенно.

Отцом Кецалькоатля был Циталлатонали, в честь которого его сын создал специальный культ. Он представлен *cipactli*, драконом или китом, от которого была сотворена земля и который поднялся из моря. В мифах майя его называют «старой змеей, покрытой зелеными перьями, которая лежит в океане». Мать Кецалькоатля звалась Цитлаллиник, или Коатлик. Это имя очень похоже на Клейто — имя девушки, на которой женился Посейдон и которая родила ему Атласа и других сыновей.

Кецалькоатля можно с полным правом сравнить с Атласом. В нескольких произведениях мексиканского искусства он представлен как земледержатель, в частности в статуэтке,

¹⁹ Полное исследование мексиканских сказаний о Кецалькоатле можно найти в моей книге «Атлантида в Америке», глава 3, и в моем исчерпывающем исследовании о нем «Боги Мексики».

найденной в Мехико, в Чичен-Итца, а также и в других местах. В этих скульптурах он изображен держащим землю и небо над ней на своей голове, и доктор Й. Н. Спинден, признанный авторитет по археологии майя, назвал в своем описании эти фигурки «атлантическими» из-за их подобия греческим кариатидам с Атласом. Как и Атлас, Кецалькоатль тоже был близнецом, и составляющая часть его имени — *коатль* — имеет сразу два значения: «змея» и «близнец».

Тот факт, что Кецалькоатль периодически возвращался в свой родной дом, очевидно, подразумевает, что остров еще не был к тому времени полностью погружен, но периодически случавшиеся катаклизмы сделали жизнь там настолько нестабильной, что правящие классы всерьез рассматривали возможность переселения в какое-либо другое место. Подобное состояние дел отметил и профессор Й. Макмиллан Браун в своей работе «Загадка Тихого океана», где он ссылается на поселение Хоту Матуа, героя с затонувшего региона в Тихом океане, выше острова Пасхи. В этом свете кажется вполне вероятным, что Кецалькоатль со своим народом были иммигрантами с Антилии, западной части континента Атлантида, который, я думаю, надолго пережил его восточную часть, или, собственно, Атлантиду. Более полно, как я уже упомянул, я изложил миф о Кецалькоатле в другом месте.

Таким образом, можно сказать, что рассказ Платона об Атлантиде ни в коем случае не стоит особняком, а имеет много аналогов в европейских и американских мифах; и эти мифы были порождены действительными колониальными переселениями в ряде регионов, где они процветали. Мы убедимся в этом, когда будем рассматривать вопрос о колониях Атлантиды.

Глава 10

ЖИЗНЬ В АТЛАНТИДЕ

Принимая во внимание все вышеизложенные факты, мы теперь в состоянии сделать вывод, который позволит нам представить заслуживающую доверия картину жизни на Атлантиде в ее последнюю эпоху — ту, что предшествовала ее окончательному погружению в пучины океана. Мы уже собрали некоторую информацию относительно условий, имевших место в более ранний период, и должны теперь приблизиться к «реконструкции» сообщества, вероятно находившегося на том же самом уровне цивилизации, на каком была Мексика к моменту прибытия Кортеса, или Китай накануне европейского вмешательства, правда помня о том, что люди Атлантиды не были знакомы с металлами.

В течение столетий ландшафт острова-континента, должно быть, подвергался большим изменениям под влиянием народа, чрезвычайно хорошо приспособленного для освоения технического прогресса. Рассказ Платона говорит о каналах протяженностью более чем в тысячу миль и о дорогах, которые, очевидно, пересекали внутренние области Атлантиды. То обстоятельство, что страна была разделена на регионы и что каждый землевладелец по закону был обязан предоставить определенную квоту людей для армии и флота, ведет к предположению, что очень значительная часть земель была освоена и что на Атлантиде имелось довольно большое количество мореплавателей. Тем не менее едва ли может быть подвергнуто сомнению существование очень больших пустынных и незаселенных пространств и что в действительности большая часть острова была, по сути дела, тундрой, которая преобладала в Европе в рассматриваемую эпоху. Наличие большой горной цепи, должно быть, оказывало влияние и на сельское хозяйство, и на климат острова, и вполне вероятно, что Атлантида была частично покрыта густыми лесами.

Мы не имеем никаких сведений о других городах, за исключением столицы, но можем не сомневаться в том, что они существовали. Можно даже представить себе некий общий архитектурный стиль Атлантиды и из рассказа Платона и исходя из исследований англо-испанской школы археологии в Уэльве в Испании, на работы которой мы уже ссылались. Платон заявляет, что архитектурный стиль, столь любимый атлантами, был «варварским», а для грека это, конечно, означало «восточный». Он сообщает нам, что внешние стены большого храма Клейто и Посейдона были украшены серебром, его башенки блестели золотом и что крыша была украшена слоновой костью, золотом, серебром и орихалком или медью. Но ввиду того, что азилийцы совсем не знали металлов, такое описание конечно же вводит в заблуждение. Точнее будет положиться на результаты недавних испанских раскопок в Уэльве и определить тип архитектуры Атлантиды как «циклопический» — тип, с которым мы сталкиваемся в Микенах и в других местах.

Здания такого типа построены из больших кусков камня квадратной формы, плотно прилегающих друг к другу, но неравных по размеру. Огромные камни-монолиты обычно использовались для постройки ворот. Но термин «циклопический» также относится и к стенам, выложенным из многогранных блоков, которые во многих случаях были подогнаны с большим навыком и тщательностью. Этот вид каменной архитектуры встречается не только в Греции, но также и во многих местах в Этрурии и Америке, и не может быть никакого сомнения в чрезвычайной древности применяемого атлантами метода строительства.

Примеры этого специфического вида архитектуры мы находим во многих частях Европы и Азии, и в действительности кажется ясным, что все они — не что иное, как варианты древней архитектуры Атлантиды. Люди, перенесшие ее на европейскую почву, откуда она, вероятно, распространилась далее на восток, несомненно, были протоиберийцами, «средиземноморской расой» Серги. Самые первые участки, на которых были обнаружены образцы этой архитектуры, похоже, подтверждают их западное происхождение. Очевидно, что она не была перенесена с Востока на Запад, так как строители этих сооружений иберийцы происходили не из восточного региона Средиземноморья. То же самое можно сказать о грубых каменных монументах, которые обычно связывают с культурой иберийцев, — каменными кругами, менгирами и дольменами Англии, Франции и Пиренейского полуострова, брохами Шотландии, большими

каменными фортами Ирландии, нурагами Сардинии и похожими на них талаятами Балеарских островов. Известно также, что грубые каменные монументы Португалии практически все находятся вблизи Атлантического побережья и очень немногие внутри страны.

Я также показал в книге «Проблема Атлантиды», что общий архитектурный план столицы Атлантиды, как его описал Платон, был скопирован во многих местах. Хорошо известно, что основной план и очертания больших городов античности часто экспортировались в колонии. Многие города, как в Европе, так и в Африке, представляют собой копии с атлантической модели. Одна из таких наиболее выдающихся моделей — Карфаген, в плане почти идентичный архитектурному плану столицы Атлантиды. Действительно, и столица Атлантиды, и Карфаген представляли собой холм-цитадель, окруженный зонами земли и воды, имели канал, ведущий к морю, и мосты через эти зоны, укрепленные башнями. В обоих случаях доки были покрыты крышей, города были окружены тремя стенами и имели большие цистерны для снабжения питьевой водой и для ванн, и они охранялись большой морской стеной, скрывающей вход в гавань.

Этот круглый план — «острова внутри острова» — был довольно популярен в Западной Африке. Ханно, карфагенский путешественник, обнаружил подобный план в этом регионе, и, вне всякого сомнения, он встречается также в Америке, особенно это относится к древнему плану ацтекского города Мексики Теночтитлан, а также и к другим местам.

Возникает также вопрос о наличии пирамид на Атлантиде. Кажется маловероятным, что они могли там быть, но в то же время вполне вероятно, что пирамиды в Египте и в Америке являются лишь более поздним воспоминанием о священном холме Атлантиды. В раннем Египте, Мексике и Перу некоторые холмы считались особо священными обителями сверхъестественных существ. В Мексике гора считалась обителью богини изобилия, и в некоторых частях этой страны она была облицована камнем подобно египетской пирамиде, хотя в регионе, населенном строителями насыпи Миссисипи, она была сооружена только из одной земли.

Связь между мексиканскими пирамидами, сооруженными из камня, и простыми земляными холмами обнаруживается в насыпи, посвященной богине Коатлик, поблизости от Теокалли, или пирамиде ее сына, Уицилопочтли, в Мексике. Важные сановники захоранивались в этих пирамидах точно так же, как и в пирамидах Египта, которые, очевидно, тоже имеют своим прототипом образ священной горы. И действительно, некоторые из египетских пирамид были названы такими именами, как «Гора Ра», и другими подобными названиями.

Египетские и американские пирамиды имеют, таким образом, общую историю развития. Идея их сооружения должна была произойти из какого-то общего центра. Похоже, что они ведут свое происхождение от священного холма Атлантиды. Более того, пирамиды должны быть найдены и на Канарских, и на Антильских островах, замкнув, таким образом, связь в цепи между Европой и Америкой, в которой Атлантида является недостающим звеном.

Продовольственное снабжение Атлантиды было описано Платоном. Он утверждает, что остров производил множество корнеплодов, фруктов, винограда и зерна. Но в последнем пункте его поправил Диодор, утверждавший в своем описании острова Гесперия, который в этом случае должен быть отождествлен с Атлантидой, что зерно было неизвестно его жителям. Зерно, как часто считается, — дар Коры, или Деметры, богини плодородия острова Крит. Первоначально оно выращивалось именно в этой стране или же в Египте и происходило от сравнительно дикорастущей «травы», считающейся местной в Файюме и в Южной Палестине. Но его происхождение окутано непроницаемой тайной, и тот факт, что оно было тесно связано с элевсинскими мистериями и с таинствами Осириса, которые имели западные корни, можно считать убедительным свидетельством того, что оно произошло из Атлантиды, хотя догматизировать это утверждение было бы неразумно. Плод с твердой коркой, произрастающий в Атлантиде и предоставлявший и мякоть, и напиток, и масло, о чем уже упоминалось, был, очевидно, кокосовым орехом, или некой его разновидностью.

Продовольствие животного происхождения было представлено рогатым скотом, большими стадами овец и коз, а также рыбой. Великие равнины снабжали жвачных животных пастбищами, но маловероятно, чтобы в пищу также употреблялась конина. Лошадь, скорее

всего, была выючным животным. То же самое относится и к слону. То, что это животное использовалось в войне, весьма вероятно. Мы помним, что карфагеняне, воспринявшие много атлантических традиций, использовали боевых слонов против римлян и иберийских племен Испании.

Представление о костюме и платьях атлантов может быть основано только на рисунках, которые оставили после себя азилийцы. Эти одежды несколько напоминают автору костюмы критян минойского периода. На большинстве гравюр верхнего палеолита люди Европы наги, но человек Лосселя носит узкий пояс. Женщины на испанских картинах, однако же, обычно одеты в юбку, которая прикрывает тело, начинаясь выше талии и заканчиваясь чуть ниже колен, оставляя верхнюю часть тела обнаженной. Однако было бы неразумно на основании этих картин, демонстрирующих почти полную мужскую наготу, заключить, что она была универсальной или даже общепринятой. Жрецы носили церемониальные костюмы, как это замечено на примере танцующих фигур от Л'абри-Меже, — они носили кожи и маски животных, и то обстоятельство, что многие из мертвых были обернуты в кожи и кожаные безрукавки, на которых были нашиты ракушки, вполне оправдывает предположение, что и в жизни они носили подобные предметы одежды.

Головные уборы статуэток, найденных в Виллендорфе и Брасемпу, напоминают египетские, и множество людей на альпийских картинах представлены в украшенных перьями головных уборах, очень похожих на те, что до сих пор используются среди индейских племен. Другие показаны в высоких шляпах треугольной формы, мало чем отличающихся от шляп шотландцев, а некоторые женщины — в конических колпаках, сделанных, возможно, из кожи или меха. Некоторые изображены в украшенных перьями лентах, спускающихся ниже колена и вокруг лодыжек подобно масаям Юго-Восточной Африки. Вероятно также, что и мужчины, и женщины носили украшения из раковин и зубов, окрашенных или простых. Действительно, костюм азилийцев в некоторых чертах напоминает одежду ацтеков Мексики, а также и древних средиземноморских народов.

Атланты, очевидно, имели и литературу, и если это действительно так, то была ли она выражена в письменных документах или просто передавалась устно? Исходя из общих черт их цивилизации, а также и из других обстоятельств, любой склонится к мнению, что на острове процветала и письменная, и устная литература.

Мы уже видели, что так называемая алфавитная галька, найденная среди азилийских изделий, более чем вероятно имеет человеческие очертания, выраженные традиционно и символически, но это не противоречит тому, что более цивилизованные азилийцы Атлантиды обладали некоторой системой письма, иероглифического или пиктографического. То, что азилийцы Европы обладали чем-то, напоминающим символьную систему, само по себе неплохо доказывает, что их современники в Атлантиде продвинулись в использовании по крайней мере пиктографических образов, подобных тем, которые применяли ацтеки Мексики для счета дани, датировки религиозных праздников и даже для ведения исторических хроник, а также и для беллетристики. Платон, утверждая, что законы Атлантиды были выгравированы на колонне из орихалка, подразумевает, что некоторая система письма там существовала.

По этому поводу мы можем, надо полагать, привести мнение доктора Т. Рис Холмса, высказанное в книге «Древняя Англия»: «Многие что-то слышали об окрашенной гальке и фресках Ле-Мас-д'Азиль и других пещер в Западных Пиренеях, которые много лет старательно искал знаменитый археолог Эдуард Пиетте. На одном из объектов, найденных в пещере Лортет, — гравюре на роге северного оленя, изображающей северного оленя и лосося, — можно заметить две маленькие ромбовидные фигуры со штрихом в центре каждой из них. „Справедливо гордящийся своей работой, — говорит господин Пиетте, — художник добавил в конце свою подпись“. Возможно, это и так, другие исследователи выкопали из пещеры Плакат в Рошебертье и из пещер Ла-Медельен и Ле-Мас-д'Азиль рога с выгравированными знаками, которые в точности напоминают греческие и финикийские буквы и могут быть сравнены с подписями, найденными на островах Тихого океана. Эти подписи — не письмо, но символы; они не объединены таким способом, чтобы формировать слова или тексты. „Но, — говорит Пиетте, — будучи символами, они составляют своего рода примитивное письмо“. Истинное письмо же, судя по всему, присутствует на глиняном горшке из неолитического поселения в

Лос-Мурсьелагос в Португалии».

Если бы можно было доказать, что и этот фрагмент принадлежит к периоду неолита, то из этого бы следовало, что в том отдаленном времени искусство письма уже было известно по крайней мере одной ветви средиземноморской расы.

Если мы будем исследовать историю письма и символики в Европе и Америке, то обнаружим факты, указывающие на атлантическое происхождение некоторых элементов европейских и американских символов и глифов. В данный момент мы не утверждаем, что европейская алфавитная система имеет какое-либо другое происхождение, кроме финикийского с возможным египетским влиянием. Но мы же знаем, что все системы письменности начинаются с символики, и идентичность многих европейских, египетских и американских символов, используемых для нужд коммуникации, а также очевидная необходимость постулирования связующего звена между ними, находящегося где-то в Атлантике, требует тщательного рассмотрения.

Покойный Огюст ле Плонгеон утверждал, что установил полную идентичность египетского и центральноамериканского иероглифического письма. Но, будучи исследователем последнего и имея более чем поверхностное представление о подлинных текстах Египта, автор не склонен признать наличие какого-либо особенного сходства между египетским письмом, письмом майя или мексиканским письмом и не может согласиться с тем, как доктор ле Плонгеон перевел манускрипты майя. Подобие действительно существует, но при тщательном исследовании становится ясно, что оно лежит значительно глубже, чем полагал доктор ле Плонгеон, и заключается не в тех чертах, о которых он думал.

Кое-какие символы, описанные некоторыми антропологами как «тектиформы» или «крышеобразные», видны на изображениях бизона как в ориньякских пещерах, так и на рисунках индейцев равнинной Америки — и это хорошая отправная точка для подобной дискуссии, а заодно и доказательство связи между символами Европы и Америки. То, что мы не имеем здесь дела со случайным подобием, вполне очевидно; и это утверждение становится еще более обоснованным, если мы примем во внимание тот факт, что эти символы изображены на одной и той же части тела животного.

Макалистер говорит: «Некоторые из этих знаков или групп знаков были объявлены доказательством удивительной теории, что мадленский человек выработал форму знакового символического письма». И в самом деле, если изображения из Альперы и других мест что-то говорят исследователям, знакомым с происхождением пиктографической письменности, то их создатели были действительно на пороге открытия некой подобной системы. Эти изобретения ни на йоту не отличаются от основ пиктографического письма американских индейцев, австралийцев и эскимосов или же хорошо известного ацтекского повествования, называемого «Codex Nuttall», в котором жизнь героя подана в виде картинок, и среди них всего лишь несколько символов или имен появляются как «текст». В некоторых местах в наскальной живописи в Альпере можно увидеть точно такие же символы, как и на азилийской окрашенной гальке, что, соответственно, доказывает использование их в качестве символов и, вероятно, символов имен. Кроме того, более чем в одном месте имеются линии или штрихи, очевидно обозначающие числа, связанные с рассматриваемыми именами-символами. Более того, что касается «тектиформ», очевидна их связь с этими именами и цифрами, и эти цифры удивительно похожи на те, что использовали майя, чтобы отобразить число «пять». Вся сцена целиком, как я полагаю, является не только записью великой охоты, но также и имен участвовавших в ней героев, равно как и числа убитых зверей.

Практически идентичные символы, характерные для азилийского искусства, можно обнаружить в пиктографической письменности племен североамериканских индейцев на приложенных мной иллюстрациях. Символы американских индейцев, несомненно, связаны с более условной системой письменности мексиканцев и майя, подобно тому как азилийская система, с другой стороны, связана с системами Египта и Вавилонии. Мы не можем прийти к другому выводу, кроме как признать, что ранние пиктографические символы Старого и Нового Света произошли из одного общего источника и, вероятно, в атлантической области. Отрицая это, мы должны предположить, что либо символы Старого и Нового Света имели различное и случайное происхождение, либо эти азилийские символы достигли Америки через Азию.

Первое предположение теперь полностью отклоняется исследователями символов по той очевидной причине, что человек ни в коем случае не «животное» и что символические подобию обычно слишком точны, чтобы быть случайными. Второе предположение столь же слабо, потому что мы находим, что все продвинутые системы пиктографического письма в Америке применяются на восточной стороне континента, и только их современные изломанные или выродившиеся остатки — на западных побережьях.

Обсуждая эти данные, приходишь к выводу, что символическая система живописи, использовавшаяся раньше и в Европе, и в Америке, должна была происходить из некоторой области, откуда она могла быть легко сообщена обоим. Такая область могла существовать только в Атлантическом океане. Действительно, как я уже показал в другой книге, значительная часть символов майя имела определенное отношение к легенде о катаклизме. Кроме того, эти символы теперь известны исследователям как «калькулиформы», или «имеющие форму гальки», и очевидно, являются производными от окрашенной гальки подобно письму азилийцев.

Таким образом, нет причин отрицать атлантическое пиктографическое письмо, по крайней мере, в его элементарной форме, а возможно, и довольно высокоразвитого, как, например, та система письма, которая содействовала целям коммуникации в великой и обширной ацтекской империи. Несомненно, у них были также светские и религиозные тексты, вырезанные на камне или написанные краской на стенах пещеры. Как мы уже видели, Канарские острова изобилуют пещерами, «где, по словам Осборна, — потолки были покрыты однородным слоем красной охры, в то время как стены были украшены различными геометрическими узорами красного, черного, серого и белого цвета». Рене Верно, известный французский антрополог, описывает их так: «Все стены (в гроте Гольдар) украшены рисунками». Таким образом, древние люди, жившие в последнюю эпоху Атлантиды обладали своей собственной системой символов. Вся символика — просто этап на пути к письменному выражению, и рисунки — такие же мысли, изображенные подобно словам или напечатанным страницам. Вряд обитатели этих пещер — пастухи или охотники — по своему культурному уровню могли сравниться с жителями столицы Атлантиды, подобно тому, как пастухи Вогеца не могут сравниться с *literati* Парижа, а ковбои Дикого Запада с интеллектуалами и учеными Бостона или Нью-Йорка.

Относительно манер и этики людей Атлантиды мы можем говорить с большей уверенностью. Все авторитеты античности в один голос заявляют, что они ни в коем случае не были достойны похвалы. Платон, в сущности, довольно мрачно описывает нравы детей Посейдона. Но мы должны помнить, что его отношение в чем-то предвзято, поскольку он, очевидно, пытался сделать из Атлантиды врага своего родного государства — Афин и настроить одну страну против другой, показать, что дети Посейдона, потомство довольно неприятного морского божества, ни в коем случае не были ровней людям Афины Паллады ни в нравах, ни в храбрости.

Есть, однако, и другие серьезные основания считать поздних атлантов людьми далеко не невинными. Как я сказал прежде, кажется вполне вероятным, что Атлантида дожила до значительно более позднего времени, чем указывает Платон, и если это в действительности было так, то мы имеем период, в течение которого люди Атлантиды, возможно, продвинулись от сравнительно варварского состояния, несомненно бывшего их отличительной чертой в азилийские времена, к намного большей социальной сложности, чем было в то время возможно.

Если это так, то вторжение на земли соседей говорит о нездоровье их общего настроения. Жестокое развлечение бычьей травли, которым они баловались, не позволяет нам представить себе ничего, кроме картины зверства, полутона которой плохо гармонируют с приписываемой им культурой.

Возможно, что грехи, обычно приписываемые «допотопному человеку» в Священных Писаниях многих народов, являются на самом деле памятью о скандальном поведении атлантов, которые также погибли в результате наводнения? Священные Писания говорят нам, что божественная или небесная раса стала развращенной через смешение с земными жителями. «Сыновья Бога (или цивилизованная раса) увидели дочерей людей (аборигенов) и узрели, что они были красивы; и всех, которых они выбрали, они взяли себе в жены». Это было точно то, что сделали Посейдон и его сыновья. Были также, как сообщают нам Писания, «гиганты

(титаны) на земле в те дни». Столько зла сделали эти люди, что Создатель решил их уничтожить.

В 71-й главе Корана Ной читает молитву, в которой ясно показано, что, согласно мусульманским преданиям, «допотопная раса» погибла из-за своих грехов.

«Господь, да не пощади ни одного семейства из неверующих на земле, поскольку, если Ты оставишь их, они совершат твоих подданных и не породят ничего, кроме злого и неверующего потомства». Но эта молитва на самом деле была произнесена Ноем только после того, как он нашел, что допотопный человек в действительности был порочным и неисправимым в течение всех 950 лет, на протяжении которых Ной, как считается, испытывал его. Ной также воскликнул: «Господь, прости мне и моим родителям, и каждому, кто должен войти в мой дом, и воздай неправедному только разрушение». Объясняя эти слова, восточные комментаторы Корана расходятся: некоторое считают, что Ной упомянул здесь свой собственный жилой дом, а другие относят их к храму, который он построил для поклонения Богу, или к ковчегу, находившемуся тогда в пути.

Коран подтверждает, что Ной, сооружая ковчег, часто отвечал насмехающимся неверующим следующими словами: «Хотя вы насмехаетесь над нами теперь, мы будем насмехаться над вами в будущем, поскольку вы насмехаетесь над нами; и вы должны знать о том, на кого падет наказание, кто покроет вас позором, и еще о том, на кого должно пасть наказание длительное».

В вавилонской эпосе «Гильгамеш» бог Эа сердится на греховность людей шуруппак и устраивает такое бедственное наводнение, что «ни один континент не появился над водами». Греческий миф о Девкалионе гласит, что допотопный человек «был нагл и погряз в неправедности; он не соблюдал клятв и при этом не был гостеприимным к незнакомцам, не слушал просителей; и это зло было причиной его уничтожения. Внезапно земля излила огромное количество воды... и все люди были погребены под ней». Овидий, в его латинском рассказе о наводнении, заставляет Юпитера сказать следующие слова: «Потребовалось бы бесконечное время, чтобы повторить те тяжкие грехи, которые появились тогда всюду». Египетская легенда гласит, что бог Тем выпустил воды из первобытной пропасти на землю, чтобы уничтожить человечество за его зло.

Вишну в индусском мифе посылает наводнение на землю, потому что «все существа оскорбили его». В бретонской легенде город Йис был разрушен водами из-за развратной его принцессы, «которая гордилась своими пороками и свершила вдобавок семь смертных грехов». В мифе индейцев племени аравак бог Аимона Кондиа бичует мир пожаром, сопровождаемым наводнением, за все грехи человека. Другие бесчисленные мифы говорят о потоплении рода человеческого за его злодеяния. Возникновение столь широко распространенного мифа без некоторой определенной причины кажется почти невероятным. Гораздо более вероятно, что в основе этой универсальной легенды лежало фактическое историческое событие.

Не менее ценное свидетельство дано нам из Америки. Это миф об уничтожении грешников, переданный Джереми Куртином в его «Мифах о сотворении в первобытной Америке», который в устах американских индейцев звучит следующим образом:

«Был мир, существовавший прежде того, в котором мы сейчас живем. Это был мир первых людей, которые совершенно отличались от нас. Те люди были очень многочисленны, настолько многочисленны, что, если бы посчитали все звезды на небе, все перья на птицах, все волосы и мех на животных — их все же было бы меньше, чем первых людей.

Эти люди жили очень долго в мире, согласии, гармонии и в счастье. Никто не знает, и никто не сможет поведать, как долго они так жили. Наконец, рассудок всех, кроме очень малого числа, помрачился. Они начали враждовать — один оскорблял другого, сознательно или неосознанно, один вредил другому, намеренно или нет, один хотел некую вещь, другой хотел то же самое. Возникла вражда, и пришло время борьбы, в которой не было ни конца, ни остановки, пока бесчисленное множество первых людей — все, кроме малого числа, — были превращены в то, что есть на земле теперь или когда-либо было на ней, то есть в разных зверей, птиц, гадов, рыб, червей и насекомых, а также и в деревья, растения, травы, камни и некоторые горы. Они превращены во все, что мы видим на земле или на небе.

Жалкая горстка прежних людей, которые не ссорились, — тех великих первых людей

старого времени, не затронутых падением нравов и сохранивших гармонию, оставили землю, поплыли далеко на запад, пересекли ту линию, где небо сходится с землей и касается ее, и приплыли в места, лежащие по ту сторону; остались там или пошли в гористые области и жили там счастливо, жили в согласии, живут так сегодня, и будут жить так же в будущем».

Конечно, такая всеобщая память о греховности атлантов не может быть случайной игрой воображения. В случае с Атлантидой мы имеем дело с миром, погруженным в морскую пучину из-за его пороков. Это, как мы увидим впоследствии, позволяет говорить о доплатоническом свидетельстве истории Атлантиды.

Глава 11

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА АТЛАНТИДЫ

Платон очень подробно описал тип правления, которое было в Атлантиде. Он рассказал, что каждый из двенадцати царей Атлантиды был сувереном на своем собственном острове, но, что касается их политики, они были абсолютно едины и просто выполняли установления древних правителей Атлантиды, выгравированные на колонне из орихалка в храме Посейдона. Это напоминает о законах Мидаса и персов, которые, как мы помним из Книги Царей, были неизменны. Совсем не удивительно, что законные учреждения людей на ранней стадии развития общества неизменны, и это, конечно, указывает на то, что они были дарованы богами и изменять их считалось нечестивым поступком.

Все, что хоть как-нибудь напоминает строго установленный неизменный закон, делает невозможным для государства любое значительное продвижение как в политической сфере, так и в экономической, и такое положение вещей, должно быть, имело место и в Атлантиде. Но вряд ли единообразие законодательства двенадцати провинциальных островов и материка могло постоянно сохраняться неизменным. Несомненно, они все были достаточно близко расположены друг к другу, чтобы могло возникнуть сильное различие, но вполне возможно, что собрание царей в храме Посейдона раз в шесть лет происходило именно для того, чтобы сравнить их воспоминания с кодексом, записанным на столбе из орихалка. Главная причина этой конференции, должно быть, состояла в рассмотрении дел атлантидской империи в целом, и сам факт того, что она проводилась с такими длинными интервалами, свидетельствует о том, что расстояние между составляющими ядро этой империи островами не могло быть очень большим. Хотя, с другой стороны, можно было бы возразить, что такой длительный промежуток между собраниями, наоборот, предполагает очень значительное расстояние между несколькими группами островов архипелага.

Мы видим также из рассказа Платона, что государство Атлантида было тесно связано с ее религией и, должно быть, имело религиозный характер и что цари были также жрецами или иерофантами. Их «парламентом», однако, был храм Посейдона, и, поскольку законы были приняты не ими, им не требовалось обсуждать их во время собраний. Их «конституция» в одном специфическом моменте, похоже, предвосхищает конституцию Соединенных Штатов Америки — в том, где говорится, что нескольким государствам не разрешено братья за оружие друг против друга.

Военное лидерство, равно как и религиозное, по праву принадлежало детям Атласа. Правление страной, очевидно, базировалось на феодальных принципах, и кажется действительно значимым возникновение феодальной идеи и феодального устройства в странах, которые были первоначально колонизированы Атлантидой. Страна была разделена на округа или области, каждая из которых имела площадь приблизительно в 12 миль, и каждая снабжала армию. Аграрные районы поставляли в целом 60000 человек, но гористая часть страны и внутренние районы, как нам говорят, поставляли бесчисленное количество солдат. Как мы уже видели, каждый округ должен был поставить воинов: кавалеристов, пехотинцев, лучников, камнеметателей, матросов. Здесь также особо упоминается, что отряды с подобным соотношением отправлялись только от центрального острова, другие же части империи проводили самостоятельную военную политику.

Правление этой землей, судя по доступным нам данным, было беспокойным, по крайней мере временами. Читатель вспомнит фрагмент из уэльских триад, который, несомненно, относится к периоду восстания в Атлантиде. «Я не буду искупать множества перемещением щитов. Многих и многих не спасет защита. Они не знали, ни в какой день последует удар, ни в какой час безмятежного дня родится Кви (одержимый человек), не знали и того, кто не допустит его вход в долины Деевы (владение вод). Они не знали пестрого вола с широкой полосой на голове, у которого было семь отметок на загривке».

Это явное недовольство вождя, который, судя по всему, сильно обиделся на непочтительное отношение воинов к священному волу или быку. Этот фрагмент, вероятно, отправляет нас к тому периоду в истории Атлантиды, когда людям надоело прислушиваться к

духовенству и, возможно, они стали проявлять свое недовольство жестоким ритуалом, так же как и репрессивной службой. Правящие касты, как это бывало всегда и везде, попытались отвлечь внимание людей от внутренних распрей, предлагая им планы завоевательных кампаний, благодаря которым они могли бы подчинить себе соседний Европейский регион и предоставить владения даже самым бедным.

Без сомнения, они должны были также подвергаться нападениям соседей. Амазонки, например, могли быть достаточно многочисленным племенем, состоящим не только из одних женщин, но и из людей, находящихся под их властью или же использующих женщин-воинов. Диодор записал в своем рассказе, что они атаковали атлантов многочисленной армией и подчинили их и что горгоны, другой соседний народ, также нападали на атлантов. В окружении врагов-варваров атланты были вынуждены поддерживать постоянную боевую готовность, и это обстоятельство более чем какое-либо другое послужило причиной волнения и распада государства.

То, что мы читаем у Платона и у других авторов о государстве и политике Атлантиды, не имеет ничего общего ни с одной средиземноморской формой правления в том виде, как они описаны классическими авторами античности. Помня о том, что мы располагаем данными из египетского источника — из рассказа жреца Саиса, — как сообщает Платон, нельзя сказать, что мы обнаруживаем там нечто позволяющее сделать вывод, что государство Атлантида было основано по примеру Египта. Действительно, некоторые провинции Атлантиды могли быть похожи на номы Древнего Египта, и в военной экономике Атлантиды есть сходство с военной экономикой страны Нила, но, с другой стороны, фараон был верховным правителем в Египте. Упомянутая в рассказе Платона конференция царей была бы невозможной в стране, монарх которой считался божеством и провинциальные правители которой, даже наделенные большими властными полномочиями, никогда не претендовали даже на подобие равенства с правящим монархом. И это, как мне кажется, может быть одним из самых сильных доказательств исторической достоверности рассказа об Атлантиде. Мы находим в Атлантиде условия, никоим образом не встречающиеся ни в каком из других современных Платону государств — африканских, азиатских или европейских, — за исключением нескольких незначительных подобий.

Мы находим, однако, что в тех странах, где власть Атлантиды пустила свои первые ростки, состояние дел во многом напоминало обстоятельства, упомянутые в рассказе Платона. Если мы обратим внимание на самые ранние исторические сведения, то на обоих Британских островах и в Галлии обнаружим большую массу людей под строгим правлением аристократии, которая использовала их фактически как рабов; мы находим страну, разбитую на подобные округа, управляемые мелкими феодалами, и систему военной службы, при которой пехотинцы, возникшие и стропольщики вербовались точно так же, как и в Атлантиде. Мы знаем также, что законы этих народов считались установленными богами, и что они были неизменны, и что каждое политическое решение диктовалось духовенством. Цезарь в своей шестой книге говорит: «Есть только две разновидности людей в Галлии, которые обладают властью в общественных делах — друиды и аристократы, — простые люди уважаются не больше, чем слуги, и никогда не допускаются на обсуждения. Друиды, — продолжает он, — заботятся о божественных делах, о частных и общественных жертвах, о толковании религиозных материй». Сам ритуал собрания друидов напоминает собрание в храме Посейдона, так как они тоже собирались раз в год в священном месте в Галлии, где все накопившиеся вопросы решались под их общим руководством. Подобное состояние дел было и в Испании. В действительности вся территория от Пиренейского полуострова до Оркни в самом раннем историческом периоде управлялась методом, настолько напоминающим рассказ Платона, что Атлантида вполне могла бы сойти за его образец. В свободных республиках Греции, с другой стороны, не было ничего подобного, и если Египет все же несколько напоминает атлантидскую форму правления, то это, вероятно, потому, что он многое впитал из культуры Атлантиды.

Глава 12

РЕЛИГИЯ В АТЛАНТИДЕ

Что касается религии, процветавшей в Атлантиде, то рассказ Платона предоставляет нам некоторые очень точные детали. Например, мы информированы о том, что судопроизводство вершил совет царей, который собирался один раз в шесть лет. Прежде чем начиналось судебное разбирательство, в священное место приводили десять быков, и каждый из царей Атлантиды совершал клятву, жертвуя одного из этих быков Посейдону без помощи железных орудий. Животных вели к гравированной медной колонне и умертвляли, после чего цари предавали части бычьих туш огню, совершали кровавое возлияние и окропляли кровью колонну, а затем жертвы полностью предавались огню. Остаток крови помещали в маленькие золотые чаши и расплескивали на огонь, а всю оставшуюся после этого кровь выпивали.

Эта церемония очень напоминает некоторые религиозные обряды ацтеков. Мексиканские жрецы приносили человеческие жертвы у подобной же гравированной колонны, они тоже совершали излияния жертвенной крови из золотых чаш и даже пили ее остатки. То, что они чаще приносили в жертву людей, чем животных, объясняется тем, что большие животные просто не были известны в Мексике, но живущие севернее индейские племена, от которых произошли ацтеки, приносили в жертву бизонов почти так же, как атланты — быков.

Мы знаем также, что бык был священным животным ориньякцев, и его изображения во многих их пещерных храмах, без сомнения, доказывают, что они и в действительности приносили его в жертву. Культ быка был, возможно, первой и одной из наиболее широко распространенных религий в Западной Европе, и хорошо известно, что она проникла и в Египет. Позвольте сейчас кратко исследовать поклонение быку в Египте и посмотреть, могут ли сопутствующие этому обстоятельства пролить свет на особенности культа Атлантиды.

Культ быка в Египте имел очень раннее происхождение. Это доказал египетский жрец Манефон, относящий культ Аписа ко II династии, или приблизительно к 3000 году до н. э. Элиан же идет дальше в глубь веков и относит происхождение этого культа к Менесу, первому фараону I египетской династии. Это, конечно, подразумевает, что культ, скорее всего, был еще более древним, так как в Египте все, имеющее древнее происхождение, считалось дарованным Менесом, великим культурным героем, или цивилизатором Нильского региона. Согласно описанию Геродота, Апис — черный бык с белым квадратным пятном на лбу, с контуром орла на спине, с двойными волосками на хвосте и отметкой в виде жука на языке. Египтяне полагали, что душа Осириса перешла после смерти в быка и что, когда этот бык умрет, необходимо найти теленка с точно такими же признаками, чтобы душа бога могла бы жить дальше.

Теперь уже считается, что культ Осириса с его практикой мумификации имел западное происхождение и что в действительности это было не больше и не меньше чем принятая и развитая Египтом древняя ориньякская вера в то, что душа продолжает жить в костях, и для того, чтобы дух мог выжить, его кости необходимо тщательно сохранить. Очевидно, что этот специфический культ слился воедино с другой ориньякской религиозной практикой — поклонением быку, поэтому неудивительно, что религия Осириса связана также и с быком, а сам Осирис отождествляется с ним.

Мы полагаем, что бык в Египте прежде всего считался оракулом, и каждое его движение интерпретировалось как имеющее некое особое значение. Мы также считаем, что ему в жертву приносили волов, и это ясно указывает, что варварские племена считали его «царем» среди его «народа». У индейских племен Америки, например, был обычай просить Большого Оленя посылать им его «людей» в качестве добычи и умиротворить его всякий раз, убивая очередного оленя. В подобной манере некоторые варварские рыбацкие поселения упрасивали Большую Рыбу послать на мелководье ее «подданных» в их сети. В древнем Перу поклонялись Большой Картофельной Матери как родоначальнице всего картофеля, а Матери Кукурузе как прародительнице всей кукурузы и т. д. В таком случае логично, что ориньякцы поклонялись Большому Быку, который снабжал их мясом своих «подданных», и что эта религиозная практика постепенно перешла в Египет, люди которого, вероятно, не понимали или забыли ее

первоначальное значение.

Мы полагаем, что поклонение Осирису, так же как и культ быка, соединилось с практикой бальзамирования, и мумифицированные останки мертвого быка Аписа были обнаружены в знаменитом Скрапеуме.

Это поклонение Серапису, или Осирису-Апису, распространилось из Египта по всей Европе, было перенято Римом и наконец достигло Британии, где в Йорке был построен большой храм двойному богу. Но на британской почве эта религиозная практика, должно быть, встретила с подобной же верой, с которой, возможно, слилась в единый культ, так как поклонение быку и принесение его в жертву, несомненно, практиковалось в Британии испокон веку. Быку поклонялись кельты, и его жертвоприношение было частью друидского церемониала, как это показывают древние уэльские триады.

В Шотландии фигура быка вырезана на многих древних камнях «пиктиш», тесно связанных с религиозными символами. Даже столь поздно, как в начале XVII столетия, несколько пресвитерий Шотландского нагорья выдвинули обвинение против крестьянского обычая приносить в жертву быка. Действительно, есть множество свидетельств, что культ быка имел очень древнее и длительное влияние в Британии. Это отразилось не только в перечисленных обстоятельствах, но и в популярном развлечении — в бычьей травле, которая, по-видимому, первоначально была не более и не менее как обрядом жертвоприношения быка с предварительным его истощением.

Становится ясным, что религиозная практика поклонения быку проникла из Атлантиды во все страны вблизи от затонувшего острова. Специалисты по сравнительному религиоведению сейчас начинают понимать, что любая теория, не учитывающая происхождение традиции в религиозной или иной сфере, едва ли заслуживает доверия. Если это так, то очевидно, что происхождение поклонения быку нужно искать в одной определенной области. Подразумевается, что культ быка от Британии до Индии имел атлантическое происхождение. Но когда мы выясняем, что в Испании он был связан с ранним ремеслом бальзамирования и что в Египте он также имел отношение к мумификации, то не приходится сомневаться, что египетские и ориньякские культы должны иметь общие корни. Предположив, что ориньякцы прибыли из Атлантиды, мы можем быть уверены, что они принесли с собой культ быка, и, конечно, мы находим подтверждение этого факта в рассказе Платона об Атлантиде. Действительно, многие обстоятельства культа быка, выявленные благодаря сравнительному изучению этого явления в Испании, Франции, Англии, на острове Крит и Египте, красноречиво свидетельствуют о его происхождении с затонувшего острова Атлантида, где, согласно деталям повествования Платона, непосредственно взятым из египетского источника, мы также находим распространенную религиозную практику поклонения быку.

Насколько сильно на рассказ Платона о поклонении быку в Атлантиде повлияла подобная церемония в греческом поклонении Вакху, можно увидеть, кратко рассмотрев вакхический ритуал. В начале церемонии Вакх появляется в виде быка. Даже во времена Еврипида Вакх почитался в своем бычьем облике в Македонии, если не в более образованных Афинах, и в орфических мистериях жрец, прежде, чем стать единым с Вакхом, пожирал сырое бычье мясо. «Очевидно, что поедание сырого мяса традиционно считалось частью вакхической церемонии», — говорит мисс Джейн Харрисон в своем «Введении к изучению греческой религии». Фирминий Матерн, один из Святых Отцов, говорит о критянах: «Они зубами рвут на части живого быка и, воя в лесу, изображают безумие разгневанного животного». Если пожиратели бычьего мяса и не населяли Афины в дни Платона, то они, должно быть, были там, по крайней мере, известны, и кажется возможным, что Платон украсил свой рассказ о жертвоприношении быка на Атлантиде чертами орфических мистерий.

Связь быка с Посейдоном относит нас к вопросу о богах Атлантиды. Бык был особенным символом этого божества, ему жертвовались именно быки, и, когда мы вспоминаем, что он был богом не только бушующего моря, но и землетрясения, аллегорическая связь быка с этим богом кажется достаточно ясной. Несомненно, он издревле считался воплощением гнева, ревущим животным, топчущим землю — колебателем земли, если можно так выразиться, представляя тем самым превосходную животную аллегория землетрясения и бури. Возможно, Посейдон и сам первоначально считался быком, поскольку другие боги также имели первоначально

животную форму, и его массивное туловище в классическом искусстве, конечно, предоставляет некоторую пищу для подобных предположений. Как бы то ни было, бык был животным Посейдона *par excellence*.

Боги Атлантиды, хотя и достаточно туманны для нас, все же могут быть собраны в некое подобие временного пантеона. Сам Посейдон, как полагали греки, был пеласгийским или азиатским божеством, несколько напоминающим ассирийского Эа, или Дагона, чей рыбий хвост можно увидеть в ассирийской и вавилонской скульптуре. Этому богу также поклонялось финикийское население Карфагена, но кажется весьма вероятным, что Посейдон, так же как и Осирис, имел западное происхождение. Во-первых, он был, подобно всем другим титанам, провозглашен пришедшим первоначально с запада, и множество относящихся к нему легенд связывает его с западными землями. Кроме того, рассказ Платона определенно связывает его с Атлантидой, где, как нам говорят, его храм был главным местом религиозного поклонения.

Связь Атласа с определенной группой других богов, имена которых все еще закреплены за существующими ныне странами, делает весьма банальным тот факт, что его имя связано с Атлантидой этим принципом наименования, а не просто воображением Платона. Мы находим, что в греческой мифологии он был весьма определенным образом связан со своими братьями-титанами, Альбионом и Иберием — великими богами Англии и Ирландии. Предположительно, они составили островной пантеон. Все трое были титанами, а титаны, как мы знаем, были просто западными божествами. Миф о титанах сам по себе значим для нашего исследования. Мне кажется, что эта история о гигантских богах, прибывших с запада и вторгшихся на Олимп, — просто аллегория распространения в Европе, или скорее в Средиземноморье, чуждой религии. И то, что подобная идея не только породила миф, но и надолго задержалась в сознании людей, — очевидное свидетельство того факта, что она была популярным сюжетом классического искусства. Полагаю, эти боги были неразрывно связаны с Атлантическим регионом. А имена по крайней мере двух из них все еще связаны с Британскими островами. Абсурдно предполагать, что греки выдумали имена некоторых богов-покровителей или титанов и присвоили их Британии и Ирландии. Известно, что имена Альбиона и Иберия имеют кельтское происхождение и относятся к богам-покровителям. А как же тогда мы можем объяснить имя Атласа? Его остров исчез, однако его имя, данное Атлантике, остается. Если бы Британия погрузилась на дно Атлантики, то спустя десять тысяч лет возникли бы сомнения в ее существовании, а имя ее бога Альбиона сочли бы просто античной выдумкой, на которую «разумные» люди смотрели бы как на простой миф.

Куда более вероятно, что эти очень определенные намеки на титанический пантеон, происходивший откуда-то из Атлантики, и на имена, часть которых до сих пор служит названиями островов, подвластных своим тезкам, проистекают из памяти о древней и мощной религии, которая не только была широко распространена в существовавшем тогда архипелаге Атлантики, но и проникла в Средиземноморье.

Эта теория не становится менее значимой от того, что люди Средиземноморья придавали особый священный статус западной области океана, так как именно там они разместили острова Блаженных и сады Гесперид. Ранняя греческая поэзия указывает, что жилище блаженных душ умерших находится за входом в Средиземноморье, на островах посреди реки Океан. Пиндар, вероятно, под орфическим влиянием считает их не только уделом любимцев богов, но и всех праведных.

Там, говорит он, ветры Океана овевают острова Блаженных, земля улыбается золотыми цветами, и счастливицы занимается в основном верховой ездой и музыкой. Первое из этих занятий, как мы помним, было в большом почете у атлантов. В греческом мифе острова Блаженных часто путают с Гесперидами, или островами Золотых Яблок, расположенными на реке Океан, или, согласно более поздним представлениям, на северо-западном побережье Африки. Многие детали, добавленные предрассудками к безмятежному счастью, которое, как считали поэты, царило на островах Блаженных, могут быть найдены во второй книге Лукиана и в его «Necyomantia».

Представление о том, что мертвые находят прибежище на западе, в действительности можно присоединить к идеям, которые в другой главе будут рассмотрены как основа того, что автор называет комплексом Атлантиды. Здесь об этом упомянуто не только потому, что мы

сейчас имеем дело с религиозным аспектом нашего предмета, но и потому, что это доказательство, возможно, более сомнительное, чем другие, судя по всему, подтверждает существование такого комплекса. Есть, однако, веские основания верить в то, что сама западная идея загробной жизни проистекала из памяти об Атлантиде.

Действительно, мы находим, что в это верили все народы, которые в той или иной степени переняли цивилизацию Атлантиды. Кельты, должно быть усвоившие эту идею вследствие продолжительной связи с иберийцами в Испании, искренне полагали, что обитель мертвых находилась в Атлантике. В это же верили греки, римляне и критяне. Сам факт, что вся западная и средиземноморская Европа считала, будто где-то на западе есть большой остров Мертвых, служит достаточным доказательством того, что они считали этот регион древней родиной, откуда произошла их религия и культура. Человек всегда считал место, откуда он прибыл, раем, священной землей. Народы Палестины, а также и Центральной Америки преодолевают тяжелейшие препятствия и претерпевают массу опасностей только для того, чтобы похоронить своих умерших на родной земле. Мы знаем, что перуанцы неистово привязаны к своей Паккариске, мифической прародине — часто пещере или гористой местности, — и желают быть похороненными в ее окрестностях.

Западная половина острова Крит в минойские времена была почти пустой, потому что считалась домом умерших. О западных островах Британии также ходили легенды, что их часто посещают бестелесные духи, а первобытная Европа считала всю Британию островом призраков. Египтяне также смотрели на запад как на страну мертвых. Бессмысленно считать естественным представление о западе как о загробном царстве просто потому, что солнце садится именно там. Многие народы считают другие части света обителью мертвецов. Ацтеки, например, верили, что их души уходят на север. Китайцы обращали взоры к востоку, и мы знаем, что Хоту Матуга, культурный герой острова Пасхи, обращался к западу, взывая к духам своей ушедшей под воду родины. Тем не менее это связано с мифом, который сообщает о существовании большого архипелага, расположенного за 300 миль к востоку от острова. Кецалькоатль, тоже культурный герой Центральной Америки, смотрел на восток. Можно было бы вспомнить еще множество мифов о восточном рае.

Кроме глубокой памяти о великой древней религии в Атлантике, мы видим, что местность, где она процветала, считалась раем у народов, частично перенявших эту веру. Частично, потому что они считали пантеон титанов недружественным их собственному, это особенно относится к эллинизированным греческим народам восточного Средиземноморья, которые, возможно, меньше чем кто-либо испытали влияние культуры и религии Атлантиды. Наши фрагментарные знания о карфагенской религии едва ли позволяют говорить, до какой степени эти азиатские племена, укоренившиеся в Северо-Западной Африке, переняли верования Атлантиды. Но можно почти не сомневаться в том, что многие фундаментальные идеи, связанные с религиозными мистериями средиземноморских народов, таких, как, например, культ Кабири, прошли суровое испытание в Карфагене, прежде чем достигли Греции. Причем они не имели никакой связи с Палестиной, откуда прибыли карфагеняне. Это допускают многие классические авторы.

Мы должны рассмотреть пантеон Атлантиды, в который кроме самого Атласа входило девять его братьев, его мать Клейто и его брат Сатурн. Все они более или менее связаны с созвездиями. Сам Атлас запомнился как великий астроном. Отсюда можно сделать вывод, что его пантеон был тесно связан с небесными светилами. Согласно древнему христианскому суеверию, звезды были падшими ангелами, а вавилоняне связывали своих богов с некоторыми планетами. Возможно, и атланты идентифицировали каждое божество с тем или иным светилом. Геспер, сын Атласа, как говорит Диодор, стал утренней звездой, его дочери — атлантиды — стали созвездием Плеяд, а Сатурн, его брат, одноименной планетой. Как только боги отождествлялись с планетами, их начинали считать могучими чародеями, которые постоянно стремились направлять действия человека в русло, соответствующее их собственным планам.

Была установлена идея космической гармонии. Человек должен действовать в гармонии с более высокими силами. Это представление, если поискать его где-нибудь в писаниях древности, появляется в работах Платона. Его преемники написали массу комментариев по

поводу этой его веры. И сам он в работах об Атлантиде выделяет эту идею.

Все вышесказанное ведет нас к предположению, что религия Атлантиды была тесно связана с астрологией. Стала почти трюизмом идея возрождения древней науки астрологии на равнинах Вавилонии, и действительно, в настоящее время весьма распространена вера в то, что зиккураты, или башни храма Халдеи, были первыми всемирными обсерваториями. Но изучение астрономии должно было предшествовать цивилизации Евфрата. Неподвижный блеск звезд должен был запечатлеться в глазах и воображении человека практически с момента его появления, он должен был озадачить и заинтриговать его. И объяснить это явление можно было мифом.

У нас нет прямого доказательства западного происхождения астрологии. В действительности кажется, что все факты указывают как раз на противоположное. Мы знаем, однако, что друиды Британии и Ирландии владели этими знаниями, и одна, пока еще почти не исследованная система астрологии дает нам материал для размышлений и указание на возможное ее происхождение из Атлантиды. Не столь уж невероятно, что астрология ацтеков Мексики, у которой мало или вообще никакого сходства с астрологией Востока, произошла более или менее непосредственно из Атлантиды. О способе, которым она наряду с другими проявлениями культуры Атлантиды достигла Американского континента, читатель может узнать из моей уже упомянутой книги «Атлантида в Америке». Вся ацтекская религия была фактически основана на том, что нам известно под названием «Тоналаматль», или «Календарь», и многие из ее богов были на самом деле всего лишь простыми отрезками времени. Эта странная религия не имела вообще никаких культурных связей с западом, а считала своей родиной восток, так что важность ее рассмотрения очевидна.

Слово «тоналаматль» означает «Книга хороших и плохих дней», и это прежде всего Книга Судьбы, по которой определялось будущее детей, родившихся в тот или иной день, или же результат какого-либо поступка, который собирались предпринять. Все это предсказывалось гадательными методами, подобными тем, которые в аналогичных случаях использовали астрологи во многих других частях света. Это была книга предзнаменования событий в дни, отданные под покровительство определенным богам. Эти дни, таким образом, становились добрыми или злыми — в зависимости от характера богов, которые контролировали их, или даже точный час рождения человека, или любого другого выполненного дела. Как и в восточной астрологии, здесь поддерживался своего рода баланс между добром и злом. Так, например, если какой-нибудь день контролировал злой бог, его влияние могло быть в некоторой степени смягчено божеством, под властью которого был час, когда ребенок увидел свет или произошло что-то еще.

Двадцать богов, державших под контролем двадцать знаковых дней, отождествлялись с определенными звездами или планетами. Кецалькоатль, например, может быть идентифицирован как планета Венера. Известно, что нескольких богов в этом календаре можно приравнять к некоторым персонажам пантеона Атлантиды. Например, Кецалькоатля, как это уже показано, можно сравнить с Атласом, а Коатлик с Клейто. Тлалок, Тезкатлипока и Ксочикетцаль также имеют связь с Атлантидой, как это было продемонстрировано в других главах этой работы.

Мы находим, также, что метод, которым ацтеки и майя Центральной Америки вычисляли синодическое вращение планеты Венера, имеет определенную связь с Атлантидой, поскольку эта планета была идентифицирована с Кецалькоатлем, который, как полагают, прибыл в Америку откуда-то из Атлантического океана и который, подобно Атласу, держал мир на своих плечах. Он также считался изобретателем «Тоналаматля», который рассматривался как священная гадательная книга или таблица культурного героя, прибывшего из Атлантики. Этот факт сам по себе — достаточное доказательство того, что астрологическая система Мексики или произошла из Атлантиды, или имела с ней определенную связь. Ее методы полностью отличны от восточных, и то, что они были привнесены в Америку извне, кажется достаточно очевидным. Греческий миф сообщает нам, что божества Атлантиды были тесно связаны со звездами и что Атлас был великий астролог. Когда мы находим его в Америке уже в другом обличье, но с теми же самыми признаками, и он считается там создателем астрологической системы Центральной Америки (которую он донес к ее берегам), то требуются серьезные

контраргументы, чтобы дискредитировать теорию атлантического происхождения центрально-американской астрологии.

Мы можем представить себе религию Атлантиды как пантеон титанов, тесно связанных с астрологическими представлениями. Это не просто какие-то предположения, а факты. Очевидна именно такая основа ранней греческой средиземноморской и британской религий. Только в более поздние исторические времена подобные понятия, произошедшие, должно быть, из Атлантиды, начали замещаться богами-покровителями всевозможных сфер человеческой деятельности — богами достоинств и недостатков, богами торговли и сельского хозяйства. Древние боги Европы, подобно богам Атлантиды, были гигантами и эпонимами и имели прямое отношение к регионам, которыми управляли. Например, кельтские боги Британии, а в особенности Шотландии и Ирландии, как известно, были великанами, их имена и легенды о них все еще можно встретить повсюду. Фактически каждая гора в Шотландии имеет своего великана. Корнуолл полон ими, и такие названия, как Скарборо и дамба Гигантов красноречиво свидетельствуют об их прежнем обилии. Шотландские горы предоставляли кров титанам, которые, подобно титанам Центральной Америки и фоморианам Ирландии, были великими камнеметателями и имели чудовищный рост. Тщательная экспертиза европейского фольклора, посвященного гигантам, несомненно, выявляет существование древнего пантеона колоссов, и примечательно, что большинство легенд, связанных с этими гигантскими существами, говорят о них как о выходцах из западных морей.

Их имя, фомориане, означает «люди из-за моря», таково же происхождение и греческих титанов, великаны испанского фольклора почти неизменно пребывают на островах, а великаны Корнуолла, по-видимому, связаны с затонувшим Лионессом. Англосаксонское слово «этин», все еще встречающееся в шотландских легендах, — аналог слова «джотун» (скандинавская форма), и оба они могут быть филологически приравнены к слову «титан». Все эти родственные слова относятся к санскритскому корню «тит», «гореть», который показывает связь этих созданий с идеей пожара или землетрясения; и из мифа мы знаем, что титаны были связаны с молниями и земными катаклизмами. И не только в одной Греции мы находим историю сражения между богами и титанами. Этот сюжет присутствует и в ирландском мифе о войнах фомориан с Племенами богини Дану, и в британском сказании о сражении Артура и его рыцарей (каждый из которых имеет свое место в кельтском пантеоне) с британскими гигантами.

В истории Атлантиды мы, без сомнения, можем найти происхождение этих многочисленных легенд. Атланты, высокие ориньякцы, конечно же были этими гигантами, а азилийцы, их преемники, поклонялись гигантам. Азилийцы неоднократно вторгались в Европу и оставляли после себя многочисленные истории о высоких людях, одетых в кожи и носящих с собой дубины, людях, которые в течение поколений вели жестокую борьбу против новых народов, пока сами не были ими истреблены или поглощены.

Более исчерпывающее изучение фольклора о гигантах Европы, и особенно ее западных регионов, должно, по всей вероятности, пролить свет на все еще туманные обстоятельства легенды об Атлантиде, особенно если сосредоточить свое внимание на истории сражения между титанами и богами и на атлантическом происхождении этого мифа. Это помогло бы также в поисках более детальной информации об общей характеристике титанов и, таким образом, о пантеоне Атлантиды в целом, из которого, вероятно, и произошла идея о гигантах. Великан европейского фольклора или обитает в пещере, или живет на острове, или же в замке, возвышающемся на скалистой вершине; и сам характер этих мест указывает в некоторой степени на атлантическое происхождение связанных с ними историй. Одни только Британские острова способны предоставить богатейшие иллюстрации к этому тезису, и тщательное исследование этих примеров, вне всяких сомнений, было бы оправдано полученными результатами.

Сам факт, что божества-эпонимы наших островов-близнецов, Альбион и Иберий, поставлены в античном мифе в один ряд с фигурой Атласа, бога Атлантиды, должен предостеречь тех, кто сомневается в полезности такого исследования.

Обряды древней религии колоссов нам не известны по той простой причине, что эта религиозная практика впервые появилась в анналах истории уже на стадии угасания, но одно

обстоятельство, связанное с ее ритуалами, проступает достаточно явно: у больших богов-гигантов — у всех до одного — прекрасный аппетит. Сатурн пожирает своих детей. Дагда, один из древних ирландских богов, никогда не насыщается, хотя его горшок овсянки всегда полон. Крома Круаха, другое ирландское божество, чья статуя была свергнута святым Патриком, можно успокоить, только принеся в жертву множество детей. Аппетит Гаргантюа, гиганта бретонца, стал классическим благодаря легкой руке Рабле, а гиганты Англии и джотуны Скандинавии также были известны пожиранием целых туш волов и овец. Примечательно также, что Молох, бог, особенно почитаемый карфагенянами — людьми, помнящими об Атлантиде, — был тоже великим пожирателем детей.

Глава 13

ЖИВОТНЫЕ АТЛАНТИДЫ

Рассматривая животный и растительный мир Атлантиды, мы можем опираться на гораздо более достоверные сведения, нежели в том случае, когда заходит речь об истории ее царей, поскольку здесь у нас имеются великолепные исходные данные для построения вполне правдоподобных гипотез. Прежде всего сюда следует отнести остатки самого затонувшего острова Атлантида — Азорские и Канарские острова, которые все еще остаются над водой, и их фауна и флора обеспечивают нас определенным количеством сравнительного материала, который позволяет в общих чертах делать выводы о состоянии животного и растительного мира в Атлантиде. В добавление к этому у нас есть возможность сравнить биологические условия Западной Европы и Восточной Америки. И если при этом мы найдем между ними сходство, то это даст нам основание предполагать, что в Атлантическом регионе прежде существовала некая биологическая связь, и животные и растения Атлантиды были очень схожи со своими собратьями на тех континентах, которые она когда-то соединяла.

При этом, однако, следует помнить, что условия существования животного и растительного мира на Атлантиде не были одинаковыми на различных этапах ее истории, они были подвержены климатическим изменениям, так же как в Европе и Америке. В то же самое время можно считать доказанным, что неоднократно повторявшиеся ледниковые периоды, вне зависимости от их продолжительности, вряд ли могли существенно повлиять на климат Атлантиды, хотя они, без сомнения, и оказали вполне определенное воздействие на метеорологическую обстановку, преобладавшую на острове-континенте. Но поскольку предметом нашего рассмотрения является история Атлантиды в период, последовавший за ледниковым, то представляется вполне достаточным рассматривать ее климатические условия, присущие именно этому времени.

Животному и растительному миру Атлантиды посвящено много трудов. Если мы поначалу ограничимся только рассмотрением фауны континента, то увидим, что жизнь животных на Азорских островах преподносит нам факты, представляющие очень большой интерес. Само название «Азорские острова» означает в переводе «острова Ястреба», и если ястребы изобиловали на архипелаге, когда он был впервые открыт, то можно смело утверждать, что этих птиц было предостаточно и в той части Атлантиды, к которой эти острова когда-то принадлежали. Это вывод подразумевает, что там в больших количествах водились животные, которыми ястребы питались, в основном грызуны — кролики, крысы и мыши. Кажется вполне вероятным, что эта группа островов была известна географам еще до ее официального открытия в 1439 году, поскольку в книге, изданной в 1345 году испанским монахом, упоминаются Азорские острова и даже приводятся названия некоторых из них. На географическом атласе, который был составлен в Венеции приблизительно сорока годами позже, один из них был назван Колумбией, или островом Голубей (теперь Пико), другой Капрарией, или Козьим островом (теперь Сан-Мигель), третий — Ли-Конги, или островом Кролика (теперь Флорес), четвертый — Корви-Марини, или островом Морских Ворон (теперь Корво). Эти названия говорят о том, что рассматриваемые острова, хотя и существовали долгое время изолированно от Европы, изобиловали животными и птицами, в честь которых были названы и которые, должно быть, размножались там в течение многих столетий до официального открытия островов.

Ученые даже высказывали предположение, что кролики, возможно, могли добраться из Америки на Азорские острова и в Европу по существовавшему в древности земляному перешейку. Профессор Осборн, доктор Маджор и Лиддеккер обратили внимание на то, что между видовыми формами кролика Африки и Америки существует явная связь; отсюда они сделали вывод, что эта видовая форма вполне могла мигрировать из одного континента на другой. Профессор Шарфф, однако, считает, что сухопутный мост, соединявший Африку и Южную Америку, был расположен южнее атлантических островов, а Северная Африка сообщалась с Южной Европой, с которой в свою очередь сообщались атлантические острова, и вот таким окольным путем животные Южной Америки были способны достигать Мадейры и

Азорских островов. Но разве не могли кролики и другие животные произойти непосредственно на Атлантиде и распространиться уже оттуда в восточном и западном направлении — в Америку и в Африку? Ведь если, как полагает профессор Шарфф, сухопутный мост, соединявший эти два континента, лежал значительно южнее атлантических островов, то трудно объяснить тот факт, что популяции кролика гораздо многочисленней в более умеренных северных широтах.

Мы находим различные виды грызунов, вновь и вновь вторгающихся на европейскую землю и в более суровые времена возвращающихся ледниковых периодов, а Макалистер даже склонен считать, что, когда ледники подходили ближе и леса уступали место тундре, мелкие грызуны неизменно возвращались на европейскую почву, и именно места их присутствия разграничивают более поздние внутренние обледенения. В то же время хорошо известно, что кролик особенно размножается в таком умеренном климате, как в Австралии, к которому, должно быть, был близок климат Атлантиды. Поэтому довольно трудно объяснить, почему эти животные все же предпочли благоприятному климату условия тундры. Возможно, однако, что кролик первоначально появился на земле Атлантиды — в наиболее подходящей для быстрого роста и размножения среде обитания, позднее же борьба за существование среди расплодившихся в огромном количестве животных заставила их обживать менее благоприятные регионы.

Как часто отмечалось, плотоядные животные третичного периода в Европе тесно связаны со своими собратьями, обитающими на Американском континенте. Европейские же атлантические острова не изобилуют животными этих видов, но представляется весьма вероятным, что за те столетия, которые отделяют третичный период от окончательного погружения Атлантиды, эти животные вполне могли быть истреблены цивилизацией подобно тому, как в Британии был истреблен волк.

Время от времени можно встретить небезосновательные заявления о том, что Атлантида, вероятно, была колыбелью всего животного мира. Такое утверждение, ввиду нашего недостатка знаний о предмете, должно приниматься весьма осторожно. Однако следует признать, что существуют некоторые обстоятельства, в свете которых можно допустить, что Атлантида была-таки прародительницей некоторых видов животных. Так, например, данные, связанные с миграциями угря, хорошо иллюстрируют это предположение. Датский биолог — доктор Йоханнес Шмидт, серьезно изучавший миграции угря, — склонен думать, что последний может считать своей родиной воды океана, омывавшего берега Атлантиды. Идущие на нерест угри ежегодно покидают наши берега с тем, чтобы отложить свою икру в Атлантическом океане между Багамскими островами и Европой, после чего бесследно исчезают, а их потомство проплывает назад более четырех тысяч миль, чтобы снова вернуться в наши реки. В течение почти трех лет они плывут, держа устойчивый курс на берега Англии, в то время как американские угри, которых отличают по более короткому спинному хребту, безошибочно проделывают путь назад, к своей родине. Этот факт, похоже, указывает на то, что инстинкт гонит их к древнему месту рождения, месту, откуда изначально мигрировали угри и Европы, и Америки.

Подобное явление можно наблюдать и у скандинавских леммингов. Лемминг, маленький грызун, периодически испытывает тягу к миграции на юг. В эту пору бесчисленное множество этих зверьков оставляет норвежское побережье и уплывает далеко в Атлантику. Добравшись до места, к которому их зовет миграционный импульс, они долго плавают кругами как будто бы в поисках земли, о которой им сообщает инстинкт, но, обессилев от бесплодных поисков, наконец исчезают в морских глубинах. Их примеру следуют и большие скопления птиц, — истощенные полетом, они тоже бросаются в море. Так поступает красавец с шафрановыми крыльями *catopsilia* из Британской Гвианы, описанный американским натуралистом доктором Уильямом Бибом. Каждый год мужские особи этого вида принимают участие в фатальном полете. Они бросаются в море, как огромные цветные облака. Если подобные примеры миграций недостаточно красноречиво говорят об инстинктивном стремлении животных возвратиться к утраченной Атлантиде, то другое разумное объяснение этим действиям найти еще труднее.

Два известных биолога — господина Слатер — в своей работе «География млекопитающих»

расценивают регион Центральной Атлантики как отдельную биологическую область земного шара, которую они называют «Межатлантикой». К этому региону они относят два вида морских животных — тюленя-монаха и сирену. Ни одно из этих млекопитающих не стремится в открытый океан, а неизменно находится вблизи берегов. Один вид тюленя-монаха населяет Средиземноморье, а другой — Вест-Индию, в то время как сирену можно встретить в устьях рек Западной Африки, вдоль южноамериканского побережья и среди островов Вест-Индии. Отсюда можно сделать вывод, что предки этих животных, должно быть, первоначально распространялись по береговой линии, которая «объединяла Старый и Новый Свет не в таком уж далеком прошлом».

Платон уверяет нас, что слоны обитали в Атлантиде. Мне всегда казалось, что повествование Платона о слонах выглядит весьма правдоподобно и увеличивает тем самым историческую ценность дошедшей до нас работы. Слон исчез из Европы сравнительно рано, *Elephas antiquus* встречается в позднем нижнем палеолите, а *Elephas primigenius* в среднем палеолите или кроманьонском периоде. Маркиз де Сerralбо обнаружил кости *Elephas antiquus* наряду с человеческими останками в местечке Торальба в провинции Сория в Испании. И если это животное обитало в Испании в рассматриваемый нами период, в период, ставший свидетелем переселения людей из Атлантиды, то не кажется таким уж невероятным предположение, что слоны все еще бродили туда-сюда между Европой и островом-континентом по все еще существовавшему тогда перешейку, а после того, как этот перешеек исчез, в Европе этот вид животных вымер, но продолжал процветать в Атлантиде, где оказался в своего рода изоляции.

Я не могу, однако, найти каких-либо следов его прежнего существования на Канарских или Азорских островах, но раскопки в этих местах проводились столь небрежно и в малом объеме, что при проведении там серьезной полномасштабной работы нас могут ожидать удивительные открытия. В любом случае нет ничего неожиданного в предположении, что слоны действительно обитали в Атлантиде. А если не обитали, то вряд ли бы тогда о них упоминалось в преданиях египтян, о которых пишет Платон. Слонов в Египте не было, хотя египтяне и знали, что они существуют в Центральной Африке. Поэтому представляется очень маловероятным, чтобы жрец из Саиса просто выдумал его с целью сделать свой рассказ более колоритным.

Изучая более скромные формы жизни на Азорских и Канарских островах, мы можем получить достаточно хорошее представление о том, как подобная жизнь зародилась в Атлантиде. Например, в Европе и в Америке мы находим много видов бабочек и моли, обитающих на Канарских островах. Шестьдесят процентов из них встречаются в Европе, а двадцать процентов в Америке — весомое доказательство их прежнего обитания на земле, соединявшей когда-то эти два континента, а потом ушедшей под воду. Что касается континентального происхождения фауны атлантических островов, то М. Термье пишет: «Есть два факта, связанных с морскими животными, которые нельзя объяснить ничем, кроме как существованием чуть ли не до наших времен некоего морского берега, простиравшегося от Вест-Индии до Сенегала и даже объединявшего Флориду, Бермудские острова и часть Гвинейского залива. Пятнадцать видов морских моллюсков жили в одно и то же время и в Вест-Индии, и на побережье Сенегала, но нигде больше, и это явление можно объяснить только переносом эмбрионов. С другой стороны, фауна каменистых кораллов острова Святого Томаса, изученная М. Гравье, включает в себя шесть видов, один из которых, кроме флоридских рифов, не живет нигде вне острова, и четыре другие, известные только на Бермудских островах. Поскольку продолжительность морской жизни каменистых кораллов исчисляется всего только несколькими днями, невозможно объяснить их удивительное появление в тех местах морскими течениями.

Принимая все это во внимание, М. Гермайн вынужден признать существование Атлантического континента, соединявшегося с Пиренейским полуостровом и с Мавританией и простиравшегося далеко на юг вплоть до климатической зоны пустынь. В период миоцена этот континент снова простирается до самой Вест-Индии. Тогда-то от него и откалываются части: сначала в направлении Вест-Индии, затем на юге, где образуется морской берег, простирающийся от самого Сенегала и до глубин Гвинейского залива, а через какое-то время,

вероятно в период плиоцена, и на востоке, вдоль побережья Африки. Последним большим фрагментом, в конце концов тоже поглощенным морской стихией и не оставившим после себя никаких других следов кроме четырех архипелагов, была, вероятно, Атлантида Платона».

Глава 14

КОЛОНИИ АТЛАНТИДЫ

По крайней мере несколько авторов упорно утверждали, что Атлантида в эпоху ее падения посылала многочисленных колонистов во все части света. Колониальное расширение Атлантиды было особенно подчеркнуто в уже современную нам эпоху Доннели, Брассером де Бурбуром и Огюстом ле Плонгеоном; все они стремились установить связь между Египтом и Атлантидой. Общее отношение большинства авторов, которые верят в проникновение Атлантиды в Америку и в Европу, может, очевидно, быть суммировано в одном из разделов статьи «Некоторые примечания относительно потерянной Атлантиды», которая появилась в журнале «Parus», официальном органе теософского общества в Египте в марте 1921 года. «Атлантида послала своих детей по всему миру, — говорит автор этой статьи, — многие из них вплоть до наших дней живут как краснокожие индейцы в Канаде и Соединенных Штатах Америки. Они колонизировали Египет и создали одну из самых могущественных египетских империй. Они распространились по северу Азии как туранцы и монголы, они — огромная и плодovitая раса, все еще составляющая большинство населения земли».

Конечно, очевидное возражение на это утверждение «официального» антрополога, если бы он вообще побеспокоился дать ответ, звучало бы следующим образом: «Имеется ли у вас какое-либо материальное свидетельство присутствия Атлантиды в любой области Америки или Европы? Можете ли вы указать на какие-нибудь документы, касающиеся их присутствия там, на любые существующие памятники культуры, возведенные их руками?»

Ответом будет то, что тщательно изученный фольклор является таким документом, сопоставленным равным по убедительности с любым другим, написанным черным по белому, — идея, которая медленно, но тем не менее верно принимается если и не всеми археологами, то опытными исследователями фольклора; и если невозможно указать на какой-нибудь существующий памятник атлантической культуры за ее пределами, то это вызвано тем очевидным фактом, что мы не можем сравнить их с оригиналами. Однако можно почти определенно сказать, что развалины архитектуры майя в Центральной Америке имеют наиболее ярко выраженное атлантическое происхождение, поскольку их архитектура была перенята с Антилии, западной, затонувшей в более позднее время части континента Атлантида.

Вопрос о колониях Атлантиды не может быть так легко решен, как думают и их сторонники, и противники. Было предоставлено достаточно свидетельств, фольклорных и этнологических, которые показали, что этот вопрос требует тщательного рассмотрения. Конечно, такая масса легендарных свидетельств не могла существовать без некоторого фактического основания, и при этом невозможно опровергнуть того, что народы, вступившие в Испанию и Францию в конце большого ледникового периода, прибыли из атлантической области. Рассказ Платона, кажется, хранит очень ясную память об азийском или протоиберийском вторжении в Европу со стороны Атлантики. Он пишет об этом, черпая факты из египетских источников, почти в той же манере, в какой мог бы их писать средневековый историограф, то есть все время ссылаясь на еще более древний авторитет. Он сообщает нам, что атланты уже имели владения в Европе еще до основного вторжения и катастрофы, и факты археологии, судя по всему, подтверждают его свидетельство.

Уже достаточно говорилось об атлантической колонизации Франции, Испании и Англии. Фрагмент из Диодора, сообщающий о поселении атлантов в Африке, достаточно ясен, и тот факт, что жители Северо-Западной Африки в римские времена были известны как атланты, также существенен. «Эти атланты, — говорит доктор Бадичон, проживавший много лет в Алжире, — среди древних считались любимыми детьми Нептуна. Они сделали поклонение этому богу популярным у других народов — у египтян например. Другими словами, атланты был первыми известными мореплавателями».

Должно быть ясно, что если Атлантида в действительности погрузилась на дно приблизительно в 9600 году до н. э., как сообщает Платон, то вся ее колонизация в Европе должна была прекратиться тогда же. И если это так, мы должны идентифицировать всю атлантическую экспансию в Средиземноморье и другие европейские области с азийским или

иберийским вторжением. Никакой опытный антрополог не будет оспаривать иберийское проникновение в Средиземноморье от Испании до Египта, даже при том, что он может и не согласиться с атлантидским происхождением этого народа. Но сам Серги, автор теории о том, что иберийская раса широко распространила свои поселения во всех частях Европы, придавал особое значение тому обстоятельству, что она произошла из Западной Африки, то есть от того самого региона, который все еще известен как регион Атласа, и от той самой части Черного континента, люди которого в римские времена все еще были известны как «атланты», Диодор их так и называл. «Возникла идея, — говорит он, — что скорее Западная, нежели Восточная Африка была родиной этих людей — древних и современных египтян, нубийцев, абиссинцев, галлов, сомалийцев, берберов и феллахов». Он «не станет отказывать пустыне Сахара в возможности оказаться колыбелью» этой средиземноморской расы. Его заключения относительно североафриканского происхождения иберийцев в настоящее время среди антропологов встречают молчаливое согласие. Если и мы согласимся с тем, что эти иберийцы и их предшественники, азилийцы, имели атлантидское происхождение, то это сразу решает вопрос — для нас, по крайней мере. Эта раса лелеяла память о своих атлантидских корнях из поколения в поколение, она распространилась по обоим берегам Средиземноморья, достигнув Греции и Малой Азии на севере и Египта на юге. Гораздо разумнее предположить такой процесс устойчивого продвижения расы, чем допустить прибытие, скажем, в Египет большого флота с Атлантиды в додинастические времена, как это делает ле Плонгеон.

Но в действительности ли Атлантида окончательно погрузилась на дно в 9600 году до н. э. или около этого? Не сохранялась ли значительная часть ее территории еще многие столетия после этой даты, и не продолжала ли она оказывать колониальное и культурное влияние на Европу, как это, похоже, делала Антилия по отношению к варварской Америке? Я признаю, что эта идея часто посещала меня. Я именую это «идеей» просто потому, что не могу найти достаточных доказательств, которые бы возвели ее в ранг гипотезы. Я уже имел дело с вопросом о существовании великой доисторической цивилизации в Атлантиде, остатками которой, возможно, были ориньякцы. Давайте же обратим наше внимание на то, что можно сказать о существовании атлантидской цивилизации в значительно более поздние времена, чем указал Платон, о ее культуре, которая либо возродила древний дух предориньякских времен, либо развилась от азилийского типа и все еще существовала уже в «исторический» период европейской археологии.

Период возможного существования такой цивилизации должен, естественно, приходиться на много столетий позже, чем названная Платоном дата — 9600 год до н. э., и предполагает развитие цивилизации более продвинутой, чем азилийская. Судя по аналогичному росту египетской культуры, не будет невероятным датировать ее где-нибудь 5000 лет до н. э. В любом случае очевидно, что сама Атлантида должна была исчезнуть прежде, чем начался период регулярного торгового судоходства в Средиземном море, то есть приблизительно до 2000 года до н. э. Имеются ли у нас какие-нибудь сведения о культурном влиянии Атлантиды на Европу в этот период? Кажется, мы имеем, по крайней мере, одно такое свидетельство в легенде о происхождении Кабири, — божествах, странный культ которых происходит с запада.

Из большой массы старинных легенд Кабири можно извлечь следующее: Кабири были божествами-близнецами, позже отождествленными с Диоскурами — Кастором и Поллуксом. Они описаны Дионисием Галикарнасским как «двое юношей, вооруженных копьями». Санхониатон, карфагенский автор, заявляет, что они имели карфагенское или африканское происхождение. Культ Кабири действительно был пронесен от Северо-Западной Африки до Египта и Греции, и совершенно определенно говорится, что он был «посвящен египетскому Осирису». Кабири, как утверждает Санхониатон, были изобретателями лодок, зачинателями охоты и рыбной ловли, архитектуры и сельского хозяйства. Они также изобрели письмо и практиковали медицину. В действительности кажется, что древний миф о Кабири хранит память о вторжении цивилизованной расы в Средиземноморскую область в период, когда та пребывала еще в состоянии варварства. Это, конечно, произошло в Северо-Западной Африке. Сначала я думал, что этот миф повествует о вторжении азилийских народов в Средиземноморье, но хронологические рамки противоречат такому предположению, и кажется гораздо более вероятным, что он связан с культурным вторжением с запада в намного более

поздний период, приблизительно за три тысячи лет до н. э.

Этот культ едва ли мог родиться в Северо-Западной Африке. В этой области мы не находим никаких данных о прежнем существовании цивилизации, столь преуспевшей в архитектуре, сельском хозяйстве и письме. То, что культ Кабири в некотором роде связан с культом Осириса, кажется вполне понятным. Храм в Мемфисе был посвящен именно им, и они, очевидно, разделяют продвижение религии Осириса на восток от Северо-Западной Африки до Египта. Не может ли быть так, что тайный культ, связанный с Кабири, пришел с Атлантиды, все еще существующей приблизительно за три тысячи лет до н. э., и что он распространялся на восток из Северо-Западной Африки и через карфагенское влияние достиг Греции и Малой Азии? Кажется, нет никакого другого пути, объясняющего появление культа, который не мог зародиться на африканской почве.

Можно также предположить, что остров Крит был пронизан атлантической цивилизацией и что в действительности именно культура Атлантиды была ответственна за прогресс минойской цивилизации. Была выдвинута теория, согласно которой рассказ Платона об Атлантиде был на самом деле простым воспоминанием о падении минойской цивилизации на острове Крит. Автор заявил в «Таймс» от 14 февраля 1909 года, что «исчезновение острова соответствует тому, что археология сообщает нам о крахе империи Кносса, сопровождаемой вытеснением критских моряков финикийцами в египетских портах».

Вряд ли, однако, о культурной катастрофе, произошедшей приблизительно за тысяча двести лет до н. э., египетские жрецы вспомнили и заговорили только шестьюстами годами позже, да еще возвели ее в катаклизм, который произошел на девять тысяч лет раньше! Это все равно что поместить падение Константинополя далеко назад — в эпоху неолита! Древние авторы даже без помощи документальных свидетельств знали свою историю лучше и имели более точное представление о хронологии, чем полагают некоторые современные историки. Слишком часто мы забываем, что письменная история является делом лишь последних двух или трех столетий.

На ее месте прежде была легенда, сохранившаяся в скудных письменных свидетельствах, она была таким же искусством, как сегодня письменная история.

Гораздо более вероятно, что минойская цивилизация острова Крит была смоделирована на основе цивилизации Атлантиды, которая, очевидно, просуществовала намного дольше, чем представлялось возможным до сих пор. Цивилизация на острове Крит имела, несомненно, очень древнее происхождение. Ранняя минойская цивилизация датируется приблизительно 3400 годам до н. э., и многие ее черты сильно напоминают рассказ Платона о жизни на Атлантиде. Бык был там священным животным, как и в Атлантиде, и большая арена в Кноссе конечно же использовалась для боев быков или жертвоприношений. Критяне в значительной степени были людьми иберийской расы, и они имели лабиринтообразные храмы-пещеры, как у ориньякцев Испании и Франции. Нашим главным авторитетом в отношении мифа о лабиринте является Плутарх, рассказ которого, более или менее измененный, пролегал через лабиринт романтической легенды, столь же запутанной, как и тот первый необыкновенный лабиринт, вдохновивший его. Для многих поколений это место отождествлялось с извилистой пещерой Гортина, пронизывающей небольшой холм у подножия горы Ида, с бесконечными разветвлениями, уподобившими ее подлинному логову монстра, с которым боролся Тезей. Но когда сэр Артур Эванс в 1900 году произвел свои знаменитые раскопки на территории Кносса, он склонился к тому, чтобы признать дворец Миноса истинным лабиринтом из-за его лабиринтообразных вьющихся проходов и лестниц.

Как мы видели, пещеры, которые, согласно мнению специалистов, служили ориньякам палеолита храмами, изобиловали нарисованными и скульптурными изображениями быка, который, очевидно, был главным божеством этой расы или, по крайней мере, объектом почитания или умиротворения для охотников. Нет никакого сомнения в том, что легенда, повествующая о Большом Быке, который в действительности жил в укромных уголках этих почти непроницаемых пещер — а они в Нио и в Арьеже простираются более чем на милю в глубину, — стала высокочтимым преданием для многих поколений.

Минойская цивилизация острова Крит почти наверняка произошла от ориньякской культуры, что видно в ее настенных росписях и танагрских статуэтках, связанных с подобными

же испанскими предметами через Балеарские острова и в ее культе быка, изображение которого во дворцах поразительно напоминает искусство ранних ориньякских живописцев. Вероятно, некий миф о быкоподобном божестве, живущем в лабиринтообразной пещере, происходивший из Испании или из общего источника на Атлантиде, и породил критскую легенду о дворце-лабиринте. Вышесказанное предполагает, что пещера Гортина была истинным критским лабиринтом, связанным с мифом о Тезее и Минотавре.

Идея, что Египет был колонией Атлантиды, не встретила особого энтузиазма у большинства авторов, пишущих на эту тему. На первый взгляд достаточно трудно признать это предположение обоснованным. На этой теории настаивает покойный доктор Огюст ле Плонгеон в работе «Царица Моо и египетский сфинкс», сообщающей о том, как Моо, принцесса майя Центральной Америки, сбежала в Египет после катастрофы, завершившейся погружением Атлантиды. Там она основала египетскую цивилизацию. Но мы не можем представить себе обстоятельства, допустившие переселение в Египет принцессы, которая была также ответственна за цивилизацию майя. Хронологические и другие соображения просто не дают подобной гипотезе права на существование.

Гораздо более вероятно, что любое влияние Атлантиды, которое достигло Египта, проходило через северо-запад Африки.

Во-первых, существуют неопровержимые доказательства, что Египет в ранние времена был населен людьми иберийской расы. Специалисты соглашались в том, что иберийская раса внесла значительный вклад в те этнологические составляющие, которые помогли составить сложный комплекс, известный под именем древних египтян, и что они, должно быть, пришли в Египет с Запада. То, что иберийцы были атлантами, я уже постарался доказать, и если это доказательство принимается, то нужно также допустить, что они перенесли культуру Атлантиды в долину Нила.

Наиболее настоятельное свидетельство в пользу влияния Атлантиды на Египет связано с культом Осириса. То, что этот культ в Египте не был местным, очевидно, но в какую именно эпоху он был привнесен в страну Нила, сказать трудно. Он наверняка имел место в Абидосе во времена I династии, но некоторые тексты пирамид доказывают, что его история на этой земле еще более древняя.

Бадж верит, что поклонение Осирису было «ливийской» или североафриканской традицией. Но «Книга Мертвых», возможно, самый исчерпывающий источник сведений о характере и происхождении религии Осириса. По крайней мере за четыре тысячи лет до христианской эры некоторые ее обряды уже практиковались в Египте, и то, что они даже тогда были связаны с культом и искусством мумификации, вполне очевидно. Вместе с усложнением ритуала мумификации возросла и важность «Книги Мертвых», и считалось, что без знания ее текстов ни один умерший человек не будет допущен в жилище блаженных.

Не приходится сомневаться в том, что многие из текстов в «Книге Мертвых» гораздо древнее, чем I династия. Они были многократно отредактированы и переизданы, и даже в дате столь ранней, как 3300 год до н. э., писцы, которые копировали ее, были введены в заблуждение многими фрагментами, не соответствующими общему смыслу. Доктор Бадж замечает: «Мы в любом случае имеем основание утверждать, что самый ранний вариант этого произведения увидел свет одновременно с основанием в долине Нила цивилизации, которую мы называем „египетской“».

Один из этих текстов был действительно «обнаружен» во времена I династии и датируется 4266 годом до н. э. Когда же в таком случае он вообще был записан или литературно обработан?

«Книга Мертвых» почти наверняка была уцелевшим обломком неолитического ритуала сохранения тела, благодаря которому оно могло бы жить снова. Мы знаем, что ориньякские люди имели подобную концепцию бессмертия, согласно которой жизнь сохраняется в скелете. Вот что пишет профессор Макалистер об их методах покраски костей мертвых красной окисью: «Замечательный обряд раскраски костей в красный цвет должен быть отмечен особо... Цель обряда совершенно ясна. Красный — цвет жизни и здоровья. Мертвец должен был жить снова в его собственном теле, кости которого были его остоном. Окраска тела в цвет жизни была самой близкой практикой мумификации, которую знали палеолитические люди, это была попытка

сделать тело снова пригодным для использования его владельцем. В этой связи поучительно вспомнить знакомый случай в фольклоре, в котором герой, попав в беду, восстанавливает плоть своего тела от костей, или даже от маленького осколка кости, и снова оживает».

Мумификация действительно просто развивает эту традицию, и ясно, что египетский обряд мумификации со всем его запутанным ритуалом произошел от этой ориньякской практики, которая была его ядром и семенем. Египтяне, подобно ориньякцам, считали красный цветом жизни. Они красили лица своих богов в красный цвет и размазывали красную краску на щеках мумий. По всей вероятности, ориньякская, а по сути, атлантическая, традиция окраски костей мертвых распространилась по побережью Северной Африки, пока не достигла Египта, где с течением времени она претерпела дальнейшее развитие, так, что уже не кости, а все тело окрашивалось в оттенки жизни. Но имеется также и серьезное основание верить, что по всему следу цивилизации Атлантиды — от Египта до Перу — культ бальзамирования, первые признаки которого мы находим в последние ориньякские времена, состоявший в обвязывании трупа кожаными связками и лентами, медленно развивался, пока не вылился в определенный ритуал с четкими правилами. Я полагаю, что этот культ Осириса был порожден в Атлантиде и распространился оттуда по всей Северной Африке, с одной стороны, и в Америку, с другой стороны, и что родственные ему обычаи пустили корни в большинстве тех мест, где он себя проявил.

Глава 15

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС АТЛАНТИДЫ

Мы находим, что устаревшее представление о великой державе Атлантиде, основавшей нечто вроде колоний в Египте, Северной Африке, Америке и в других местах, должно уступить дорогу гораздо более здоровой и разумной гипотезе, согласно которой произошло медленное культурное проникновение на восток и на запад от области ныне затопленного континента. И действительно, кажется абсолютно неправдоподобным, что Атлантида основала что-нибудь похожее на колонии. Гораздо более вероятно, что влияние Атлантиды, укрепившись на берегах Европы, Америки и Африки, медленно продвигалось далее и наконец проникло на некоторое небольшое расстояние во внутренние области этих континентов. На береговых линиях этих материков мы и правда обнаруживаем лучшие свидетельства того, что может быть названо влиянием Атлантиды.

Каждая большая цивилизация характеризуется строго определенной группой культурных и традиционных проявлений и практик, и доказательства того, что можно выделить такую группу для цивилизации Атлантиды, довольно-таки очевидны. От берегов Западной Европы до берегов Восточной Америки, а также на лежащих между ними островах, можно обнаружить распространение некоего культурного комплекса, проявления которого можно найти, с одной стороны, в Северной Африке и Египте и в Мексике, Центральной Америке и Перу — с другой. Этот культурный комплекс исключительно устойчив в данном регионе, и совершенно ясно, что утраченная ныне связь через океан прежде объединяла его американские и европейские окраины.

Основные элементы, которые отличали культурный комплекс Атлантиды, — практика мумификации, колдовство, наличие пирамид, сплющивание головы, кувзйд, использование трехгранных камней, существование некоторых определенных легенд о катаклизме и несколько других незначительных культурных традиций. Главное доказательство его наличия — то, что все эти элементы в совокупности можно найти в пределах области, простирающейся от западных побережий Европы к восточным берегам Америки и охватывающей западноевропейские и Антильские острова. Насколько я понимаю, ни в какой другой части света этих связанных друг с другом элементов быть не должно. Этот факт дает нам вернейшее доказательство того, что они, должно быть, произошли из некоторой атлантической области, ныне затонувшей, которая прежде была связующим звеном между востоком и западом и откуда эти обычаи распространились на восток и на запад.

Мы видели, что древние ориньякцы Испании и Франции владели рудиментарным искусством мумификации; известно также, что их родственники на Канарских островах были знакомы с этой практикой в ее более продвинутой стадии. Из работы Алонзо де Эспинозы, монаха XVI столетия, мы узнаем, что на этих островах существовала каста бальзамировщиков, которые, подобно своим коллегам из долины Нила, считались изгоями. Труп бальзамировался смесью расплавленного бараньего жира с семенами трав, камешками и корой сосновых деревьев для придания сморщенной телесной оболочке контуров живого тела. Далее тело выставляли на солнце, пока оно не высушивалось, потом зашивали в овчину, которую, в свою очередь, клали в сосновую кору. Некоторых наиболее знатных мертвецов укладывали в гробы, вырезанные из цельного куска твердой древесины в форме тела, подобно египетским саркофагам для мумий. Известно, что тела были обмотаны кусками кожи, так же как и египетские мумии льняными полосами. Канарская традиция напоминает египетскую еще и в том, что первый разрез в теле делался каменным ножом. Экспертиза мумий, найденных на Канарских островах, доказывает их близкое подобие мумиям Перу. Начальная форма мумификации, таким образом, найдена среди ориньякцев Испании и Франции, а ее более поздние стадии — среди жителей Канарских островов. Если мы пересечем океан и достигнем Антильских островов, то обнаружим, что искусство мумификации некогда процветало и там. В Пуэрто-Рико черепа и кости мертвых заворачивали в хлопковую ткань или складывали в корзины для сохранения и поклонения. И снова мы видим, что черепа часто прилагались к бутафорским телам, сделанным из хлопка, и сохранялись в отдельном храме. Карибы также

делали хлопковые подоби́я, которые содержали в себе человеческие кости. Питер Мартир ссылается на неких *земисов*, или идолов, сделанных из хлопка; один из них, обнаруженный в Санто-Доминго, состоял из черепа, покрытого хлопком и покоящегося на хлопковом же теле; в глазницы были вставлены искусственные глаза, а вокруг ног и рук были повязаны хлопковые ленты. На Гаити существовал обычай, прежде чем предавать тело земле, связывать его полосками ткани и помещать в могилу вместе с символами и амулетами. Лас Касас и Колумб оба упоминают, что индейцы Гаити делали из древесины статуи, в которые они помещали кости родственников, нарекая статуи их именами.

Один миф гаитянских индейцев рассказывает, как некий идол — Фарагуваол — был обнаружен, подобно мумифицированному Осирису, в стволе дерева. Считалось, что, будучи спеленутым в хлопковую ткань, он мог выпутаться из нее, как и египетская *ба*, или душа могла убежать из обмоток мумии.

Г. Дж. Х. Фьюкс, исследовавший местные обычаи Антильских островов, отмечает, что «мертвых иногда заворачивали в хлопковые ткани». Марионетки или куклы, набитые хлопковой тканью, которой были обернуты кости мертвых, упоминаются в ранних писаниях. Одну из лучших таких кукол он описал в статье, в своей брошюре о *земисе* из Санто-Доминго... По свидетельству доктора Кронау, фигура, найденная в пещере в окрестности Маниэль, к западу от столицы, имеет 75 сантиметров в высоту. Согласно тому же самому автору, голова этого идола — покрытый хлопком череп с искусственными глазами. Вокруг рук и бедер, в соответствии с упомянутой традицией, также найдена ткань, вероятно — хлопок. Имеется еще и след от лент на лбу. Здесь ясно прослеживается воспоминание о практике перевязки мумии, а большой разрез на животе фигуры окончательно доказывает, что намерение изготовителя состояло в том, чтобы представить образ выпотрошенного трупа.

Если теперь мы перейдем далее на запад, в материковую Америку, то найдем здесь избыточные свидетельства практики бальзамирования умерших. Она, конечно, более очевидна в высоко цивилизованных центрах типа Мексики, Центральной Америки и Перу. Метод бальзамирования тела в этих регионах имел свои отличия. В Мексике труп в сидячем положении помещался внутрь изображающей мумию тряпичной куклы, покрытой вышивкой, перьями и символами. Поверху мумию опутывали веревкой и на верхушку водружали бутафорскую голову или маску, наличие которой указывает на связь с практикой Антильских островов. В Центральной Америке тело после бальзамирования укладывали в лежащем положении и бинтовали, почти как в Египте. На иллюстрациях в рукописях мексиканцев и майя изображено множество мумий. Майя Центральной Америки хоронили тела правителей и жрецов в искусно сделанных каменных саркофагах, прилагая к ним сосуды-канопы, похожие на те, что использовали в погребальной практики египтяне; они закрывали их крышками, изображающими духов четырех частей света, что также имело место в Египте.

Подобно египтянам майя также связывали некоторые цвета с основными органами и частями тела. В некоторых случаях это соотношение цветов и органов совпадает. Мы также находим, что проводником мертвых и в Египте и в Мексике считалась собака.

Когда умирал мексиканский вождь, убивали собаку, которая, как предполагалось, должна была сопровождать его в загробном мире, точно такую же роль выполнял пес Анупис в случае смерти египтянина. Еще одно поразительное сходство мексиканской и египетской погребальной практики: наличие в мексиканских рукописях символа *tat* в связи с мумией — эмблемы, которая, согласно поверьям, обеспечивала мертвых новым позвоночником после воскрешения. Попутно можно заметить, что этот символ *tat* имеет отношение к некоторым азилийским символам, найденным на окрашенной гальке в пещерах Франции и Испании.

Некоторые мексиканские боги фактически развивали образ мумии. Один из них, Тлауицкальпан-текутли, бог планеты Венера, изображался и в «Codex Borgia», и в «Codex Borbonicus» как мумия, сопровождаемая маленькой синей собачкой — спутницей мертвых. Во время регулярных праздников в его честь на шест поднимали бутафорскую мумию, вокруг которой плясали жрецы. Возможно, наиболее информативный из рисунков в мексиканских рукописях — тот, что воспроизведен в манускрипте «Сахагун», на котором мексиканские жрецы изображены за изготовлением фальшивой мумии, ее маски, бумажных украшений и флагов, которые сопровождали ее. Не менее интересна работа «Relacion de las ceremonias y

Ritos de Michoacan», цитируемая Селером, — в ней содержится множество поразительных рисунков, иллюстрирующих процесс мумификации в этом регионе.

В Перу искусство мумификации было широко распространено, и в могилах этой страны покоится множество мумифицированных тел. Мертвых заворачивали в шкуры лам, на которых были тщательно отмечены контуры глаз и рта. Мумификация практиковалась и во многих других областях Америки, но, поскольку я уже рассматривал эту проблему, было бы излишним детализировать ее здесь снова.

Второй отличительный элемент культурного комплекса Атлантиды — колдовство. Здесь мы не будем говорить о том, что колдовства не было в странах, в которые этот культурный комплекс не проник; мы намерены показать его связь с другими элементами культурного комплекса Атлантиды в тех местах, где эта культура распространилась. В действительности вполне вероятно, что культ колдовства зародился в Атлантиде. На самом деле это культ плодородия, произошедший из очень древней практики поклонения быку, как символу животворящей силы, но наиболее значимым для исследователя археологии Атлантиды колдовство становится потому, что в своих наиболее поразительных аспектах оно связано с теми регионами, которые, несомненно, более всего подверглись воздействию иммиграции из Атлантиды — это Франция, Испания и Мексика, в особенности ориньякские области двух первых стран. Его распространение почти совпадает с зоной распространения древних обычаев, позже развившихся в мумифицирование.

О том, что ориньякцы занимались колдовством, лучше всего свидетельствует их наскальные росписи. В каменном заслоне от ветра в Когале около Лериды в Испании был обнаружен рисунок, изображающий множество женщин, одетых в традиционные костюмы ведьм, с остроконечными шляпами и юбками, спускающимися от талии, танцующих вокруг мужского идола или жреца, окрашенного в черный цвет, — «черного человека», в действительности встречающегося в ведовских поверьях.

Эта сцена представляет собой шабаш ведьм. Хорошо известно, что этот культ процветал и в Мексике до и после вторжения Кортеса. Мексиканские ведьмы — киуатетео, — как предполагалось, передвигались по воздуху, являлись на перекрестках, насылали на детей паралич. При этом они точно так же, как и ведьмы Европы, использовали в качестве оружия стрелы. Шабаш ведьм был в действительности так же скандально известен в древней Мексике, как и в средневековой Европе. Мексиканская ведьма, подобно ее европейской сестре, имела при себе метлу, на которой она летала, и ассоциировалась с кричащей совой. И правда, королева ведьм Тлазолтеотль изображалась в остроконечной шляпе верхом на метле. А еще ее изображали стоящей около дома с совой — в целом рисунок представляет собой жилище ведьмы с колдовскими травами, свисающими с крыши. Мексиканские ведьмы, подобно их европейским коллегам, также натирались мазью, которая позволяла им летать по воздуху, и участвовали в диких и похотливых танцах, точно так же, как это происходило и в Европе. Даже старые испанские монахи, описывая этих женщин, называли их ведьмами.

Связь между мумификацией и колдовством достаточно ясна, так как для ведьм Европы наибольшей ценностью считалась часть плоти египетской мумии, которую использовали в качестве магического средства. Та же самая практика была принята и в Америке, где в колдовских целях использовались руки и пальцы мертвых женщин. Кроме того, колдуны квакиутль Северо-Западной Америки использовали в качестве магического средства высушенную, поджаренную на огне, перетертую и истолченную кожу и плоть мертвеца. Все это завязывалось в лоскут кожи или ткани и заталкивалось в полую человеческую кость, которая захоранивалась в земле в миниатюрном гробе. Отношения между европейским и американским колдовством, таким образом, достаточно ясны, и при этом ни один из этих магических обрядов не похож на колдовские культы Азии, которые в большинстве своем являются преимущественно мужским занятием. Эти подобию, рассмотренные в единстве с географией распространения культа, кажутся слишком существенными, чтобы их можно было просто проигнорировать, особенно если мы вспомним, что древняя ориньякская территория была в более поздние времена одним из оплотов колдовства в Европе. Кажется, что мы имеем наилучшие из возможных обоснований для того, чтобы признать происхождение колдовства в Европе и Америке от Атлантиды.

В греческих мифологических рассказах о садах Гесперид и амазонок Гесперии мы находим отчетливые воспоминания о женском культе. Нечто подобное мы видим и в преданиях гуанчей Канарских островов — последних остатков Атлантиды. Я уже суммировал легендарный материал, связанный с амазонками и их вторжением в Атлантиду, из которого кажется ясным, что они практиковали колдовство. Короче говоря, это был воинственный женский культ с возможными людоедскими склонностями, подобно культу современных амазонок Дагомеи. Существенно, что ведьмы Мексики вели себя так же, как и амазонки из классической легенды. В действительности на каком-то этапе мексиканской истории большой отряд амазонок или женщин-воинов, живущих в области Хуакстек на восточном побережье Мексики, вторгся в мексиканскую долину. Они приносили в жертву военнопленных, и примечательно, что их лидером тогда была Глазолтеотль, главная богиня ведьм. Их основным оружием, как и у амазонок, был лук, и из рассказа Камарго ясно, что их главная богиня прибыла из классических садов Гесперид. Он говорит, что она «проживала в очень приятном, восхитительном месте, где было много чудесных фонтанов, ручьев и цветущих садов, которые называются Тамоанчан, или местом девятикратно переплетенных цветов, местом свежих прохладных ветров». Этот фрагмент явно объединяет амазонок Гесперии с их мексиканскими сестрами, и то, что и те и другие были вооружены луками и щитами из змеиной кожи, судя по всему, ставит точку в этом вопросе.

Культы ведьм встречаются также на европейских и американских островах, образующих цепочки между Атлантидой и соответствующими материками. Среди гуанчей Канарских островов существовала секта, известная под названием эффенекс, девственные жрицы которой, магадес, совершали ритуал в каменных кругах. В Барранко-Валерон все еще стоит один такой круг, в котором они отправляли свои обряды. Подобно мексиканцам, ориньякцам и критянам, они участвовали в символических танцах и бросались в океан, отдавая себя в жертву водам, которые, как они верили, однажды затопят их острова. Подобно мексиканской жрице Глазолтеотль, в их обязанности входило омовение младенцев. У них принято было многомужество, и очевидно, что матриархат некогда царил на острове. На Антильских островах довольно трудно отделить местные колдовские приемы от культа обеа, имеющего африканское происхождение, но явное присутствие на этих островах жриц показывает, что женское влияние там также было сильным.

Наличие пирамиды — еще одно свидетельство присутствия культурного комплекса Атлантиды. Эти факты уже были приведены, и здесь только необходимо заметить, что пирамиды в законченном виде или в зачаточной форме были найдены в близкой связи с другими элементами культурного комплекса Атлантиды в Европе, на Канарских островах (в форме долменов), на Антильских островах, в Мексике и Перу, а также в области Маунд-Бильдерз в районе Миссисипи. Но мы переходим теперь к свидетельству более замечательному.

Традиция искусственного сплющивания головы настолько специфическая, что она не может считаться происходящей более чем из одной области. Мы находим, что она, несомненно, связана с другими элементами культурного комплекса Атлантиды, и пока не обнаруживаем ее в тех частях света, в которые этот комплекс не проник. Мы очень ясно различаем ее в ориньякских фигурах, изображенных на изумительной наскальной живописи в Альпере, среди сегодняшних уроженцев бискайя на Антильских островах и среди майя и ацтеков Центральной Америки. Этот тип искривления черепа, кажется, действительно был частью определенной культуры, которая распространилась по атлантическому маршруту от Бискайского залива до Центральной Америки. Сэр Дэниел Вилсон отмечает, что доктор Фовиль, «выдающийся французский врач, руководивший больницей для душевнобольных в департаменте Шаранта, пролил свет на удивительный факт: искривление черепа в младенчестве все еще практикуется во Франции, это достигается посредством специфического головного убора и бандажей. В своей большой работе „Анатомия нервной системы“ он изобразил примеры таких вот сплюснутых голов, одну из которых вполне можно было бы ошибочно принять за перуанский могильный реликт. Эта практика, вероятно, сохранилась еще с глубокой древности и обнаружена в основном в определенных районах. В Нормандии, Гаскони, Лимузине и Бретани ее распространенность отмечена особо, с некоторыми местными вариантами ее метода и

последствий». Известно также, что деформацию черепа сегодня широко применяют баски, которые занимают почти ту же самую территорию, что и кроманьонцы во времена ориньякской культуры.

Традиция деформации черепа известна и среди индейцев Антильских островов, о которых Шарлеву говорит: «Они искусственно сплющивали свои головы, сокращая, таким образом, размер лба, что им очень нравилось. Эта процедура была заботой матерей, которые сильно сжимали голову младенца руками или двумя небольшими дощечками и постепенно сдавливали ее, в результате чего череп приобретал нужную форму».

Сейчас хорошо известно, что стискивание головы практиковалось и до сих пор практикуется у нескольких племен Американского материка. У народов майя последствия давления на лоб в младенчестве можно заметить по скошенным черепам фигур, изображенных на их статуях и барельефах, то же самое можно сказать о некоторых из индейских народах западного побережья Америки. Я не могу найти никаких следов подобной практики на Канарских островах, и возможно, что там она умерла, но не так-то легко обнаружить традицию, столь явно преобладающую точно по линии, принятой нами за распространение культуры Атлантиды в восточном и западном направлении, традицию, которая ни в коем случае не является обычной в других частях света.

Практика татуировки тела также, судя по всему, может быть связана с культурным комплексом Атлантиды.

Традицию татуировки, все еще столь распространенную среди моряков и рабочего класса, многие специалисты считают пережитком отдаленного прошлого, когда, по всей вероятности, все население Британских островов было раскрашено таким образом. То, что римляне считали татуировки особенностью британцев, следует из многих классических источников, но особенно из одного фрагмента у Клавдиана, который описывает Британию как женщину, чья голова украшена кожей «каледонского монстра» и чьи щеки отмечены следами татуировки. Геродиан, греческий современник императора севера, утверждает, что северные британцы, с которыми он сталкивался, не носили одежды, потому что не желали скрывать татуировки, которыми были покрыты их тела.

Имеются вполне достаточные доказательства, что само племенное имя «бритты» означает «татуированные люди». Геделик или гэльскоговорящие жители Британских островов называли себя «круитне» или «кртаной» — «людьми, покрывающими себя татуировками». „Это слово, на устах говорящих на языке кимрик моряков из Марселя, торгующих с британцами, стало звучать как „бртаной“, а у греческих торговцев этого города — „бретаной“ и, таким образом, навсегда связало наше национальное имя с неправильным иностранным произношением. Среди уэльсцев, другого народа, говорящего на языке кимрик, Пиктланд был известен как „Притен“, и есть доказательства, что в давние времена они дали это название целому острову, „Йинис-Придайн“, или „остров Пикт“, то есть — «Остров татуированных людей».

То, что «круитне» или «кртаной» обозначает «татуированные», достаточно ясно из другого фрагмента у Геродиана, в котором говорится, что северные бритты татуировали свое тело фигурами животных. Это свидетельство вдвойне ценно, поскольку оно было написано по крайней мере за столетие до того, как имя «пикты», или татуированные люди, появилось в классической литературе. Это находит свое подтверждение в свидетельстве раннего гэльского автора Дуалда Макфирбиса, который говорит, что «круитнеа» (пиктус) — это тот, кто носит *круфы*, или изображения животных, птиц и рыб, на лице и на всем теле».

Это свидетельство, как далее станет ясно, полностью отлично от дериваций, которые возводили слово «пикт» от латинского *pictus*, («окрашенный»). Доказано, что слово «пикт», в его родной, а не в латинской форме, означало «татуированный». Это возводится к старой геделикской форме «кикт» и к гораздо более древнему арийскому корню «пик», означающему «татуированный». И нет никакого сомнения в том, что слово было перепутано римлянами с их собственным термином *pictus*. Часто цитируемое заявление императора Клавдия о том, что пикты были «*non falso nomine pictos*», то есть «не зря названы окрашенными людьми», подразумевает, что он знал, как они украшали свои тела символами, и был удивлен, обнаружив, что их племенное название напоминает латинское слово, обозначающее окрашенную вещь или человека. «Пиктос», — говорит Рхис, — было кельтским словом той же самой этимологии и

приблизительно того же самого значения, что и латинское *pictus*. Кельты вначале применяли его по отношению к пиктам из-за их татуировки, а позже и сами пикты приняли это название».

Менее известно, что слово «скот» также означает «татуированный». Рхис полагал, что оно произошло от корня, означающего «резать» или «татуировать», и это предположение было поддержано Макбэйном. В «Исидоре из Севильи» указано, что слово «скот» означает окрашенное тело, на котором различные фигуры нанесены острым орудием с красками. Согласно Е. У. Николсону из библиотеки Бодлея, между «скотом» и «пиктом» мало или вообще никакого реального различия. Различия между «скотом» и «пиктом», — отмечает он, — вероятно, больше, чем между саксом и англom: оба названия означают ту же самую вещь — «татуированы». Говоря о пиктах и шотландцах Ирландии, профессор Рхис отметил: «Вся ирландская история показывает, что ирландцы состояли в близком родстве с общинами круитнов, и я считаю, что имена „круитне“ и „скоты“, вероятно, были первоначально применимы и к тем и к другим».

Но сохранилось и более интересное свидетельство о том, как наши предки практически осуществляли процедуру татуировки. Во Франции, так же как и в Англии и Ирландии, были свои пикты — пиктави из Пуатье и Пуату, чья традиция татуировки запечатлена на их монетах. На монете уналли, которые жили в Котентине, отчеканена голова, татуированная изображением короткого меча с рукояткой на шее и наконечником у ноздрей. Николсон привлек внимание к этому изображению как, вероятно, связанному с именем Кальгака, каледонского предводителя, сражавшегося с римлянами при Монс-Грапия, которое в его родной форме «калг» означает «меч». Кальгак, как он полагает, очевидно, был татуирован изображением меча, подобно воину на рассматриваемой монете.

На монете олерки из Майна изображено лицо, щека которого татуирована кругом точек, внутри которого заключен петух — возможно, это самое раннее изображение этой птицы в качестве национальной эмблемы Галлии. На монете бодиокамме из Бойо можно увидеть лицо, окруженное вытатуированными точками, которые заключают в себе букву А. Монеты, найденные на острове Джерси, изобилуют подобными мотивами, то есть татуированными лицами. Часто орнаменты были астрономическими, изображавшими кометы и другие небесные тела. На одной из монет континентальных пиктов — голова, у которой на челюсти вытатуирован крест с узлами на каждом из его четырех концов. Все эти примеры — из Западной Галлии, а татуировки, изображенные на них, по мнению Николсона, свойственны геделикскому или гэльскоговорящему населению, отличному от кимрикскоговорящих кельтов, которые, судя по всему, татуировок не делали.

Известно, что племена пиктов, рассеянные от северо-запада Франции до Оркни, были мореплавателями с пиратскими нравами. Среди них было племя венетов, с которым Юлий Цезарь столкнулся в морской битве у бретонских берегов, и им, по его словам, оказали помощь родственные народы Британии. Их суда были настолько больше и лучше, чем римские галеры, что только после отчаянного сопротивления он преуспел в сражении с ними. Побережья Северо-Западной Франции и Британии от Корнуолла до Кейтнесса кишели племенами круитне, или бритонов, промышлявших морской торговлей друг с другом, ловлей рыбы, а в случае неудачи — грабежом. Короче говоря, эти племена, в то время все еще известные на море как норманны и саксы, были истинными создателями британской морской мощи. Они уже совершали рейсы в сотни миль на судах значительного тоннажа, с железными тросами и кожаными парусами.

Не может ли быть так, что от этих выносливых мореплавателей далекого прошлого и пришла к современным британским морякам традиция татуировки? Примечательно, что одежда британского моряка времен Нельсона, с его шляпой, глубоким воротником и полосатым жилетом, совпадает с популярным костюмом морских районов Бретани, моряки и рыбаки которой — известные любители татуировок. Мы не имеем, правда, никаких свидетельств о судьбе этой практики в Средневековье. Но нужно помнить, что тогда не было принято в красках расписывать жизнь низших классов. Ясно, что традиция, прочно удерживающаяся среди некоторых социальных слоев, должна иметь за плечами солидную генеалогию.

Что же касается происхождения татуировки в Англии, то оно может быть почти точно отнесено к этнологической связи ее кельтских племен с иберийской расой. Кельты свободно

смешивались с иберийцами, в Испании, и во Франции, и в Англии. Известно, что иберийцы имели африканское происхождение, а древние египтяне отмечают, что иберийские племена Северной Африки были увлечены татуировкой своих тел. Возникла ли татуировка в Северной Африке или нет, вероятно, эта практика распространилась оттуда до Малой Азии, а позже и до Индии, откуда она, кажется, находит свой путь в Полинезию.

Как бы то ни было, эта традиция еще в древности прочно установилась в Англии так прочно, что и в самом деле стала отличительным признаком ее коренного населения и даже дала имя непосредственно самому острову.

Для нас «иберийский» означает «атлантический», и так как татуировка в Европу, конечно, была привнесена иберийцами Африки, то кажется очевидным, что она имела атлантический источник. Это подтверждается тем фактом, что индейцы Антильских островов делают татуировки того же самого стиля также, что и население Англии и Галлии. Гуатары Коста-Рики татуированы фигурами животных, а майя Центральной Америки использовали татуировку как почетный знак, такой же, как и сплющивание головы.

Как мы знаем, древние жители Испании и Галлии имели татуировки. Я не могу найти никакого свидетельства этой практики на Канарских островах, но когда мы находим эту традицию в моде у трех «звеньев» той цепи, в которой Атлантида как раз недостающее «звено», то можно сделать вывод, что эта традиция, должно быть, также произошла от затонувшего континента и была перенесена на восток и на запад наряду с другими особенностями культурного комплекса. В частности, в Англии она, судя по всему, сохраняется потому, что это так и должно быть в столь изолированной области. Из этого мы можем заключить, что другие перенесенные с Атлантиды традиции процветали на нашем острове до относительно недавнего времени.

Другая традиция, имеющая более универсальное распространение, также связана с культурным комплексом Атлантиды. Это — кувэйд, странный обычай, который заключается в том, что, когда рождается ребенок, отец должен находиться у его кровати и оставаться там в течение нескольких дней или недель после того, как мать вернется к своему обычному образу жизни. Диодор Сикул ручается, что эта практика преобладала среди древних корсиканцев, а Аполлоний Родосский говорит, что она имела место и у иберийцев Северной Испании. Мы также находим ее среди басков Испании и Франции, которые живут почти в границах древней ориньякской области, а еще среди карибов Вест-Индии, так же как и на южноамериканском побережье. Эта практика, очевидно, происходит из идеи о духовном союзе между отцом и ребенком и веры в то, что малыш будет страдать, если отец не будет ухаживать за ним так же, как мать. Эта традиция была прослежена в Европе у народов средиземноморской расы, которые наиболее близко связаны с народами, иммигрировавшими с Атлантиды.

Традицией, которая некоторым образом связывает вместе различные части культурного комплекса Атлантиды, была вера в камень-гром и его странные свойства. Этот символ, в виде волшебной палочки или чего-то подобного, почти универсален, и не только первобытные, но и многие современные народы считают его источником бурь, сейсмических и вулканических явлений, будь это стрела-вулкан, стрелы мексиканских и египетских божеств или же копье карибов. Но в свете проблемы специфического культурного комплекса Атлантиды это позволяет себе представить еще одну связь между культами ведм и мумифицированием. В Мексике планета Венера, звезда Кецалькоатля, считалась камнем-громом. Этот символ во многих американских и западноевропейских регионах тщательно оборачивали в полосы ткани, точно так же как оборачивали мумии, и прятали в тайном месте. Складывается впечатление, что первоначальные идеи, связанные с этой практикой, и впрямь происходили из некоей сейсмоопасной области. В любом случае, как уже было сказано, эта практика соединяет культы ведм и мумификацию с понятием сейсмической неустойчивости. В некоторых из западных ирландских островов бури вызывались раскручиванием фланелевых лент, в которые были обернуты такие вот священные камни, а в Мексике бог Хуракан, то есть ураган, южный эквивалент бога Ицилаколиухкви, представлялся в виде простого каменного ножа для жертвоприношения, а Кецалькоатль, в виде планеты Венера, оборачивался в бинты для мумии.

Этот бог, подобно Вулкану, получил увечье в результате сверхъестественного несчастного случая, который был, очевидно, связан с извержением вулкана, поэтому он и сам связан с

вулканом, подобно богу горы Этна, вулканические шлаки которой считались порождением ударов молнии.

Трудно поверить в то, что в основе этих связей нет некоей первоначальной символики, имеющей отношение к сейсмической активности. Вероятно, камень-гром считался самой сущностью бури, волшебной субстанцией, которая обеспечивала возбуждение сил природы: ветров, землетрясений или извержений. С другой стороны, он, несомненно, считался колеблющим землю орудием, посредством которого боги вылепляли контуры земли. Обычай опутывать его лентами, наверное, соответствовал стремлению сделать эти силы временно неподвижными, «мумифицировать» их. Пока он был заключен в эти обмотки, он был символически «мертв» и неспособен к действию, но как только они были раскручены, его дух разрушения выпускался на свободу.

Археологи обнаружили в некоторых частях Антильских островов множество странных треугольных камней, которые, видимо, тесно связаны с этим символом. Их географическое распределение ограничено Пуэрто-Рико и восточной оконечностью Санто-Доминго, то есть той частью архипелага, которая, вероятно, ранее составляла некую долю почти исчезнувшего острова Антилия. Эти камни обычно вырезаются в форме горы, под которой можно разглядеть голову и ноги погребенного Титана. Профессор Масон замечает: «Антильские острова имеют вулканическое происхождение, как это явно показывает материал каменных орудий». Далее он говорит, что форма этих камней наводит на размышления о природе островов, поскольку камни, надо полагать, представляют мифологического героя, несущего остров на спине. Он ссылается на легенду о Тифее, который был убит Юпитером и погребен под горой Этна, и заканчивает следующими словами: «Подобный миф, возможно, был сложен в разных местах, чтобы объяснить вулканические или другие связанные с горами явления».

Эти слова согласуются с космогонией народов майя, которые считали, что Земля покоится на спине большого дракона или четырехногого кита. Прослеживается связь с мифом об Атласе, держащем мир на своих плечах, — мифом, связанным с историей Атлантиды. Далее эти представления отражены в мифе о Кецалькоатле, который в его центральноамериканском варианте является морским драконом или змеей. Эти мифы, как мне кажется, в символической форме изображают божество, обязанностью которого было держать мир, но который, подобно Атласу, иногда изнемогал под тяжестью своего бремени и бросал его, причиняя всеобщее разрушение и катастрофу.

Кажется также, что в этих треугольных камнях мы находим некоторое скомбинированное понятие об Атласе, как о формирующем мировой облик инструменте. Таким образом, в символике камня-грома заключена сама суть всего культурного комплекса Атлантиды. К нему, как спицы к оси колеса, должны быть отнесены и практика мумификации, и колдовство, и тайны и искусство каменного строительства. Молоток бога грома или творящего мир божества, которым он вырезал и сформировал землю, был в действительности тем же орудием, которым древний скульптор выполнял его работу. Манибозхо, бог индейцев алгонкинов, создавал холмы и долины молотком, строя большие дамбы и молы поперек озер. Миф о нем говорит, что «он вырезал землю и море по своему желанию», точно как Посейдон разрезал остров Атлантида на зоны земли и воды. Посейдон имел печальную славу бога землетрясения, равно как и морского божества, из всего этого можно сделать справедливый вывод, что он справился с задачей формирования земного облика с помощью большой первобытной кирки с острым кремневым наконечником на деревянной ручке. Этим молотом Тора, молотком Птаха, согласно великому множеству мифов, Земле была придана форма.

Кажется, что эта священная кирка или молоток должны были быть символами Посейдона на континенте Атлантида. И по всей вероятности, они хранились обернутыми в полотно в его храме, так же, как черный камень Юпитера сохранялся в Пергаме или же стрелы Уицципочтли в пирамиде-храме в Мексике. В Каабе в Мекке, центре мусульманского мира, хранится подобный камень, обернутый в шелк; и мы знаем, что на ирландских островах похожие камни заворачивались во фланель и хранили в специальном помещении.

В мифологии Мексики множество намеков на некоего Хуемака, или «Большую руку», который, видимо, идентичен Кецалькоатлю. Этот персонаж встречается также в мифологии майя под именем Кабул, или «Работающая рука», что является обожествлением руки, которая

держит большую кирку или молоток, как это видно из иллюстраций местных рукописей. Кецалькоатль был прекрасным мастером-каменщиком, прибывшим из атлантической области. В виде Куиче из Тохилиа он представлен кремневым камнем. Кажется, здесь мы имеем культурного героя, пришедшего из моря и изображаемого в символической форме, которая, вероятно, является центральной эмблемой культурного комплекса Атлантиды. Кецалькоатль — также и символ планеты Венера, и эта идентификация имеет двойное значение для культурного комплекса Атлантиды. Эта гипотеза ни в коем случае не ослабляется, когда мы обнаруживаем, что эта «Большая рука» фактически отождествлялась с Атлантидой в средневековых легендах, например на карте Бианко, датируемой 1436 годом. На ней изображен остров, итальянское название которого может быть переведено как «рука Сатаны». Формалеони, итальянский автор, сохранил название, но не оценил его значение, пока случайно не обнаружил упоминание подобного имени в старом итальянском романе, где говорилось, как большая рука поднималась каждый день из моря и уносила с собой в океан множество жителей. Легенда эта, несомненно, связана с памятью землетрясения или о катаклизме где-то в море, и кажется очевидным, что Хуемак был богом этого атлантического острова, который землетрясением брал дань человеческими жизнями. Эта история, судя по всему, связывает с ним Минотавра, божественного быка Посейдона, который также принимал в жертву людей на острове Крит. Сюда можно отнести и культ Канарских островов, жрицы которого, как мы уже видели, бросались в море, чтобы умиротворить бога Океана, а также миф о титанах. В рассказе Платона об Атлантиде могут быть обнаружены практически все детали культурного комплекса этого континента, это же относится и к мифу о Кецалькоатле. Не только материковые земли этих двух континентов хранят наиболее ясные следы присутствия этого культурного комплекса, но и близлежащие группы островов тоже красноречиво свидетельствуют о его влиянии. Я попытался показать, что нигде больше в мире не существует такого особого культурного комплекса, который охватывал бы эти специфические проявления. Несомненно, что со временем можно будет проследить и другие более или менее подходящие дополнения к этому комплексу, но тех, что уже обнаружили связь с ним, достаточно, чтобы однозначно согласиться: этот комплекс в действительности существовал, и есть большая вероятность того, что он возник на затонувшем ныне острове в Атлантике.